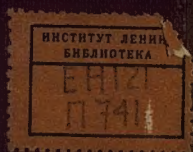
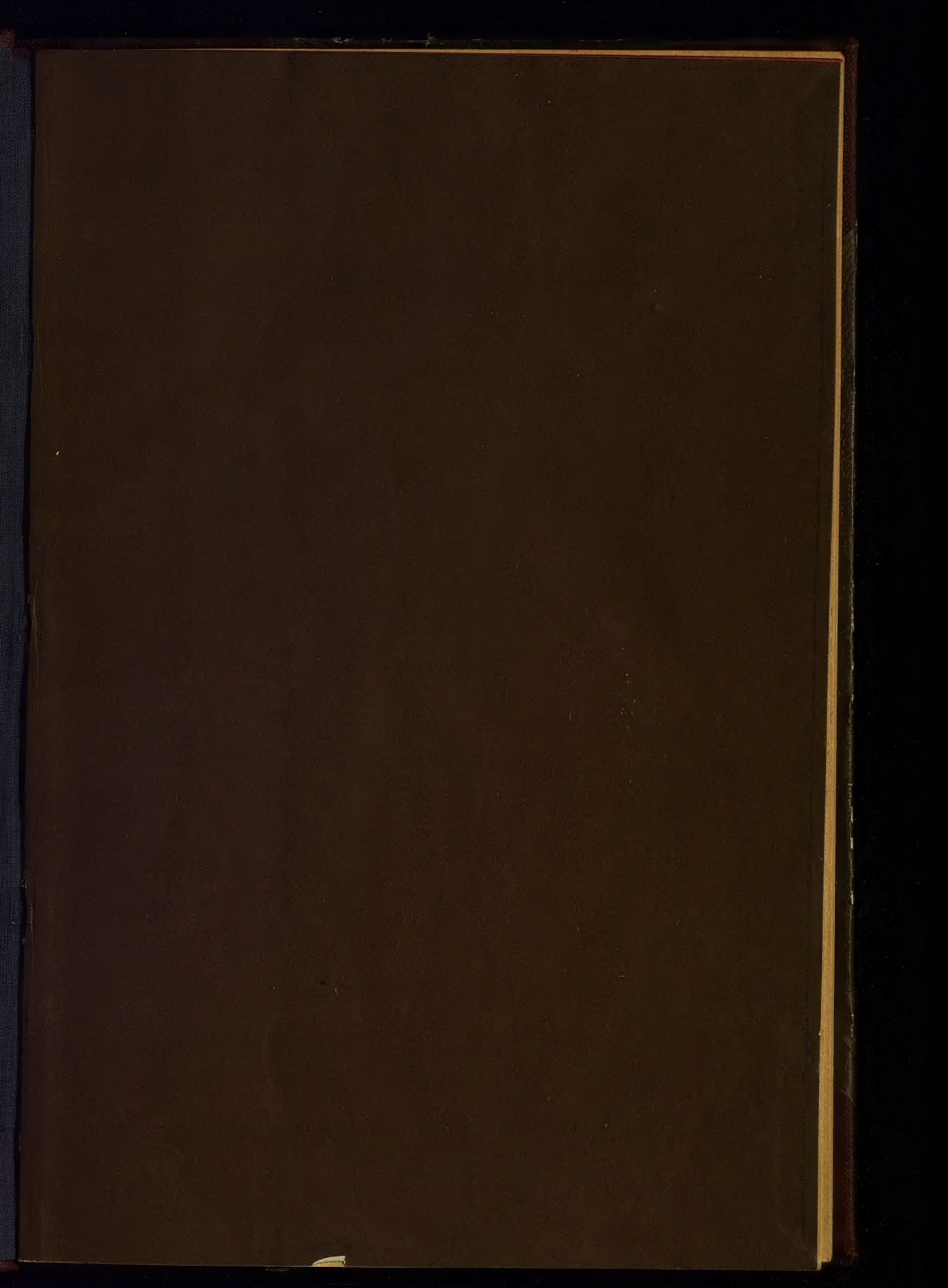

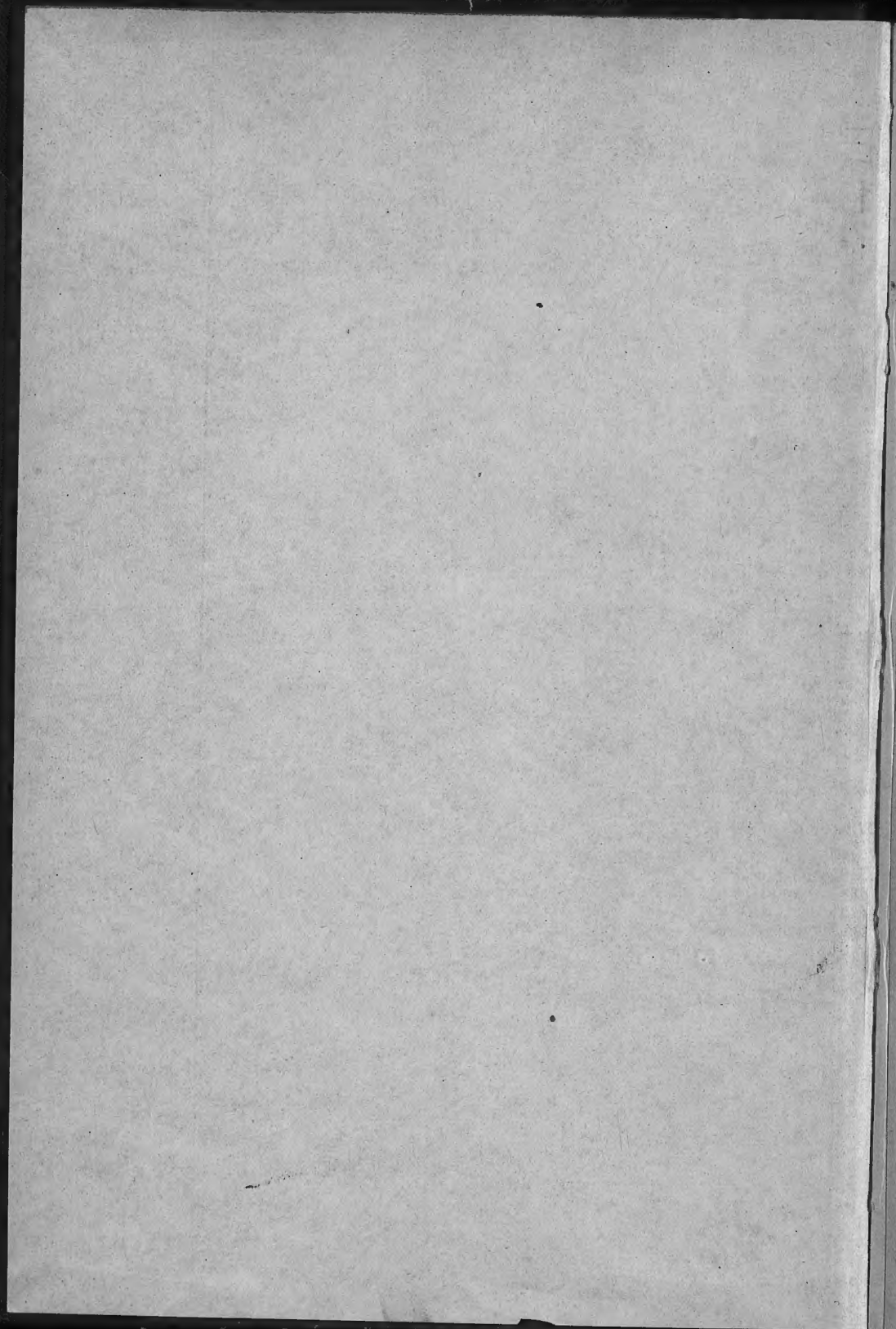
БУХАРИИ
Политическая
ЭКОНОМИЯ
РАТТЛЕ

Редакционно-Издательский Отдел В. С. Н. Х.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Н. Бухарин.

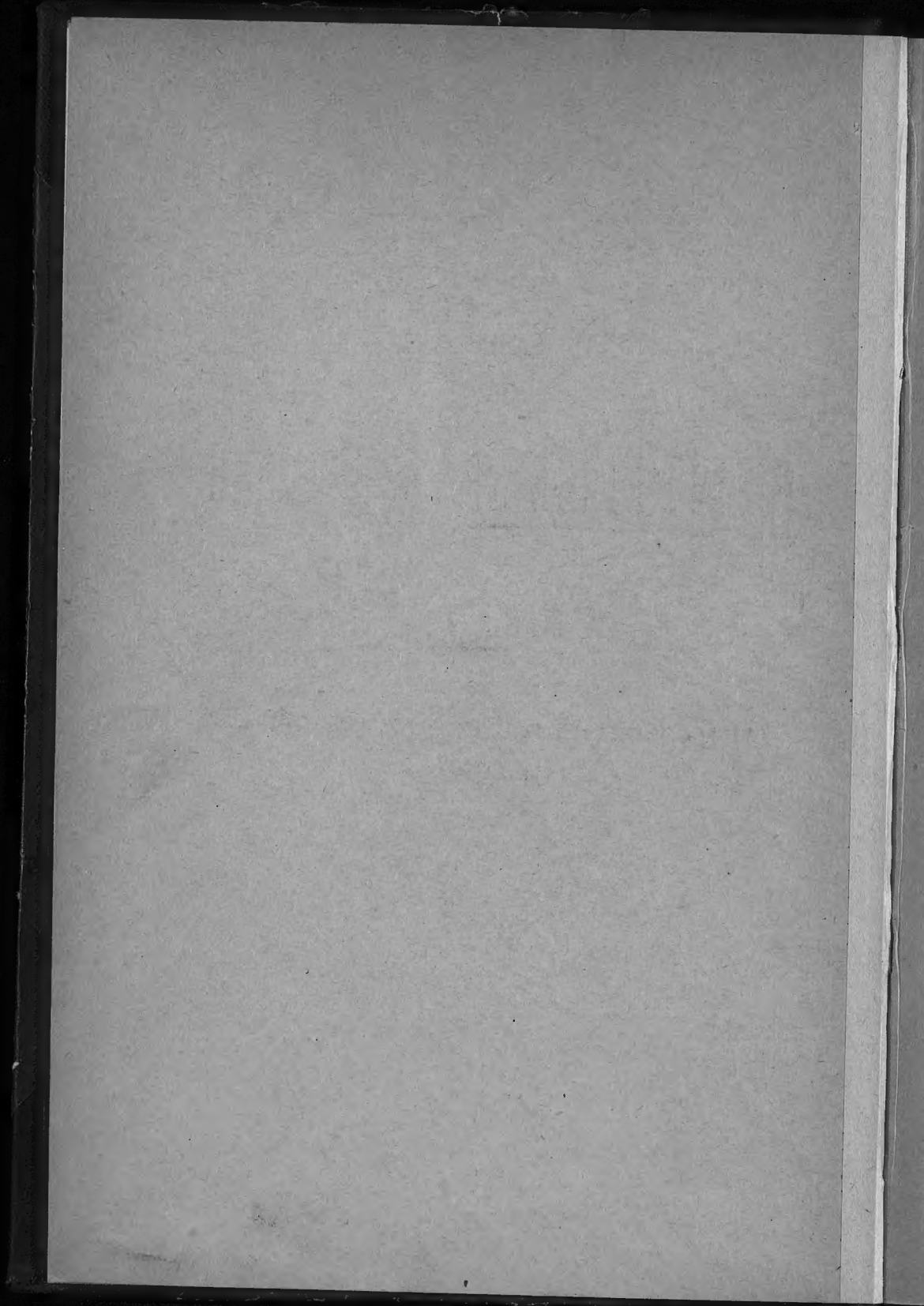
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ РАНТЬЕ.

(ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ И ПРИБЫЛИ АВСТРИЙСКОЙ
ШКОЛЫ).

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Москва, Кузнецкий пер., д. 3.

Редакционно-Издательский Отдел В. С. Н. А.

ЕН 121

1741

Е. Бухарин.

X

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

РАНТЬЕ.

ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ И ПРИВЫЛИ АВСТРИЙСКОЙ
ШКОЛЫ)

СКЛАД ИЗДАНИЯ

Москва. Кузнецкий пер. д. 8

8.

ЕН121
П741

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

1400
(27)

5932-1

28
1116

1050464

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая работа была закончена уже осенью 1914 года, то-есть вначале великой мировой войны, и предполагавшееся предисловие было подписано августом-сентябрем того года.

Меня давно занимала мысль дать систематическую критику теоретической экономии новейшей буржуазии. С этой целью я поселился в Вене, когда мне посчастливилось бежать из ссылки, и стал слушать Бем-Баверка, теперь уже покойного, в венском университете. В библиотеке венского университета мне пришлось проработать в основном литературу австрийских теоретиков. Закончить работу в Вене, однако не удалось, так как австрийское правительство перед войной посадило меня в крепость, при чем рукопись тщательно проматривалась охранниками. В Швейцарии, куда я был выслан, библиотека лозаннского университета дала мне возможность на месте работать над «лозаннской школой» (Вальрас и над старыми экономистами, проследживая корни теории предельной полезности. Там же я начал изучать и англо-американских экономистов. Политическая работа перебросила меня затем в Швецию, где стокгольмская «Королевская Библиотека», а также специальная экономическая библиотека Высшей Торговой Школы позволили мне продолжать работу по изучению новейшей буржуазной экономии. Арест и высылка в Норвегию пересадили меня в библиотеку нобелевского института в Христиании, а затем, после моего переезда в Америку, я более подробно — опять-таки на месте — ознакомился в нью-йоркской «Публичной Библиотеке» с американской экономической литературой.

Рукопись долгое время пропала: где в Христиании, и только благодаря энергичным поискам со стороны моего друга, норвежского коммуниста Арвида Гансена (Arvid G. Hansen) она была найдена и привезена в феврале 1919 г. в Советскую Россию. Теперь я включаю в нее лишь некото

ые замечания и примечания, имеющие, главным образом, касательство к англо-американской школе и к изланиям последних годов вообще.

Такова *внешняя* «история» этой работы.

Что касается существа дела, то оно сводится к следующему. До сих пор в марксистском лагере критика новейших буржуазных экономистов сводилась, главным образом, к двум типам критики: либо это была только социологическая критика, либо критика исключительно методологическая. Устанавливалось, например, что данная теоретическая система имеет родство с определенной классовой психологией, и этим дело кончалось. Или указывалось, что некоторые методологические основания, подход к вопросу, неправилен, а потому считалась излишней подробная критика «внутренней» стороны системы.

Конечно, если считать, что только классовая теория пролетариата может быть объективно правильной, то уже одно разоблачение буржуазности данной теории, строго говоря, достаточно для того, чтобы эту теорию отменить. По существу дела, оно так и есть. Ибо марксизм претендует на общезначимость как раз потому, что он является теоретически построенным наиболее прогрессивного класса, познавательные «посягательства» которого гораздо более дерзки, чем консервативное, а, следовательно, и ограниченное — мышление господствующих классов капиталистического общества. Тем не менее, однако, ясно, что в борьбе идеологий эту истину нужно так раз и обнаруживать на примере логической критики враждебных нам систем. Таким образом, их социологическая характеристика вовсе не снимает с нас обязанности вести борьбу и в плоскости чисто логической критики.

То же нужно сказать и о критике метода. Конечно, установление неправильности исходных методологических оснований опровергает все теоретическое построение. Но борьба идеологий требует, чтобы неправильность метода была продемонстрирована на неправильности частных выводов системы — то есть либо на ее внутренней противоречивости, либо на ее недостаточности, «органической» неспособности охватить ряды для данной дисциплины важных явлений.

Отсюда мы приходим к выводу, что марксизм обязан дать развернутую критику новейших теорий, которая бы вклю-

чала социологическую критику, а критику метода, и критику всей системы во всех ее разветвлениях. Так ставил вопрос и Маркс по отношению к буржуазной политической экономии (ср. его «Theorien über den Mehrwert»).

Если марксисты ограничивались обычно только сопоставительной и методологической критикой «австрийской» теории, то ее буржуазные противники могли критиковать ее, главным образом, с точки зрения неправильности частных выводов. Только стоящий почти особняком R. Stolzmann пытался дать именно развернутую критику Бем-Баверга. И постольку, поскольку некоторые основные положения этого автора имеют теоретическое сродство с марксизмом, постольку обнаруживаясь сходство в критике «австрийцев». Я считал необходимым отмечать это совпадение даже в тех случаях, где приходил к таким же выводам, как и Штольцман, еще до знакомства с его работами. Однако, при всех достоинствах Штольцмана, он опирается на совершенно неправильный взгляд на общество, как на «целевое образование» («Zweckgebilde»). И недаром один весьма остроумный последователь австрийской теории, весьма углубивший ее и заостривший все ее особенности, R. Liefmann защищает от Штольцмана, нападая как раз на его телеологию. Эта телеологическая точка зрения, наряду с ясно выраженными апологетическими нотами, не позволяет Штольцману ввести критический разбор австрийцев в надлежащие теоретические рамки. Такую работу могут выполнить только марксисты, а попытка же представляет печатаемый очерк.

Самый выбор объекта критики не нуждается в длинных объяснениях. Общеизвестно, что наиболее сильным врагом марксизма является как раз австрийская теория.

Может показаться странным, что я решаюсь выпускать эту работу во время влокающей в Европе гражданской войны. Однако, марксисты никогда не отказывались приостанавливать теоретическую работу даже среди самых жестоких классовых битв, если только для этого есть просто физическая возможность. Гораздо серьезнее было бы возражение, что нельзя разбирать капиталистическую теорию, раз и ее объект, и ее субъект гибнут сейчас в пламени коммунистической революции. Но и такое разсуждение было бы неправильно, ибо для понимания текущих событий крайне важно понимание

капиталистической системы. А поскольку критика буржуазной теории прокладывает путь к такому пониманию, постольку сохраняется и ее познавательная ценность.

Я скажу еще только несколько слов о способе изложения. Я старался быть насколько более кратким, и этим, быть может, объясняется сравнительная трудность изложения. С другой стороны, я вводил много цитат, как из самих австрийцев, так и из математиков, англо-американцев и т. д. Против такого способа существует в наших марксистских кругах большое предубеждение, как против показной, слепой физической „учености“. Тем не менее я считал, что нужно дать здесь некоторый историко-литературный комментарий, который походил бы читателей в литературу предмета и позволял бы в ней, хотя бы приблизительно, ориентироваться. А *знать* своих врагов вовсе не предосудительнеем более, что их у нас знают до чрезвычайности мало. К тому же в примечаниях к книге содержится параллельная и систематическая критика других ответвлений буржуазной теоретической мысли.

Я считаю необходимым выразить здесь благодарность моему другу, Юрию Леонидовичу *Пятакову*, с которым мы неоднократно обсуждали вместе разного рода вопросы, касающиеся теоретической экономики, и ценные указания, которые всегда принимались мною во внимание.

Книжка посвящается товарищу Н. Д.

Н. Бухарин

Москва, конец февраля 1919 г.

ВВЕДЕНИЕ

Буржуазная политическая экономия после Маркса.

Историческая школа в Германии. Социологическая характеристика историч. школы. Ее логическая характеристика. 2. Австрийская школа. Социологическая характеристика австрийской школы. Краткая логическая характеристика ее. 3. Англо-американская школа. 4. Предшественники „австрийцев“.

Прошло уже тридцать лет с тех пор, как «пламенный» великого мыслителя XIX века, идеи которого служат маяком мирового пролетарского движения, закрылись навсегда. Между тем, вся экономическая эволюция за последние десятилетия — бешеная концентрация и централизация капитала, вытеснение мелкого производства даже в самых медвежьих углах, появление коронованных золотым венцом могущественных «королей промышленности» с одной стороны, рост армии пролетариата, «вышколенного, объединенного и организованного механизмом самого капиталистического производства»¹⁾ — с другой, — все это в гигантском масштабе подтверждает правильность теоретической системы Маркса, поставившего своей целью «открыть экономический закон движения современного капиталистического общества». Тот прогноз, который впервые заявлял в «Коммунистическом Манифесте», а затем, в своем полном и развитом виде, в «Капитале», блестяще оправдался уже на девять десятых. Одна из самых важных частей этого прогноза — теория концентрации — сделалась теперь общим местом, вошла в качестве общепризнанной истины в научный обиход. Правда, ее полагают обычно под другим теоретическим

1. А. Маркс. «Капитал», т. I, стр. 551 перевода Струве (2-е издание).

сорсом, и она лишается той стройности, которая отличает теорию Маркса; но тот «экономический романтизм», который видел в ней лишь фантазию утописта, окончательно потерял почву, когда в последнее время тенденции, вскрытые и объясненные Марксом, прорвались наружу с такой бурной стремительностью и в таком грандиозном размере, что лирические не могли отметить победного шествия *крупного производства*. Если некоторые прекраснородушные люди в *активных черных обществах* видели лишь «демократизацию капитала» и в своей сентиментальности считали их за гарантию социального мира и всеобщего благополучия (а такие люди, к сожалению, находились и в рядах пролетарского движения), то «экономический материал» сегодняшнего дня самым грубым образом разрушает эту мещанскую идиллию, превращает акционерный капитал в могучее орудие вучки узурпаторов, беспощадно подавляющих всякое стремление вперед со стороны «четвертого сословия». Уже это одно показывает, каковы важными познавательным орудием служит теоретическая конструкция Маркса. Но даже такие явления капиталистической эволюции, которые выступили на сцену лишь теперь, могут быть поняты только на основе *марксова анализа*¹⁾. Образование могучих предпринимательских организаций, синдикатов и трестов, возникновение невиданных по своим размерам банковых организаций, проникновение банкового капитала в промышленный и гегемония «финансового капитала» во всей экономической и политической жизни развитых капиталистических стран, — все это лишь усложнение тенденций развития, анализированных Марксом. Господство финансового капитала лишь ускоряет во много раз движение концентрации и централизации и превращает производство в производство обобществленное, созревшее для перехода под общественный контроль. Правда, не так давно буржуазные ученые провозглашали, что организации промышленников положат конец анархии производства и уничтожат кризисы. Но, увы! Капиталистический организм по-прежнему периодически бьется в судорогах, и только уж совсем наивные люди могут говорить о возможности исцеления при посредстве «розового мыла».

¹⁾ В этом отношении чрезвычайно поучительна книга В. Нильсена: «Das Finanzkapital» (русский перевод А. Ситникова, «Финансовый капитал»).

формистских заплат. Историческая миссия *буржуазии*, которая уже «обегала» весь земной шар, приходит к концу. Настает период широчайших выступлений *пролетариата*, борьба которого уже теперь выходит из национально-государственных границ, принимает все более форму массового движения на командующие классы и подходит вплотную к реализации конечной цели движения. И недалеко то время, когда сбудется основное предсказание теории Маркса, и «пробьет час капиталистической собственности»... Как убедительно, однако, ни говорят все эти факты о правильности марксистской концепции, все же успех ее в среде официальных ученых не только не увеличивается, но быстро сводится на нет. Если раньше в отсталых странах (напр., в России и части в Италии) даже университетские профессора не прочь были пообсуждать с Марксом, внося, разумеется, свои «поправки» и «поправочки», то теперь весь ход общественной жизни, обострение классовых противоречий и консолидация всех оттенков буржуазной мысли против идеологии пролетариата, выплывает также «промежуточные типы» из обращения и на их место ставит «чисто европейского», «современного» ученого в теоретическом скрутке прусского, австрийского или (более модного) англо-американского образца¹⁾. Движения экономической мысли смогла противопоставить буржуазия стальной системе К. Маркса: мы разумею так-называемую «историческую школу» (Роттер, Гилебранд, Бисс, Шмоллер, К. Бюхер и др.) и получившее в последнее время громадное распространенное учение «австрийской школы» (Карл Менгер, Вем-Баверк, Визер). Оба эти направления означают собой *банкротство* политическо-

1) Успех новых теорий коренятся, таким образом, в истинных отношениях социальной психологии, а не в логическом совершенстве этих теорий. Одной из причин отращения к трудовой теории со стороны буржуазии является, несомненно, отвращение к социализму. Сам Вем-Баверк признает это отчасти, когда пишет: «Правда, первоначально теория трудовой ценности, как мне кажется, в течение нескольких лет распространялась весьма быстро в связи с распространенным идеями социализма, но в последние годы она, без сомнения, упала в глазах приверженцев всех школ, и главным образом под влиянием теории «предельной полезности»; число приверженцев которой растет все больше и больше». См. «Капитал и прибыль», перевод под ред. Тугана Барановского, стр. 415; примечание. Почему отвращение от социализма нашло себе положительное выражение именно в «австрийской» теории — объяснено ниже.

экономию буржуазия. Но это банкротство выражено в двух диаметрально-противоположных формах. А именно, в то время, как у первого направления банкротство буржуазной абстрактной теории выразилось в отрицательной позиции по отношению ко всякой подобной теории вообще, второе направление, наоборот, сделало попытку построения именно такой теории, но привело лишь к целому ряду необычайно искусно продуманных «кажущихся объяснений», которые терпят крах прежде всего как раз в тех вопросах, где оказалась наиболее сильной теория Маркса, а именно, в вопросах динамики современного капиталистического общества. Экономисты классической школы стремились, как известно, найти формулировку наиболее общих, т.-е. «абстрактных» законов экономической жизни, и такой выдающийся ее представитель, как *Рикардо*, дал удивительные образцы абстрактно-дедуктивного исследования. Наоборот, «историческая школа» возникла, как реакция против «космополитизма» и «перпетуализма» (Книжки классиков¹⁾). Это различие имело свои глубокие социально-экономические корни. Теория классиков, с ее проповедью свободной торговли, была, несмотря на свой «космополитизм», весьма «национальной»: это был необходимый теоретический продукт английской промышленности. Англия, в силу целого ряда обстоятельств получившая исключительное господство на мировом рынке, не боялась ничьей конкуренции, не нуждалась ни в каких «искусственных», т.-е. законодательных мероприятиях для победы над остальными соперниками; английской промышленности незачем было поэтому вызывать и «истинно-английским» условиям развития, чтобы им оправдывать какие-либо таможенные рога; теоретикам английской буржуазии не приходилось поэтому концентрировать внимания на специфических особенностях английского капитализма: несмотря на то, что они были выразителями интересов английского капитала, они говорили о законах хозяйственной жизни вообще. Совершенно другую картину представляло из себя экономическое развитие на континенте

¹⁾ Под «космополитизмом» Книжки понимает взгляд классиков на политико-экономические законы, как на законы, пригодные для всякой страны и всякой национальности; под «перпетуализмом» — аналогичный взгляд по отношению к различным историческим эпохам. Ср. Книжки: „Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte“. Neu-Auflage, 1883, S. 24.

Европы и Америки ¹⁾. По сравнению с Англией, Германия — колыбель «исторической школы», была отсталой, в значительной степени аграрной страной; поднимающаяся германская промышленность страдала самым чувствительным образом от конкуренции Англии; в особенности терпела от нее тяжелая индустрия Германии. Таким образом, если английская буржуазия не нуждалась в подчеркивании национальных особенностей, немецкая буржуазия должна была обратить на них глубокое внимание, чтобы на «своеобразии», «самобытности» отс. немецкого развития; теоретически обосновать мудрую политику «воспитательных» пошлин. Теоретический интерес сосредоточивался, именно, на выяснении исторически-конкретного и национально ограниченного; в теории шел подбор и выдвигание на первый план именно этих сторон экономической жизни. С социологической точки зрения *историческая школа* и явилась идеологическим выражением роста немецкой буржуазии, боявшейся английской конкуренции, требовавшей защиты национальной промышленности и потому усиленно подчеркивавшей «национальные» и «исторические» особенности Германии, а затем — обобщая — и других стран. Социально-генетически и классики, и историческая школа «национальны», ибо и то, и другое направление суть продукты исторически и территориально ограниченного развития; с логической точки зрения классики — «космополитичны», «историчны» — «национальны». Таким образом, колыбелью исторической школы явился *германский протекционизм*. В своем дальнейшем развитии историческая школа выдвинула целый ряд оттенков, при чем ее наиболее важное направление — Густавом Шмоллером во главе (так называемая «*jüngere historische*» или «*historisch-ethische Schule*») приняла консервативно-аграрную окраску. Идеализация промежуточных производственных форм, особенно «патриархальных» отношений между аграриями и сельскохозяйственными рабочими. Боязнь «языка пролетариата» и «красной опасности» с головою выдадут этих «объективных» профессоров и показывают социальные корни их «чистой науки» ²⁾. Из подобной со-

¹⁾ Первым теоретиком историзма можно считать немца Фридриха Листа (его книга — «*Das nationale System der politischen Oekonomie*» вышла в 1841 г.), выдвинувшего требование протекционной политики.

²⁾ Вот, напр., перечень «деяний» Г. Шмоллера, сделанный А. М. Гинзбургским: «он хотел отсрочить введение госуд. страхования рабочих».

филогической характеристики вытекает и соответствующая логическая характеристика исторической школы. С логической стороны «историки» характеризуются, прежде всего, своей отрицательной позицией по отношению к абстрактной теории. Основным настроением их стало глубокое отвращение к таким исследованиям; даже самая возможность последних подвергалась сомнению, а иногда и прямо отрицалась; слово «абстрактный» приобрело у ученых этого типа значение «бессмысленного». Некоторые стали скептически относиться к наиболее важному понятию всякой науки — понятию «закона», в лучшем случае принимая лишь так называемые «эмпирические законы», отрицаемые историко-экономическим и статистическим исследованием¹⁾. На сцену выступил, таким образом, узкий эмпиризм, боявшийся широких обобщений; крайние представители школы провозгласили своим лозунгом накопление конкретного исторического материала, а обобщающую теоретическую работу предлагали отложить на неопределенное будущее. И так характеризует «младшее поколение» исторической школы его признанный глава Г. Шмоллер: «Отличие молодой исторической школы от него (т.е. от Рохера Н. В.) состоит в том, что она стремится к менее поспешным обобщениям, что она чувствует более сильную потребность перейти от собирания обще-исторических данных к специальному исследованию отдельных эпох, народов и хозяйственных явлений. Она требует, прежде всего, историко-экономических монографий, она с большой охотой выясняет раньше всего развитие отдельных хозяйственных учреждений, чем развитие всего народного хозяйства. Она примыкает к строгому методу историко-прав-

... ниль против распространения защиты рабочего законодательства на сельскохозяйственных и ремесленных рабочих... для сельскохозяйственных рабочих он считал возможным применение уголовного закона при нарушении условий договора, был против признания правом профессиональных и рабочих союзов, высказывался за закон против социалистов... („Историко-экономическая экономия. Философские, исторические и теоретические начала экономики XIX века“. Юрьев 1909, стр. 578).

1) Один из весьма умеренных сторонников исторической школы Н. Neumann, говорит, напр, что „die Möglichkeit solcher Gesetze in wirtschaftlichem Gebiete ausgeschlossen ist“ („Naturgesetz und Wirtschafts-gesetz“ в „Zeitschrift für gesamte Sozialwissenschaft“, hg. v. Schäffle 1892, Jahrg. 48, S. 435). Относительно понятия „типического“ test и автор пишет: „Dort (т.е. в естественных науках. Н. В.) besteht Typisches, aus dem wieder Typisches hervorgehen und als Typisches ersichtlich werden kann. Hier (т.е. в общественных науках. Н. В.) soll Typisches gedacht, d. h. fingiert werden“ (Ibid S. 442).

того исследования, стремится, однако, дополнить бнижност
вание при помощи путешествий и собственных опросов, а
также привлечь данные философского и психологического ис
следования" 1).

Такая принципиально враждебная абстрактному методу
озиция продолжает в Германии задавать тон и по сие время
овсем недавно еще (в 1908 г.) тот же Г. Шмоллер заявил,
что „wir stecken noch vielfach in der Vorbereitung und
Materialsammlung" 2).

В связи с требованием конкретности стоит и другая осо
бенность „исторического" направления: а именно, у него со
циально-экономическая жизнь совершенно не отделяется от
других сторон жизненного процесса, особенно от права и мо
рали, хотя это (теоретическое) отделение действительно дви
жется целями познания 3). Подобная точка зрения вытекает
именно из отвращения к абстракции: в самом деле, ведь, жи
вотный процесс человеческого общества есть *единый* поток
действительности есть только *одна* история, а не различ
ные истории хозяйства, истории права, истории морали etc
Только научная абстракция рассекает единую жизнь на части
искусственно выделяя различные ряды явлений, группиру
я по известным признакам. Поэтому тот, кто протестует
против абстракции, должен протестовать и против выделе
ния экономической жизни из жизни правовой и этической.
Такая точка зрения, конечно, совершенно несостоятельна.
Конечно, верно, что общественная жизнь есть единство; но не
следует забывать и того, что познание вообще *невозможно*
без абстракций; уже самое *понятие* есть отвлечение от „кон
кретного"; всякое описание тоже самое предполагает известные

1) „Der Unterschied der jüngeren historischen Schule von ihm ist der
dass sie weniger rasch generalisieren will, dass sie ein viel stärkeres
Bedürfnis empfindet, von der polyhistorischen Datensammlung zur Spe
zialuntersuchung der einzelnen Epochen, Völker und Wirtschaftszustände
überzugehen. Sie verlangt zunächst wirtschaftliche Monographien... Sie
will lieber zunächst den Werdegang der einzelnen Wirtschaftsinstitutionen
als den der ganzen Volkswirtschaft und der universellen Weltwirtschaft
erklären. Sie knüpft an die strenge Methode rechtsgeschichtlicher For
schung an, sucht aber durch Reisen und eigenes Befragen das Bücherwis
sen zu ergänzen, die philosophische und psychologische Forschung he
anzuziehen". (G. Schmoller, „Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschafts
lehre". Leipzig. 1908, S. 119).

2) G. Schmoller, l. c., S. 123.

3) Шмоллер выдвигает три „основные мысли" школы: „1) die An
erkennung der Entwicklungsgedanken... 2) eine psychologisch - sittliche
Betrachtung... 3) ein kritisches Verhalten gegenüber der individualistischen
Naturlehre, wie gegen den Sozialismus"... (l. c., 123)

отбор явлений по признакам, считаемым почему-либо важными. Абстракция является, таким образом, необходимым признаком познавательной деятельности; она перестает быть допустимой тогда—и только тогда—когда отвлечение от конкретных признаков делает абстракцию совершенно пустой, т. е. познавательно бесполезной.

Познание *требует* разложения единого жизненного процесса. Последний настолько сложен, что его необходимо разложить для изучения на некоторые отдельные ряды явлений. В самом деле, что стало бы с изучением хозяйственной жизни, если бы сюда входили на равных правах с элементами хозяйственной жизни также и элементы, изучаемые филологией? Только потому, что экономическая жизнь творится людьми связанными друг с другом речью? Ясно, что каждая данная наука может пользоваться результатами других, поскольку они способствуют пониманию собственного объекта данной науки. Но при этом эти чуждые элементы сами должны рассматриваться с точки зрения именно *этой* науки; это лишь некоторый подсобный материал—не более.

Таким образом, сваливание в одну кучу разнородного материала не облегчает, а, наоборот, затрудняет познание. В довершение всего этого в исследованиях „историков“ последней формации их „psychologisch—sittliche Betrachtung“ принимает форму моральных оценок и поучений. В науку, задача которой раскрывать *причинные* соотношения, вторгается совершенно не идущий к делу элемент *моральных норм* (отсюда и название школы: „историко-этическая“) ¹⁾.

В результате деятельности исторической школы появилась масса работ описательно-исторического характера: по истории цен, заработной платы, кредита, денег и т. п.; но разработка *теории* цены и ценности, *теории* заработной платы, *теории* денежного обращения не подвинулась вперед ни на шаг. А между тем для всякого ясно, что это две совершенно раз-

¹⁾ По поводу этики очень метко говорит H. Dietzel: „Genau ebenso gut wie von einer „ethischen“ Wirtschafts theorie oder Wirtschafts geschichte konnte man von einer „ethischen“ Anthropologie, Physiologie u. s. w. sprechen.“ (Theoretische Sozialökonomik, s. 31). Cp. также E. Sax: „Das Wesen und die Aufgaben der National-Oekonomie“. Wien 1884, s. 53. Точно так же и Leon Walras смеется над „моралью“ в теории, приравливая попытки морализирования к попыткам „spiritualiser la géométrie“ (Leon Walras: „Etudes d'économie sociale. Théorie de la répartition de la richesse sociale“. Lausanne-Paris, 1896, p. 40).

ичные вещи: „Действительно, одно дело—статистика *цен* на рынках Гамбурга или Лондона за последние тридцать лет другое—общая теория ценности и цены, какая находится в трудах Галиани, Кондильяка, Рикардо“ ¹⁾... И как раз отрицание „общей теории“ есть отрицание политической экономии, как самостоятельной теоретической дисциплины. есть признание ее банкротства.

Наука, вообще говоря, может ставить себе две цели. Или она занимается описанием того, что было или есть в определенное время в определенном месте; или же она старается вывести законы явлений, которые всегда укладываются в формулу: Если имеется А, В, С, то необходимо наступит D. В первом случае наука носит *идиографический*, во втором—*номографический* характер ²⁾. Ясно, что теория политической экономии принадлежит ко второму типу наук; она выдвигает на первый план номографические задачи познания. Таким образом, историческая школа, относясь пренебрежительно к выведению „общих законов“, тем самым уничтожала в сущности политическую экономию вообще, заменяя ее „частным описанием“ идиографического характера, растворяя ее в истории хозяйственного быта и экономической статистике, это есть до существу идиографическая наука. Вставить свою единственную верную идею—идею развития (*Entwicklungsgedanke*)—в рамки теоретического исследования она не могла и в результате оказалась бесплодной, как евангельская смоковница. Ее положительное значение свелось к доставке материала для теоретической разработки, и в этом смысле труды „историков“ представляют весьма ценную величину: стоит вспомнить хотя бы о грандиозной работе, произведенной „Союзом социальной политики“ (*Verein für Sozialpolitik*) по вопросу о немецком ремесле, мелкой торговле, сельскохозяйственном пролетариате и т. д. ³⁾

¹⁾ Altra cosa è infatti la statistica dei prezzi sui mercati d'Amburgo e di Londra nell'ultimo trentennio, altra cosa la *teoria generale del valore e del prezzo*, quale si trova nelle opere del Galiani, del Condillac, del Ricardo... (*Luigi Cossa*: „Introduzione allo studio dell'economia politica“ 3.^a edizione, Milano 1892, p. 15).

²⁾ Терминология, предложенная А. А. Чупровым (см. см.). Очерки по теории статистики“ СПб. 1909. Несколько иное значение имеют сходные термины у Риккорта и Виндельбанда.

³⁾ Особенно обстоятельно обследовано ремесло. Почему—на этот ответ следующее заявление Г. Шмоллера: „Nur die Erhaltung ein-

Вполне верную характеристику „историков“ дает родоначальник „австрийской школы“ Карл Менгер: „Внешняя связь положительного исторического знания с трудолюбивым, но бессистемным эклектизмом в области нашей науки (Менгер разумеет теорию политической экономии. Н. Б.) образует истинный и в то же время наивысший пункт ее (т. е. исторической школы. Н. Б.) развития“ ¹⁾.

Совсем иную картину представляет из себя австрийская школа. Она выступила на научной сцене, как резкая оппозиция „историзму“. В горячей полемической схватке, которая приняла себе наиболее яркое выражение в полемике между Карлом Менгером и Шмоллером, новые теоретики буржуазии вскрыли основные недостатки своих предшественников с большою полнотой; они вновь стали требовать для теоретического познания „типичных явлений“ и „общих законов“ („точные законы“, „exakte Gesetze“, как их назвал К. Менгер). Нержав ряд побед над историками, австрийская школа, как и все Вем-Баверка, напала на марксизм и вскоре объявила о его полной теоретической несостоятельности. Теория Маркса не только не верна, но, если смотреть на нее с точки зрения теоретической ценности, занимает одно из последних мест... — таков приговор Вем-Баверка ²⁾.

То, что новая попытка буржуазных идеологов ³⁾ так резко столкнулась с идеологией пролетариата, не представляется удивительным. Острота этого конфликта с неизбежностью вытекала из того, что эта новая попытка абстрактной теории, будучи формально сходной с марксизмом, поскольку послед-

reinten Mittelstandes kann... uns davor bewahren, in letzter Instanz einer politischen Entwicklung entgegen zugehen, die, in einer abwechselnder Herrschaft der Geldinteressen und des 4. Standes bestehen wird... nur die (con. reform, H. B.) erhält die Aristokratie der Bildung und des Geldes an der Spitze des Staates: (G. Schmoller: „Ueber einige Grundfragen der Sozialpolitik u. d. Volkswirtschaftslehre“. Leipzig. 1898, s. 5 u. 6).

¹⁾ „Die äusserliche Verbindung gediegenen historischen Wissens mit einem sorgfältigen aber führerlosen Eklekticismus auf dem Gebiete unserer Wissenschaft bildet den Ausgangspunkt, zugleich aber der Höhepunkt ihrer Entwicklung“. (Carl Menger: „Die Irrtümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie. Wien 1884. Vorwort, s. IV)

²⁾ Вем-Баверка, „Капитал и прибыль“, стр. 517.

³⁾ Не имеющий никакого отношения к социализму Н. Dietzel напоминает: „Wenn Hohoff sagt, dass nicht dem Verstande, sondern dem Willen die Politik gegen die Arbeitswerttheorie ihren Ursprung verdanke, so trifft dies zu...“ (Theoretische Sozialökonomik, s. 211).

На той же странице говорится об апологетических упражнениях моржинского и столпа австрийцев, Вем-Баверка

ий пользуется точно также абстрактным методом, по сущности представляет полную противоположность марксизму. Это же обстоятельство, в свою очередь, объясняется тем, что новая теория является детищем буржуазии одной из последних формаций, буржуазии, жизненный опыт, а, следовательно, и идеология которой наиболее далеки от жизненного опыта рабочего класса.

Мы ставим на время дальнейшую логическую характеристику «австрийцев», чтобы вернуться к этому впоследствии. Здесь же мы попытаемся дать основные черты ее социологической характеристики.

В своей последней книге о происхождении «капиталистического духа» Вернер Зомбарт ¹⁾ исследует характерные черты предпринимательской психологии; но он рисует только одну восходящую линию в развитии буржуазии; перед его глазами — исключительно победное шествие «третьего сословия»; он не видит и не последует буржуазной психологии в ее деградации. Но и у него можно найти все же очень любопытные образчики подобной психологии, правда, не последнего времени. Вот как характеризует он «Haute Finance» во Франции и Англии 17 и 18 столетия:

«Это были очень богатые люди, большей частью буржуазного происхождения, которые в качестве откупщиков налогов и государственных кредиторов разбогатели и плавали теперь, как блестящий жир на супе, стоя совершенно в стороне от хозяйственной жизни» ²⁾.

В связи с упадком «капиталистического духа» в Голландии 18 столетия буржуа, правда, не «феодализируется», как в других странах, но, если так можно выразиться, он начинает страдать ожирением. Он живет со своих доходов... *«интерес к каким бы то ни было капиталистическим предприятиям все более падает»* ³⁾.

¹⁾ Werner Sombart, „Der Bourgeois“. München und Leipzig, 1913.

²⁾ „Der Bourgeois“, s. 48: „Das waren die ganz reichen Leute meist bürgerlicher Herkunft, die sich als Steuerpächter oder Staatsgläubiger bereichert hatten und nun als Fettsäugen auf der Suppe schwammen, dem Wirtschaftsleben aber fern standen“. Купцов нам.

³⁾ „...der Bourgeois wird zwar nicht, wie in anderen Ländern, „feudalisiert“, aber wie man es nennen könnte — er verfettet. Er lebt von seinen Revenuen. Das Interesse an kapitalistische Unternehmungen irgendwelcher Art verringert sich immer mehr“ (ibid. s. 188). Купцов нам.

Еще один пример. Английский писатель второй половины 18 века, Defoe, пишет о процессе образования рантье из купцов: «Прежде он (т.е. купец Н. Б.) *должен* был раньше всего быть прилежным и деятельным, чтобы добывать себе свое *состояние*; теперь же ему не приходится делать ничего иного, как только принять решение *быть ленивым и бездеятельным* (to determine to be indolent and inactive). Государственная рента и владение землей суть единственно подходящее место для его сбережений» ¹⁾.

Нельзя ни в коем случае думать, что такого рода психология чужда современности. Как раз наоборот. Капиталистическое развитие последних десятилетий с необыкновенной быстротой аккумулирует громадные массы «капитальных ценностей». Накопленная прибавочная ценность притекает—благодаря развитию всевозможных форм кредита—и к лицам, не имеющим отношения к производству; число этих лиц все возрастает и образует целый общественный класс—класс *рантье*. Эта группа буржуазии не составляет, правда, общественного класса в настоящем смысле этого слова; она есть лишь известная *группа* в рядах капиталистической буржуазии; но тем не менее она развивает некоторые, только ей свойственные черты «общественной психологии». С развитием акционерных компаний и банков, с созданием целой грандиозной отрасли торговли ценными бумагами, появляется и укрепляется эта общественная группа. Сфера ее экономической жизни есть по преимуществу сфера обращения, главным образом, обращения ценных бумаг, фондовая биржа. Но—что для нас наиболее важно—и внутри этой группы лиц, живущих на доход от владения ценными бумагами, имеется ряд оттенков, при чем крайним титом является слой, который стоит не только вне производственной жизни, но и вне процесса *обращения*. Это—прежде всего, владельцы ценных бумаг с твердым курсом: государственной ренты, облигаций различных видов и т. д., а затем лица, употребившие свои капиталы на покупку земель и имеющие постоянный и прочный доход. Тут уже нет уча-

¹⁾ „Vorher *musste* er allerdings, um seine Vermögen zu erwerben, fleissig und tätig sein; jetzt hat er aber nichts zu tun, als den Entschluss zu fassen, *faul und untätig* zu sein (to determine to be indolent and inactive Staatsrenten und Landbesitz sind die einzig richtige Anlage für seine Ersparnisse“. (ibid. s. 201). Последний курсив наш.

стая и в тревоге биржевой жизни; если владельцы акций, которые так тесно связаны с тревожными спекуляциями, каждый день могут потерять все, или, наоборот, быстро взлететь вверх; если они поэтому живут жизнью *рынка*, начиная от активной деятельности на бирже и кончая чтением биржевых бюллетеней и коммерческих газет, то группы, имеющие *твердый* доход, перестают быть связанными и с этой стороной общественно-экономической жизни, они выходят уже и из сферы обращения. И опять-таки: чем сильнее развита система кредита, чем она эластичнее, тем большая возможность имеется «ожарить» и «быть ленивым и бездеятельным». Об этих возможностях заботится сам капиталистический механизм; делая социально бесполезными организаторские функции значительного числа предпринимателей, он выбрасывает в то же время из непосредственной хозяйственной жизни эти «бесполезные элементы» — они откладываются на ее поверхности, по очень меткому сравнению Зомбарта, как «блестки жира на супе».

При этом нужно заметить, что владельцы бумаг с твердым курсом представляют не только не уменьшающийся, но все растущий слой рентьерской буржуазии: «Буржуазия превращается в рентье, которые вступают в подобные же соотношения с крупными финансовыми учреждениями, как и с государством, чьи долговые обязательства они получают: там и здесь им платят, и они ни о чем более не беспокоятся. Поэтому, конечно, весьма сильно должно увеличиться стремление буржуазии передавать свое имущество государству... Государство выказывает при этом признанное преимущество большей надежности. Акция, во всяком случае, обладает такими шансами на прибыль, каких не знают государственные бумаги, но зато у нее есть и грандиозная возможность проигрыша. Необходимо констатировать, что буржуазия ежегодно производит значительный *излишек капитала*; но даже во время высокой промышленной конъюнктуры только незначительная часть из него идет на эмиссию акций, гораздо большая же часть находит себе приют в государственных долгах, коммунальных долгах, гипотеках и прочих ценностях, приносящих твердый процент» ¹⁾

¹⁾ „Die Bourgeoisie wird in Rentner verwandelt, die zu den grossen Finanzinstituten in ein ähnliches Verhältnis treten, wie zu dem Staat, dessen Schuldscheine sie erwerben: hier wie dort werden sie ausgezahlt und

«Этот слой буржуазии является паразитической буржуазией по преимуществу и развивает такие «душевные особенности», которые сильно роднят его с разлагающимся дворянством эпохи «старого режима» и с верхушками финансовой аристократии того же периода¹⁾. Самой характерной чертой этого слоя, резко отделяющей его как от пролетариата, так и от буржуазии иного типа, является, как мы видели, его отчужденность от хозяйственной жизни; он не принимает непосредственного участия ни в производственной деятельности, ни в торговле: его представители часто даже не стригут кунцов. Наиболее обще можно поэтому определить сферу «деятельности» таких рантье, как сферу потребления. Потребление есть основа всей их жизни, в психологии «чистого потребления» сообщает этой жизни ее особый «стиль». «Потребляющий» рантье имеет перед глазами исключительно верховых лошадей, ковры, душистые сигары, токанское вино. Если ему случится говорить о труде, то он говорит наиболее охотно о «труде» по срыванию цветов или о «труде», затраченном на покупку театрального билета²⁾. Производство, труд, затраченный на получение материальных благ, лежит вне поля зрения и представляется поэтому чем-то случайным. о настоящей активной деятельности нет и речи: вся психо-

kümmern sich um nichts weiter. Infolgedessen muss der Drang der Bourgeoisie, ihr Vermögen dem Staat zu übertragen, sich offenbar erst reif machen... wobei... der Staat den anerkannten Vorzug der grösseren Sicherheit aufzuweisen hat. Die Aktie gewährt allerdings Gewinnchancen, die das Staatspapier nicht kennt, dafür aber auch gewaltige Verlustmöglichkeiten. Es ist festzuhalten, dass die Bourgeoisie jährlich einen bedeutenden Kapitalüberschuss entstehen lässt; aber selbst zu Zeit der industriellen Hochkonjunktur wird nur ein geringer Teil davon von der Aktienemission absorbiert, der weitaus grösste Teil findet in Staatsschulden, Kommunalsschulden, Hypotheken und sonstig fest verzinslichen Werten Anlage. Parvus: „Der Staat, die Industrie und der Sozialismus“. Verl. v. Kaden & Comp. Dresden. ss. 103—104).

¹⁾ Характеристику последних классов можно найти у Зомбарта. См. его: *Luxus und Kapitalismus*. Verl. v. Duncker und Humblot, 1903. passim особенно стр. 103, 105 и сл. Все это не мешает Шарлю Жиду утверждать, что «праздность есть только хорошо понятое разделение труда», ибо и «древние считали необходимым, чтобы у граждан все время было свободно для занятий общественным делом». (Ш. Жид: «Основы полит. экономии», пер. Шейниса изд. Павленкова, СПб. 1896, стр. 285) Как известно, «древние» считали поэтому и рабство «необходимым институтом» и «хорошо понятым разделением труда». В смысле воспрепятствования рабства гда экономисты буржуазии, как видно, несколько отстают от «древних».

²⁾ Примеры взяты исключительно те, которыми Бем Баверк иллюстрирует свою теорию невинности.

логия окрашена в пассивные тона: философия, эстетика та-
ких буржуа чисто созерцательна: в ней нет действительных
элементов, которые так типичны для идеологии пролетариата.
Последний живет именно в сфере производства, непосред-
ственно сталкиваясь с «материей», которая для него превра-
щается в «материал», в объект *труда*. Он непосредственно
наблюдает гигантский рост производительных сил капита-
листического общества новую, все развивающуюся машинную
технику, которая позволяет выбрасывать на рынок все боль-
шие массы товаров, цена которых на рынке тем больше
падает, чем шире и глубже идет процесс технических усовер-
шенствований. Для пролетария, таким образом, характерна
его психология *производителя*. Наоборот, *психология не-*
потребителя, — такова основная характеристика жизни
рантье.

Далее. Выше мы видели, что тот общественный класс, в
котором идет речь, является продуктом деградации буржуазии
деградации, стоящей в связи с утратой ею социально-полезных
функций. Это своеобразное положение класса «в производ-
ственном процессе», когда он стоит вне производственного
процесса, влечет за собой создание особого социального типа
который характеризуется своей, так сказать, асоциальностью.
Если буржуазия с детских лет была индивидуалистична
либо основа ее жизни — хозяйственная ячейка, борющаяся с
другими за свое самостоятельное существование в жестокой
«конкурентной борьбе» — то этот индивидуализм у рантье еще
более обостряется. Рантье не живет вовсе общественной
жизнью — он стоит в стороне от нее; социальные связи рас-
падаются, даже общие задачи класса не могут спаять рас-
пыленные «социальные атомы». Пропадает интерес не только
к «капиталистическим предприятиям», но и ко всему «со-
циальному» вообще. Идеология такого слоя по необходимости
глубоко индивидуалистична; его эстетика особенно резко вы-
ражает этот индивидуализм: все, что затрагивает социальные
темы, eo ipso становится «нехудожественным», «грубым»
«тенденциозным».

Совершенно иначе складывается психология пролетариата.
Он быстро сбрасывает с себя индивидуалистическую шелуху
тех классов, откуда он выходит: городской и сельской мелкой
буржуазии. Запертый в бумажных мешках больших городов

концентрированный на местах общей работы и общей борьбы пролетариат вырабатывает психологию коллективизма, максимального чувствования социальных связей; только на самых ранних ступенях развития, когда пролетариат еще не сложился, как особый класс, заметны индивидуалистические тенденции, — затем они исчезают бесследно. Таким образом, пролетариат развивается здесь в направлении, прямо противоположном развитию реньерской буржуазии: если у него психология формируется, как психология коллективизма, то развитие индивидуалистических настроений есть один из основных признаков буржуазии. *Обостренный индивидуализм — вторая характерная особенность рентье.*

Наконец, третьей чертой рентье, как и всякого буржуа, является боязнь пролетариата, боязнь близящихся *социальных катастроф*. Смотреть вперед рентье не может; его «жизельская философия», наоборот, сводится к лозунгу: «лови момент», «*carpe diem*»; его горизонт не простирается дальше настоящего; если он «мыслит» о будущем, то он строит его исключительно по типу настоящего; он или не может психологически представить себе таких времен, когда ему подобные не будут получать никакого дохода от своих ценных бумаг, или в ужасе закрывает глаза перед такой перспективой. бежит от грядущего и старается не видеть в настоящем зародышей будущего; его мышление глубоко неисторично. Ничего общего с этим консерватизмом мышления не имеет психология пролетариата. Развертывающаяся классовая борьба ставит перед ним задачу *преодоления* теперешней общественно-хозяйственной системы; он не только не заинтересован в сохранении социального *status quo*, но, наоборот, заинтересован в его нарушении; он живет в значительной степени будущим, и даже задачи настоящего оценивает с точки зрения будущего. Его мышление вообще, и его научное мышление в частности, носит поэтому ярко выраженный динамический, исторический характер. *Такова третья антитеза реньерской и пролетарской психологии.*

Эти три черты «общественного сознания» рентье, вытекающие непосредственно из его «общественного бытия» отражаются и на высших ступенях «сознания», на его *научном* мышлении. Психология всегда является базисом для логики: чувства и настроения определяют общий уклон мысли, те

точки зрения, с которых рассматривается и логически обрабатывается окружающая действительность. Если отдельное положение какой-нибудь теории, взятое изолированно, даже при самом внимательном анализе может не обнаруживать своей социальной подкладки, то последняя всегда становится ясной, если мы выделим отличительные признаки данной теоретической системы, ее общие углы зрения; тогда каждое отдельное положение получит новый смысл, как необходимое звено общей цепи, которая облегчает жизненный опыт того или другого класса, той или другой общественной группировки.

Если мы обратимся теперь к австрийской школе и, в частности, к наиболее выдающемуся ее представителю, Бем-Баверку, то найдем, что выведенные выше психологические свойства рантье имеют здесь свой логический эквивалент.

Прежде всего, впервые появляется на сцене последовательно проведенная точка зрения *потребления*. Начальная стадия развития буржуазной политической экономии, слагавшейся в эпоху торгового капитала (меркантилизм) характеризовалась тем, что рассматривала экономические явления с точки зрения обмена. «Узости буржуазного кругозора» — писал Маркс: «где все внимание поглощается практическими операциями как раз соответствует воззрение, что не характер способа производства служит основой соответствующего способа обмена, а наоборот»¹⁾. Последующая стадия соответствовала той эпохе, когда капитал сделался организатором производства; идеологическим выражением этих отношений и была «классическая школа», которая стала рассматривать экономические проблемы именно с точки зрения производства («теории» Смита и Рикардо) и сюда перенесла центр тяжести теоретического исследования. Эту точку зрения унаследовала от классиков протестантская политическая эконо-

¹⁾ К. Маркс „Капитал“, т. II, стр. 89, пер. Базарова и Степанова. На меркантилистах особенно ясна связь между теорией и практикой, т. е. выдающиеся идеологи были в то же время и выдающимися практиками: Gresham, напр., был советником Елизаветы и вел непосредственную борьбу с Ганзо; Thomas Mun был членом дирекции знаменитой Восточной Индской компании; Dudley North являлся одним из крупнейших купцов, ведших громадную по тем временам торговлю в интернациональном масштабе и т. д. Ср. Oncken: „Geschichte der Nationalökonomie“; об обмене, как исходном пункте исследования, см. K. Pridram: „Die Idee des Gleichgewichtes in der älteren national-ökonomischen Theorie“ в Zeitschrift für Volkswirtschaft, Soz.-Pol. u. Verw., 17. Band, s. 1, там же и литература.

ала. Наоборот, буржуа-рантье ставит своей задачей разрешить прежде всего проблему потребления, и точка зрения потребления есть самая основная, самая характерная и основная теоретическая позиция австрийской школы и родственных ей течений. Если раньше и замечались теоретические течения, продолжением коим является теория «австрийцев», то все же никогда теория, кладущая в основу анализа потребления и потребительную ценность «блага», не пользовалась таким всеобщим успехом в официальной науке. Только новейшее развитие создало для них прочную базу в рантье-ской психологии современного буржуа¹⁾.

Обостренный индивидуализм имеет точно также свои параллели в «субъективно психологическом» методе нового направления. Правда, индивидуалистическая позиция и раньше была свойственна теоретикам буржуазии; они всегда любили «робинсоады», и даже сторонники «трудовых теорий» обосновывали свою позицию индивидуалистически: у них трудная ценность была не общественным, «объективным» законом цен, а «субъективной оценкой» «хозяйствующего субъекта», который оценивает вещь в зависимости от большей или меньшей неприятности своих трудовых усилий (ср., напр., А. Смит); только у Маркса трудовая ценность приобрела характер независимости от воли агентов современного строя общественного, «естественного» закона, регулирующего товарообмен. Но, несмотря на это, лишь теперь, в учении австрийцев, психологизм в политической экономии, т. е. экономический индивидуализм получил обоснование, принял наиболее законченную и совершенную теоретическую формулировку²⁾.

Наконец, боязнь переворота выражается в глубочайшем отвращении сторонников теории предельной полезности ко всему историческому; их экономические категории (по мнению авторов) пригодны для всех времен, всех и всяких эпох; исследование законов развития современного капиталистиче-

¹⁾ Вышеприведенную схему нужно рассматривать именно, как *схему*, т. е. как построение, выводящее наиболее крупные типы и опускающее все более или менее второстепенное. Т. R. Kautsky, который в своей книге: „Die geschichtliche Entwicklung der modernen Werttheorien“, Tübingen 1906, пытается дать, между прочим, анализ происхождения австрийской школы, абсолютно не понимает значения отмеченных в тексте явлений.

²⁾ См. Albert Schütz: „L'individualisme économique et social“, 1907, p. 3, note.

ского производства, как некоей специфически исторической категории (точка зрения Маркса) нет и речи. Наоборот, такие явления, как прибыль, процент на капитал и т. д. считаются вечной принадлежностью человеческого общества. Здесь уже совершенно ясно выступает оправдание современных отношений. И чем слабее элементы теоретического познания, тем громче звучит голос апологета капиталистического строя «В существе процента на капитал (т. е. прибыли Н. Б.) таковы образом, не лежит ничего, что делало бы его несправедливым или заслуживающим порицания» — таков вневременной результат (а с нашей точки зрения и цель) огромного исследования Вем Бавэра¹⁾.

Мы рассматриваем «австрийскую» теорию, как идеологию буржуа, уже выброшенного из производственного процесса *деградирующего* буржуа, который черты своей разлагающейся психологии навеки воплотил в своей — как мы увидим — ниже — познавательной совершенно бесполезной теории. Этому взгляду нисколько не противоречит то обстоятельство, что в современном научном обороте сама теория предельной полезности в том виде, как она разработана австрийцами, вытесняется еще более модной «англо-американской школой», наиболее выдающимся теоретиком которой является Кларк. Текущая фаза капиталистического развития есть эпоха последнего напряжения всех сил капиталистического мира. Экономический процесс превращения капитала в «финансовый капитал»²⁾ вновь вовлекает в производственную сферу часть буржуазии, которая стояла раньше в стороне (поскольку банковый капитал становится промышленным и делается организатором производства). — таковы организаторы и руководители трестов — это в высокой степени активный тип, политической идеологией которого является боевой империализм, а философией — действительная философия прагматизма. Этот тип гораздо *менее индивидуалистичен*, ибо он вырос в предпринимательских организациях, которые, как никак, представляют из себя все же коллектив, где личная воля отступает до известной степени на второй план. Соответственно этому и идеология та

¹⁾ Böhm-Bawerk: „Positive Theorie des Kapitals“. III. Auflage I. Halbband, s. 574. („Im Wesen des Zinses liegt nichts, was ihn an sich unbillig oder ungerecht erscheinen liesse“).

²⁾ Мы принимаем терминологию R. Hilferding'a; см. его „Das Finanzkapital“, особ. стр. 282—284.

кого типа буржуазия будет отличаться от идеологии рантье: она считается с производством, она прибегает даже к «социально-органическому» методу исследования всего общественного хозяйства в целом¹⁾. Американская школа представляет из себя продукт прогрессирующей, а отнюдь не деградирующей буржуазии; из двух тенденций, имеющих теперь — тенденции продолжающегося восхождения и начинающегося разложения — она выражает только первую; недаром эта школа проникнута американским духом, духом страны, о которой немец капитализма Зомбарт говорит: «Все, что капиталистический дух носит в зародыше, достигло теперь в Соединенных Штатах своего наибольшего развития. Здесь его сила пока что еще не иссякла. Здесь до сих пор еще — буря в водоворот»²⁾.

Таким образом, именно, тип рантье является предельным типом буржуа, а теория предельной полезности — идеологией этого предельного типа. С психологической точки зрения она поэтому более интересна; точно также она более интересна и с логической точки зрения, так как ясно, что американцы являются по отношению к ней *эклетики*. И именно поэтому, что австрийская школа является идеологией предельного типа буржуазии, она является полной антитезой идеологии пролетариата: объективизм — субъективизм, историческая — неисторическая точки зрения, точка зрения производства — точка зрения потребления, — таково методологическое различие между Марксом и Бем Баверком. Логическому анализу этого методологического различия, как основ теории, а затем и всей теоретической конструкции Бема будет посвящено дальнейшее изложение.

Нам остается сказать только несколько слов о предпосылках «австрийцев».

¹⁾ См. разбор американцев с точки зрения теории австрийцев у J. Schumpeter'a: „Die neuere Wirtschaftstheorie in den Vereinigten Staaten“ в Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich, hg. v. Schmoller, 34. Jahrg., 3. Heft, особенно стр. 10, 13, 15.

²⁾ W. Sombart: „Der Bourgeois“ s. 193: „Alles, was der kapitalistische Geist an Konsequenzen in sich trägt, ist heute am höchsten in den Vereinigten Staaten zur Entwicklung gelangt. Hier ist seine Stärke einstweilen auch noch nicht gebrochen. Hier ist einstweilen noch alles Sturm und Wirbel“. Курсив наш. Не нужно забывать, что даже многие американские миллиардеры — self made men, которые еще не успели „состариться духом“.

Уже у *Кондильяка* в его «Le Commerce et le Gouvernement» (1795) мы находим изложение основных идей будущей «теории предельной полезности». Кондильяк усиленно подчеркивает «субъективный» характер ценности, которая является у него не общественным законом цен, а индивидуальным суждением, покоящимся на полезности («utilité») с одной стороны и на редкости («rareté») — с другой. Этот же автор настолько близко подошел к «современной» постановке вопроса, что проводил даже разграничение между «настоящими» и «будущими» потребностями («besoin présent et besoin éloigné») ¹⁾, разграничение, которое, как известно, играет основную роль в переходе от теории ценности к теории прибыли у главного представителя «австрийцев» — *Бем Баверка*.

Приблизительно в то же время аналогичные идеи мы находим у итальянского экономиста, *графа Верри* ²⁾, который тоже рассматривает ценность, как соединение полезности и редкости.

В 1831 г. вышла книга *Auguste'a Walras'a*, отца знаменитого *Leon'a Walras'a*: „De la nature de la richesse et de l'origine de la valeur“, в которой автор выводит ценность из редкости полезных благ и дает опровержение взглядов тех экономистов, которые обращали внимание только на полезность предметов, образующих «богатство». Но ясности основных мыслей книги заслуживала бы гораздо большего признания со стороны сторонников нового направления.

В 1854 г. *Герман Госсен* с замечательной выпуклостью изложил детальное обоснование теории предельной полезности, дав ей математическую формулировку в своей книге: „Entwickelung der Gesetze des menschlichen Verkehrs und daraus fließenden Regeln für menschliches Handeln“. Госсен не только нащупывал «новые пути», но и дал весьма продуманное и законченное выражение своей теории; многие положения, приписываемые обычно австрийцам (*Б. Менгеру*), имеются уже у Госсена в разработанном виде, так что отцом

¹⁾ L'Abbé de Condillac: Le Commerce et le Gouvernement, considérés relativement l'un à l'autre. Paris an. III (1795), pp. 6—8.

²⁾ См. франц. перевод: *Comte de Verri*: „Economie politique ou Considerations sur la valeur de l'argent et les moyens d'en faire baisser les interets, sur les Banques, la balance de Commerce, l'Agriculture, la population, les Impôts etc. etc“. Paris. An. III (особ. страницы 14—15).

теории предельной полезности нужно считать именно его. Книга Госсена прошла совершенно незамеченной, и автору грозил бы полный забвение, если бы в 70-х годах он не был вновь открыт, при чем дальнейшие последователи идей, аналогичных идеям Госсена, тутчас же признали его «осново-положником» школы. (Сам Госсен весьма высоко ставил свою работу, называя себя Коперником в области политической экономии).

Приблизительно одновременно в Англии, Швейцарии и Австрии был заложен прочный фундамент нового направления трудами Stanley Jevons'a, Léon'a Walras'a и K. Menger'a. Они же и обратили внимание на книгу своего забытого предшественника ¹⁾. Какое значение имеет Госсен, яснее всего видно из отзыва его Джекономом и Вальрасом. Изложив теорию Госсена, Джеконс пишет: «Из этого изложения вытекает, что Госсен совершенно опередил меня и в общих принципах и в методе экономической теории. Насколько я могу судить, его манера трактовать основы теории даже более обща и более глубока, чем моя» ²⁾.

Аналогичен и отзыв Вальраса: «Речь идет—пишет он—человеке, который прошел совершенно незамеченным и который, на мой взгляд, является одним из самых значительных когда-либо существовавших экономистов» ³⁾. Как никак, но Госсену не удалось вызвать нового течения. Последнее возникло лишь вместе с работами позднейших экономистов; только начиная с семидесятых—восьмидесятых годов прошлого столетия теория полезности нашла себе достаточную опору.

¹⁾ Книга Jevons'a вышла в 1871 г. (Stanley Jevons: „The theory of political economy: London and New-York 1871); книга Menger'a—в том же году (K. Menger: „Grund-sätze der Volkswirtschaftslehre“, Wien 1871). Наконец, „Principe d'une theorie mathématique de l'échange Walrasa“ было напечатано в Journal des Economistes в 1874 г. Относительно „приоритета“ см. переписку между Вальрасом, Джекономом: „Correspondence entre M. Jevons et M. Walras“, приведенную у последнего в „Theorie mathématique de la richesse sociale“, Lausanne—Paris, 1883, pp 26—30.

²⁾ См. Léon Walras: „Etudes d'économie sociale“, Lausanne—Paris, 1896, статья „Un économiste inconnu“, где приводится этот отзыв Джеконса: „Pressort de cette exposition que Gossen m'a complètement devancé quant aux principes généraux et à la méthode de la theorie économique tant que je puis l'envisager, sa manière de traiter la theorie fondamentale est même plus générale et va plus à fond, que la mienne“ (p. 360—361).

³⁾ „Il s'agit d'un homme qui a passé complètement inaperçu et qui est, à mon sens, un des plus remarquables économistes qui aient existé“ (ibidem, p. 354—355).

«общественном мнении» правящих научных кругов и быстро стала делаться *communis doctorum opinio*. Школа Джемсона, а особенно Вальраса, подчеркивающая математический характер и математический метод политической экономии стала вырабатывать несколько отличный от австрийской теории цикл идей, равно как и американская школа во главе с Кларком. «Австрийцы» же дали наиболее чисто и ясно формулированную теорию *субъективизма* (психологизма) на основе анализа потребления. Бем Баверку выпало при этом на долю быть самым ярким выразителем «австрийской» теории. Он дал критику марксизма, систематическую критику всех более или менее важных теорий прибыли, дал одно из лучших обоснований теории ценности с точки зрения школы, наконец построил почти заново теорию распределения, исходя из теории предельной полезности. Он является признанным главой школы, которая, в сущности, не была и не есть *австрийская* (как мы это видели уже из беглого указания на преемственность), которая, наоборот, стала научным орудием интернациональной рантьеерской буржуазии. Только развитие последней дало точку опоры «новым» веяниям — до тех пор были лишь научные «диночки». Быстрое развитие капитализма, сдвиг общественных группировок и рост рантье сохранил в последние десятилетия XIX века все социально-психологические предпосылки для того, чтобы превратить слабые ростки в махровые цветы. Рантье, интернациональный рантье. Нашел в Бем Баверке своего научного вождя, в его теории — научное орудие в борьбе не столько со стихийными силами капиталистического развития, сколько с все более грозным рабочим движением. В лице Бем-Баверка мы критикуем, таким образом, это новое орудие.

ГЛАВА I.

Методологические основы теории предельной полезности и марксизма.

1. Объективизм и субъективизм в политической экономии. 2. Историческая и неисторическая точки зрения. 3. Точка зрения производства и точка зрения потребления. 4. Итоги.

Каждая сколько-нибудь стройная теория представляет из себя определенное единство, все части которого связаны между собой крепкою логическою цепью. Поэтому последовательная критика неизбежно наталкивается на основу теории, на ее метод, ибо метод теории и есть то, что связывает воедино отдельные положения всей теоретической системы. Мы начинаем, таким образом, с критики методологических предпосылок теории предельной полезности, подразумевая при этом отнюдь не ее *бедуктивный* характер, а ее *особенности* в рамках абстрактно дедуктивного метода. Для нас всякая теория экономики, поскольку она есть *теория*, является абстрактной — тут марксизм всецело сходится с австрийской школой ¹⁾. Но это сходство является чисто формальным; если бы не было его, нельзя было бы даже противопоставлять учение австрийцев учению Маркса, как теорию. нас интересует здесь то конкретное выражение абстрактного метода, которое свойственно

¹⁾ Маркс в предисловии к I т. «Капитала» называет свой метод дедуктивным методом классической школы. С другой стороны, нелепо думать — как это думают представители исторического направления — что всякий абстрактный закон не имеет ничего общего с конкретной действительностью. «Ein exaktes wissenschaftliches Gesetz», гов. один из представителей австрийской школы Emil Sax «ist ein Induktionsschluss höchster und allgemeinsten Art; als solcher, nicht als apriorisches Axiom ist er der Ausgangspunkt der Deduktion». (Conrads «Jahrbücher f. Nat. Oek. u. Statistik», 1894. III Folge. 8. Band, s. 116).

Подробный разбор этой стороны дела см. у Alfz Ammon'a: «Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie». Wien u. Leipzig, 1911.

австрийской школе и которое ставит ее в такую резкую противоположность к марксизму. Дело в том, что политическая экономия есть общественная наука, и в основе ее — сознают или не сознают это экономисты, в данном случае для нас безразлично — лежит то или иное представление об обществе и о законах его развития вообще. Другими словами, в основе всякой экономической теории имеются известные предпосылки социологического характера, с точки зрения которых и рассматривается экономическая сторона общественной жизни. Эти предпосылки могут быть ясными или смутными, выработанной системой или «неопределенными взглядами», но они должны все же быть в наличности. Марксистская политическая экономия имеет такое обоснование в социологической теории исторического материализма. Что же касается австрийской школы, то она не имеет законченной и более или менее точной социологической основы; зародыши последней приходится конструировать из экономической теории австрийцев. При этом следует заметить, что здесь нередко общие положения о природе «народного хозяйства» вступают в конфликт с положениями, действительно лежащими в основе экономической теории австрийцев¹⁾. Мы поэтому обращаем внимание, главным образом, на последние положения. Для марксизма характерны следующие социологические основы экономической науки: признание примата общества над личностью, признание исторически преходящего характера всякой экономической структуры; наконец, признание доминирующей роли производства. Наоборот, для австрийцев характерен методологический индивидуализм, неисторическая точка зрения, постановка во главу угла анализа потребления. Во «Введении» мы пытались дать социально-генетическое объяснение этого коренного расхождения между австрийцами и марксизмом: это расхождение, вернее, эта противоположность, была охарактеризована нами, как противоположность социально-психологическая. Здесь мы постараемся разобрать ее с логической стороны.

¹⁾ Ср., напр. стр. 259. «Untersuchungen» K. Menger'a, где даны довольно правильные определения, с действительным исходным пунктом теории. Свое полное самопознание теория пред. полезности нашла у Liefmann'a: «Ueber Objekt, Wesen und Aufgabe der Wirtschaftswissenschaft» Conrad's Jahrb., 13, 108.

1. Объективизм и субъективизм в политической экономии.

В своей известной статье по поводу III тома «Капитала» Маркса, Вернер Зомбарт, противопоставляя два метода в политической экономии, метод субъективный и метод объективный, охарактеризовал систему Маркса, как проявление «крайнего объективизма»; наоборот, австрийская школа, по мнению Зомбарта, есть «наиболее последовательное развитие» противоположного течения¹⁾. Эта характеристика, на наш взгляд, совершенно правильна. В самом деле, к изучению общественных явлений вообще и экономических явлений в частности можно подходить двумя; с одной стороны, можно считать, что наука должна исходить из анализа общества, как некоего целого, которое определяет собою в каждый данный момент явления индивидуальной хозяйственной жизни, — в таком случае задача сводится к тому, чтобы вскрыть различные связи и закономерности, существующие между разнообразными явлениями общественного порядка, которые определяют явления индивидуального порядка; с другой стороны, можно полагать, что наука должна исходить из анализа закономерностей индивидуальной жизни, так как общественное явление есть некоторый результат явлений индивидуального порядка, — в таком случае задача состоит в том, чтобы из явлений и закономерностей индивидуальной хозяйственной жизни вывести явления и закономерности социального хозяйства.

В этом смысле, несомненно, Маркс, — «крайний объективист» и в социологии, и в политической экономии. Поэтому его основное экономическое учение — «учение о ценности» — необходимо строго отличать от учения о ценности классиков, в особенности Смита. У Смита трудовая ценность базируется

¹⁾ W. Sombart: «Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx». Braun's «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik», B. VII, ss. 591-592. Ср. так же R. Liefmann, l. c., s. 5: «Das künftige methodologische Hauptproblem scheint mir der Gegensatz von individualistischer und sozialer Betrachtungsweise oder vom privaten und volkswirtschaftlichen Gesichtspunkt zu sein». Мы рекомендуем вниманию читателей работу Лифмана, как наиболее последовательно и сознательно проводящую индивидуалистический метод.

на индивидуальной оценке блага по количеству и качеству затраченного труда, — это есть субъективная трудовая теория; у Маркса же, наоборот, трудовая ценность есть объективный, т. е. общественный, закон цен, — его теория является, таким образом, объективной трудовой теорией, которая отнюдь не базируется на каких-либо индивидуальных ценностях, а выражает лишь связь между ростом производительных сил общества и товарными ценами, как они устанавливаются на рынке¹⁾. Зомбарт как раз на примере теории ценности и цены очень хорошо уясняет различие этих двух методов. «Маркс» — говорит он — «вовсе и не думает исследовать индивидуальные мотивы обменивающихся или исходить из численных издержек производства. Нет, его ход мысли таков: цены образуются конкуренцией, как — это остается в стороне. Но конкуренция, в свою очередь, регулируется нормой прибыли, норма прибыли — нормой прибавочной ценности, эта последняя — ценностью, которая сама является выражением общественно обусловленного факта, общественной производительности. В системе это изображается в обратной последовательности: ценность — прибавочная ценность — прибыль — конкуренция — цены. Если мы захотим выразить это в одном слове, то мы можем сказать: у Маркса никогда не идет речь о мотивации, но всегда лишь о лимитации (ограничении); в данном случае об ограничении индивидуального производства хозяйствующих субъектов»²⁾. Наоборот, у субъ-

¹⁾ См. напр., A. Smith: «An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations». London, 1895, vol I, p. 129: «Equal quantities of labour, at all times and places, may be said to be of equal value to the labourer. In his ordinary state of health, strength, and spirits; in the ordinary degree of his skill and dexterity, he must always lay down the same portion of his ease, his liberty, and his happiness (курсив наш). Можно привести ряд аналогичных цитат. В виду этого представляется совершенно неверным утверждение G. Charasoff'a, полемизирующего с Кауцким: «Für uns kann kein ernstlicher Zweifel bestehen, dass die classische Schule in ihrer Lehre von dem Wertgesetze keineswegs einen individualistischen, sondern einen konsequenten gesellschaftlichen Standpunkt, ganz so wie Marx selbst» vertrat. (см. Charasoff: «Das System des Marxismus». Berlin, 1910, s. 253). С другой стороны, совершенно верно утверждение автора, что и среди марксистских работ имеются субъективистские толкования теории Маркса. Но это вопрос совсем другого порядка.

²⁾ «Nicht als ob Marx auch nur daran dächte, nach den individuellen Motiven der Tauschenden zu forschen oder auch nur von der Produktionskostenberechnung auszugehen. Nein, sein Gedankengang ist dieser: die Preise werden gebildet durch die Konkurrenz, wie, bleibt dahingestellt, aber: die Konkurrenz ihrerseits wird geregelt durch die Profitrate, die

ективной школы «повсюду мотивация индивидуального хозяйственного акта выступает в центре системы»¹⁾.

Это различие весьма верно. В самом деле, в то время, как Маркс рассматривает общественное движение, как естественно исторический процесс, которым управляют законы не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения»²⁾, для Бем-Баверка исходная точка анализа есть индивидуальное сознание хозяйствующего субъекта.

«Социальные законы — пишет он — исследование которых оставляет задачу политической экономии, являются результатом игры согласующихся между собой мотивов... А раз это так, то не подлежит никакому сомнению, что при объяснении социальных законов необходимо добираться до движущих мотивов, которыми определяются действия индивидуумов, или принимать эти мотивы за исходный пункт»³⁾. И так, противоположность между объективным и субъективным методами есть противоположность между методом социальным и индивидуалистическим⁴⁾. Однако, вышеприведенное определение двух методов нуждается в более отчетливой характеристике. Прежде всего, нужно ближе определить, во первых, ту независимость от воли, сознания и намерения человека, о которой идет речь у Маркса; во-вторых, того «хозяйствующего индивидуума», который является исходным пунктом австрийской школы. «Определенные общественные отношения», писал Маркс в «Нищете философии»: «являются точно также про-

Profitrate durch die Mehrwerttrate, diese aber durch den Wert, der selbst der Ausdruck einer gesellschaftlich bedingten Tatsache, der gesell. Produktivkraft ist. Das stellt sich nun im System in umgekehrter Folge dar: Wert—Mehrwert—Profit—Konkurrenz—Preise u. s. w. Wollen wir ein Schlagwort haben, so können wir sagen: es handelt sich nie bei Marx um Motivation, sondern immer um Limitation, sc. der individuellen Willkür der Wirtschaftssubjekte» (W. Sombart, l. c., s. 591. Курсив наш).

¹⁾ «Überall ist die «Motivation» der (individuellen) wirtschaftlichen Handlung in den Mittelpunkt des Systems getreten» (ibid., s. 592).

²⁾ К. Маркс. «Капитал», т. I, пер. Струве, стр. XIII—XIV. Цитируемые слова взяты из рецензии Кауфмана, приводимой самим Марксом, который вполне с нею соглашается (см. стр. XV).

³⁾ Бем Баверк. «Основы теории ценности хозяйственных благ». Пер. А. Савина. СПб., стр. 116. То же у Менгера в «Untersuchungen über die Methoden der Sozialwissenschaften», etc.; у Liefmann'a, l. c., s. 40.

⁴⁾ Ср. R. Stolzmann: «Der Zweck in der Volkswirtschaftslehre». Berlin 1909, s. 59.

продуктами людей, как и холст, лев и проч.»¹⁾ Но из этого отнюдь не следует, чтобы общественный результат, тот «продукт», о котором говорит Маркс, входил, как цель или как движущий мотив, в сознание индивидуумов. Современное анархически построенное общество — а теория политический экономии и изучает именно это общество — со своими стихийными силами рынка (конкуренции, падения и повышения цен, биржей и т. д.) доставляет бесчисленное количество иллюстраций той мысли, что «общественный продукт» господствует над своими творцами, что *результат* мотивов индивидуальных (но не изолированных) хозяйствующих субъектов не только не соответствует этим мотивам, но и может быть с ними в резком противоречии²⁾ Это явление очень хорошо выясняется на примере образования цен. Множество покупателей и продавцов вступает в область рыночных отношений с некоторой (приблизительной) оценкой своих и чужих товаров; в результате их борьбы устанавливается известная рыночная цена, которая отнюдь не совпадает с индивидуальными оценками громадного большинства контрагентов. Более того, эта установившаяся цена оказывается прямо губительной для целого ряда «хозяйствующих субъектов», которые под давлением низких цен принуждаются оставить свою предпринимательскую деятельность, — они «разоряются». Еще резче то же явление проявляется на рынке ценных бумаг, на чем и основан весь «азарт» биржевой игры. Во всех этих случаях, которые *типичны* для современной социально-хозяйственной организации, можно говорить о «независимости»

1) С. Маркс: «Misère de la philosophie». Paris, éd. Giard et Brière, 1900, стр. 155 (стр. 72 русского перевода Алексея).

2) Уже одно это обстоятельство совершенно разрушает телеологическую точку зрения на общество, как на «целевое образование» точку зрения, усиленно разрабатываемую Штолыманом. «Как в жизни процессы не только не видны прицела, систематической подготовки, сбережения, экономии сил... так же и в человеческих отношениях (Проф. Р. Винтер. «Очерки теории исторического познания». Москва, 1911, стр. 162). См. также прекрасное описание «независимости» результатов индивидуальных действий у Энгельса: «Людвиг Феербах», пер. Г. Плеханова, Женева, 1905, стр. 39—40. Р. Лифман, в своей критике «субъективного метода», как раз ухватывается за критику телеологической концепции, утверждая, что она логически обязательна для всякого сторонника этого метода. Он обвиняет даже марксистов (напр., Гильфердинга) в телеологии, над которой потом издевается легкие победы. На самом деле, у марксистов речь идет об обществе, как о безсубъективной системе.

«общественных явлений от воли, сознания и намерения человека, но эта независимость вовсе не есть абсолютная независимость двух ничего между собой общего не имеющих; смешно предполагать, что человеческая история вертится не через волю людей, а помимо людей (такое материалистическое понимание истории» есть буржуазная пародия на марксизм); наоборот, оба ряда явлений — индивидуальные акты и общественные явления генетически связаны друг с другом ближайшим образом. Эту „независимость“ следует понимать исключительно в том смысле, что объективирующиеся результаты индивидуальных действий господствуют над каждой из своих частей в отдельности, «продукт» господствует над своим «творцом», при чем во всякий данный момент времени индивидуальная воля определяется уже сложившимся результатом волевых отношений отдельных «субъектов хозяйства»: побежденный в конкурентной борьбе предприниматель или обанкротившийся денежный капиталист «принуждены уйти с поля битвы, хотя они и выступали раньше в качестве активных величин, «творцов» общественного процесса, который, в конце концов, обратился против них самих¹⁾. Это явление есть выражение иррациональности «стихийности» экономического процесса в рамках товарного хозяйства, что так отчетливо проявляется в психологии товарного фетишизма, вскрытой впервые Марксом и блестяще им анализированной. Именно, в товарном хозяйстве происходит

¹⁾ «В хозяйственном общении» — пишет г. Струве: «хозяйствующий субъект всегда рассматривается в его отношениях к другим таким же субъектам, и между хозяйственные категории (т. е. категории товарного хозяйства. Н. Б.) выражают объективные (или объективирующиеся) результаты этих отношений: в них нет ничего «субъективного», хотя они и происходят из «субъективного»; с другой стороны, в них непосредственно не выражается также отношения хозяйствующего субъекта к природе, к внешнему миру, в них нет ничего «объективного», или «естественного» в этом смысле слова (Н. Струве: «Хозяйство и цена», Москва, 1913, стр. 23, 26). Г. Струве, ссылаясь, с другой стороны, на «натуралистический» элемент в теории ценности («сущность труда»), выводит противоречие между ним и элементом «социологическим». Ср. с этим Marx. Theorien über den Mehrwert, I, s. 277. Die Materialisation der Arbeit ist jedoch nicht so schottisch zu nehmen wie A. Smith es fasst. Sprechen wir von der Ware als Material der Arbeit — in dem Sinne ihres Tauschwertes — so ist dies selbst nur eine eingebildete, d. h. bloss soziale Existenzweise der Ware, die mit ihrer körperlichen Realität nichts zu schaffen hat. Hier kommt die Täuschung, daher, dass sich ein gesellschaftliches Verhältnis in der Form eines Dinges darstellt» I, (s. 278)

процесс «овеществления» отношений между людьми, при чем эти «вещные выражения» начинают, в силу стихийного характера развития, жить особой «самостоятельной» жизнью, подчиняющейся специфическим, только этой жизни свойственным закономерностям.

Мы имеем, таким образом, различные ряды явлений индивидуального характера и слагающиеся из них ряды явлений общественного характера; несомненно, что имеются некоторые закономерности, как между этими двумя категориями (индивидуального и социального характера), так и между различными рядами одной категории, в частности, между различными рядами общественных явлений, которые находятся в зависимости друг от друга. Установление закономерной связи между различными явлениями общественного порядка и есть метод Маркса. Другими словами, Маркс исследует закономерность результатов индивидуальных воле, не занимаясь исследованием их самих; он исследует закономерность общественных явлений безотносительно к их связи с явлениями области индивидуального сознания¹⁾.

¹⁾ Подобный «универсалистический» метод г. Отруве сближает с «логическим реализмом» (в противоположность «сингуляристическому» методу, сближаемому с номинализмом в логике). «В общественной науке» универсалистический уклон мысли — пишет г. Струве — сказывается, прежде всего, в том, что самая система психических отношений между людьми таковою является общество, рассматривается не только как реальное целое, не только как сумма или (!) система, но мыслится, как особое «живое единство, как существо. Такие понятия, как общество, класс являются, во всяком случае, легко становятся (!!) как бы «универсалистическими» социологического мышления. Они легко «гипостазированы» (с. с., стр. XI). Все это должно служить для доказательства неадекватности марксова метода исследования, который г. Струве откровенно «деставляет» с «логическим-онтологическим реализмом Гегеля и... схоластиков» (стр. XXVI). Ясно, однако, что у Маркса нет и намека на то, чтобы рассматривать общество и общественные группировки, как «существо» (выражение «живое единство» есть нечто иное и гораздо более неопределенно). В этом отношении достаточно сравнить метод Маркса хотя бы с методом «социально-органического» направления, последним проявлением которого являются книги Штольца. Маркс прекрасно сознавал ошибочность логического реализма Гегеля: «Hegel geriet... auf die Illusion, das Reale als Resultat des sich in sich zusammenfassenden, in sich vertiefenden und aus sich selbst sich bewegenden Denkens zu fassen, während die Methode vom Abstrakten zum Konkreten aufzusteigen, nur die Art für das Denken ist, sich das Konkrete anzueignen, es als ein Konkretes geistig zu reproduzieren. Keine Wege aber ist es der Entstehungsprozess des Konkreten selbst» (К. Маркс. «Einleitung zu einer Kritik der politischen Oekonomie» во 2-ом изд. [Zur Kritik]. Stuttgart, 1907. s. XXXVI).

Обратимся теперь к «хозяйствующим индивидуумам» Бем-Баверка.

В своей статье о книге К. Менгера (*Untersuchungen etc*) Бем-Баверк вполне соглашается, как с противниками австрийской школы, так и самим Менгером в том, что «хозяйствующие индивидуумы» представителей нового направления суть *атомы* общества. Задача новой школы есть «смещение исторического и органического методов, как господствующих методов теоретического исследования в социальных науках... и „восстановление истинного, *атомистического*» (курсив наш Н. Б.) направления»¹⁾.

Здесь исходным пунктом анализа делается не индивидуум атомного общества, обладающий социальной связью со своими «сочеловеками», а изолированный «атом», хозяйствующий Робинзон. В полном соответствии с этим представлением находятся те примеры, которые приводит Бем-Баверк для доказательства своих положений.

„У обильного источника пригодной для питья воды сидит человек — так начинает наш автор свой анализ ценности²⁾. Затем перед нами проходят: путешественник в пустыне³⁾, изолированный от всего мира сельский хозяин⁴⁾, поселенец „избушка которого одиноко стоит в первобытном лесу“⁵⁾ и т. д. Такие же примеры мы видим и у К. Менгера: „обитатель первобытного леса“⁶⁾, „житель оазиса“⁷⁾, „близорукий индивидуум на уединенном острове“ (1)⁸⁾, „изолированный хозяйствующий земледелец“⁹⁾, „потерпевшие кораблекрушение“¹⁰⁾ и т. д., и т. д.

Мы видим здесь ту же самую точку зрения, которая когда-то была отчетливо формулирована „слабчайшим“ из

¹⁾ „... die Absetzung der historischen und der organischen Methode als herrschender Methoden der theoretischen Forschung in den Sozialwissenschaften... und... die Wiedereinsetzung der exakten, atomistischen Richtung“. (*Böhm-Baверк* в *Zeitschrift für Privat- u. öffentliches Recht der Gegenwart*. Wien. 1884, B. XI, s. 220).

²⁾ Бем-Баверк: „Основы теории ценности хозяйств. благ“, стр. 15.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ib. 23.

⁵⁾ Ib. 45.

⁶⁾ К. Менгер: „Grundsätze der Volkswirtschaftslehre“, Wien, 1871, s. 82.

⁷⁾ Ibid. 85.

⁸⁾ Ibid. 95.

⁹⁾ Ibid. 96.

¹⁰⁾ Ibid. 104.

экономистов Бастиа. В своих „Экономических гармониях“ он писал: „Экономические законы действуют одинаковым образом, идет ли речь о совокупности многих людей, о двух индивидуумах или даже об одном человеке, вынужденном обстоятельствами жить изолированно. Индивидуум, если бы он мог жить некоторое время изолированно, был бы зараз капиталистом, предпринимателем, рабочим, производителем и потребителем. Вся экономическая эволюция совершалась бы в нем. Наблюдая каждый составной элемент ее — потребность, усилие, удовлетворение, даровую полезность и полезность, стоющую труда, он мог бы составить себе понятие обо всем механизме в целом, хотя бы последний и был сведен к его наипростейшему выражению“¹⁾.

И раньше: „Я утверждаю, что политическая экономия достигла бы своей цели и исполнила бы свою миссию, если бы она окончательно показала следующее: то, что правильно по отношению к (одному) человеку, то правильно и по отношению к обществу“²⁾.

Буввалло то же говорит и Джевонс: „Общая форма законов политической экономии одинакова для индивидуумов и для наций“³⁾.

1) Fr Bastiat: „Harmonies économiques“, Bruxelles, 1850, p. 213: „Les lois économiques agissent sur le même principe, qu'il s'agisse d'une nombreuse agglomération d'hommes, de deux individus, ou même d'un seul, condamné par les circonstances à vivre dans l'isolement. L'individu, s'il pouvait vivre quelque temps isolé serait à la fois capitaliste, entrepreneur, ouvrier, producteur et consommateur. Toute l'évolution économique s'accomplirait en lui. En observant chacun des éléments, qui la composent: le besoin, l'effort, la satisfaction, l'utilité gratuite et l'utilité onéreuse, il se ferait une idée du mécanisme tout entier, quoique réduit à sa plus grande simplicité“.

2) „... J'affirme que l'économie politique aura atteint son but et rempli sa mission quand elle aura définitivement démontré ceci: Ce qui est vrai de l'homme est vrai de la société“ (ibid. p. 74).

Нужно заметить, что Бастиа говорит об изолированном человеке как методологически полезной абстракции. Исторически же и для него он — „химическое видение Руссо“ (см. также стр. 93, 94).

3) „The general form of the laws of Economy is the same in the case of individuals and nations“, W Stanley Jevons: „The theory of political economy“. London and New York, 1871. p. 21. У „математиков“ и „американцев“ это, в значительной степени, исчезает. Ср. Walras: Etudes d'économie sociale (théorie de la répartition de la richesse sociale) Lausanne-Paris, 1896: „Il ne faut pas dire que l'individu est la base et le fin de toute société sans ajouter immédiatement que l'état social est aussi la base et le milieu de toute individualité“ (p. 90) У Clark'a доминирует объективизм. Насколько, однако, все здесь не осознано, видно, напр., из такого определения американского экономиста Thomas'a Nixon'a

Бак, однако, ни стара и как ни почтенна эта точка зрения, она абсолютно неверна. Общество не есть (как — сознательно или бессознательно — предполагается здесь) арифметическая сумма изолированных индивидуумов; наоборот, хозяйственная деятельность индивидуума предполагает, как свое условие определенную общественную среду, в которой выражается социальная связь отдельных хозяйств. Мотивы изолированного человека совершенно отличны от мотивов человека, как „общественного животного“, ибо в то время как для первого внешней средой является только природа, мир вещей в их первобытной неприкосновенности, для второго внешней средой является не только „материя“, но и особая социальная среда. Перейти от изолированного человека к обществу можно только перейдя через эту социальную среду. В самом деле, если бы у нас была лишь сумма отдельных хозяйств, но не было бы никаких точек соприкосновения между ними, не было бы особой среды, которую Родбертус удачно назвал „хозяйственным общением“, то тогда у нас не было бы и общества. Теоретически можно, конечно, охватить и простую сумму разрозненных разобщенных хозяйств единым понятием, сжать их в одну „совокупность“. Но эта совокупность будет нечто совершенно иное, чем та совокупность, которую представляет из себя общество, как система хозяйств, тесно связанных между собой и находящихся в постоянном взаимодействии. В то же время как в первом случае связь создается нами самими, во втором случае она нам дана в действительности¹⁾. Таким образом, только как член социальной хозяйственной системы, а не как изолированный „атом“, может быть рассматриваем отдельный „хозяйствующий субъект“. Последний действует, приспособляясь к данному состоянию общественных явлений; они ограничивают, „лимитируют“ (Зомбарт) его вид

Carver's: „The method pursued is that of an analytical study of the motives which govern men in business and industrial life; (The distribution of wealth. New-York 1904, p. XV). Но, с другой стороны, тот же *Carver* „объективирует“ теорию ценности.

¹⁾ „Таким совокупностям, создаваемым нами, и не существующим вне нашего сознания, могут быть противопоставлены совокупности реальные, создаваемые жизнью. Между грудными младенцами Европейской России нет иной связи, кроме той, что порождается нашими статистическими таблицами; деревья в лесу стоят в прочных взаимоотношениях друг к другу и образуют нечто единое, независимо от того, подвергаются они объединению в групповое понятие или нет“ А. А. Чупров „Очерки по теории статистики“. СПб. 1909, стр. 78)

«индивидуальные мотивы»¹⁾. Это нужно сказать не только об «экономической структуре общества», т.-е. не только о производственных отношениях, но и о социально-экономических явлениях, возникающих на основе данной структуры. Например, индивидуальные оценки всегда приспособляются к уже сложившимся ценам, стремление вложить капитал в банк зависит от высоты процента в данный момент, вложение капитала в ту или иную отрасль производства определяется сложившейся здесь нормой прибыли, оценка земельного участка зависит от величины дохода с него и от высоты процента и т. д., и т. д. Правда, индивидуальные мотивы оказывают обратное влияние²⁾; но нам важно установить, что сами они уже заранее имеют социальное содержание, а следовательно, из мотивов изолированного субъекта нельзя вывести никаких «социальных законов»³⁾. Если же мы возьмем в качестве отправного пункта исследования не изолированного индивидуума, а предположим социальный момент в его мотивах данным, то в таком случае у нас получится:

1) «Gehen wir also induktiv vom Gegebenen aus, so stossen wir bei Betrachtung der volkswirtschaftlichen Wirklichkeit... auf ganze Berg- von Tatsachen, die uns vor Augen führen, wie das wirtschaftende Individuum bei all seinem Wägen und Handeln vom gegebenen Bestand eines objektiven Gefüges bestehenden Wirtschaftsordnung abhängig ist.» E. Stolzmann, I. c., 35).

2) «Исходным пунктом всякого хозяйственного явления является состояние индивидуум: но не изолированный индивидуум, которого анализируют критики Маркса, равно как и исследователи XVIII столетия... а индивидуум в соединении с другими индивидуумами, *массо индивидуумов*... в которой каждый отдельный развивает иную психическую деятельность, чем в своей изолированности». — L. Boudin: «Das theoretische System von K. Marx». Stuttgart. 1909. Vorwort von K. Kautsky, s. XIII, (весь русский пер. В. И. Засулич). Маркс не раз с необыкновенной выпуклостью доказывал необходимость общественной точки зрения: «In Gesellschaft produzierende Individuen, daher gesellschaftlich bestimmte Produktion der Individuen ist natürlich der Ausgangspunkt. Der einzelne und vereinzelte Jäger und Fischer... gehört zu phantasielosen Einbildungen des XVIII. Jahrhunderts», («Einleitung» etc., s. XIII). «Die Produktion der vereinzelt Einzelnen ausserhalb der Gesellschaft... ist ein ebensolches Ueppung als Sprachentwicklung ohne *zusammen lebende und zusammen sprechende Individuen*» (ibid). Очень хорошо замечает Гильбердинг: «Из мотивов действий субъектов хозяйства, которые к своей очереди, определяются природою хозяйственных отношений, никогда нельзя вывести чего-либо большого, кроме тенденции к установлению равенства экономических отношений: равная цена за одинаковые товары, равная прибыль на равные капиталы, равная заработная плата и равная норма эксплуатации при равенстве труда. Но исходя из субъективных мотивов, я никогда не дойду таким способом до самих количественных отношений. («Финансовый капитал», стр. 465, русс. пер., примечание).

порочный круг: желая вывести „социальное“, т.-е. „объективное“, из „индивидуального“, т.-е. „субъективного“, мы будем выводить его из социального же, т.-е. отсылать от Понтия к Пилату.

Как мы видели выше, австрийская школа (Бем Баверк) исходит из мотивов изолированного субъекта. Правда, в сочинениях ее представителей мы можем найти и довольно правильные суждения о природе общественного целого. Но *на деле* она с самого начала ведет анализ мотивов хозяйствующих субъектов, абстрагируя от всяких связей социального характера; именно такая точка зрения типична для новых теоретиков буржуазии, и как раз эту точку зрения австрийская школа последовательно проводит во всех своих теоретических построениях. Отсюда ясно теперь, что она неминуемо *должна* будет контрабандным путем ввести „социальное“ в индивидуальные мотивы своих „общественных атомов“, если только она захочет вывести какой-нибудь *социальный* феномен. Но тогда она неминуемо *должна* будет описать громадный порочный круг.

И, действительно, эта неизбежная логическая ошибка обнаруживается уже при анализе теории субъективной ценности австрийской школы, того краеугольного камня всей теоретической системы, которым так гордятся ее представители. А между тем только *одна* эта ошибка уничтожает смысл построенной с необычайными ухищрениями научно-экономической идеологии современного буржуа, „ибо, конечно“, — как правильно замечает сам Бем-Баверк, — „это смертный методологический грех, если кто в научном исследовании игнорирует именно то, что следует объяснить“¹⁾.

Итак, мы пришли к заключению, что „субъективизм“ австрийской школы, намеренное изолирование „хозяйствующего субъекта“, абстракция от социальных связей²⁾ с неизбеж-

¹⁾ Проф. Бем-Баверк: „Теория Карла Маркса и ее критика“, пер. проф. Георгиевского, СПб. 1897, стр. 90. (Книжка переведена бесграмотно и снабжена глупейшим предисловием истинно-русского профессора).

²⁾ Что речь идет лишь об абстракции, понимают, конечно, и сами австрийцы: „Der Mensch wirtschaftet nicht als isolirtes Wesen; eine Einzelwirtschaft im strikten Sinne des Wortes ist eine Abstraktion.“ (Emil Sax: „Das Wesen und die Aufgaben der Nationalökonomie.“ Wien, 1884, s. 12). Однако, не всякая абстракция допустима: сам Бем замечает: „в науке и «мыслям» как и «логике» не следует удалаться совсем беззаботно

ностью приводят к логическому браку всей системы; последняя оказывается столь же мало удовлетворительной, как старая теория издержек производства, беспомощно вертевшаяся в заколдованном кругу.

Возникает, однако, вопрос, возможно ли тогда вообще теоретическое познание хозяйственной жизни, установление ее закономерностей помимо закономерностей индивидуальных мотивов. Возможен ли, говоря другими словами, тот «объективизм», который лежит в основе теории Маркса.

На этот вопрос даже Бем-Баверк отвечает утвердительно: «Невозможны» — говорит он — «законосообразные действия без законосообразной мотивации, но вполне возможно познание законосообразных действий без знания соответствующей мотивации»¹⁾. Но, по мнению Бема, этот «объективистический источник знания» в состоянии, в лучшем случае, доставить только очень скудную и при том, самое по себе, совершенно недостаточную часть общего знания», т. е. в хозяйственной среде «мы имеем дело преимущественно с сознательно рассчитанными человеческими действиями»²⁾.

Однако, мы видим выше, что скудный урожай должен получиться именно на ниве той тощей абстракции индивидуально психологического характера, которая пропагандируется австрийской школой³⁾. И не просто в абстракции здесь дело.

от фактов; отвлекаться можно только от тех особенностей, которые не имеют значения для исследуемого явления, действительно, в самом деле не имеют значения». (Бем-Баверк: «Теория К. Маркса и ее критика», т. 1, стр. 114—115. Курсив автора).

¹⁾ Бем-Баверк: «Теория К. Маркса и ее критика», стр. 123, подстроч. прим. г. Струве, называя такой метод познания схоластикой (стр. XXVI цит. сочин.) в другом месте (стр. XXXII и сл.) говорит об «эмпирически правомерных применениях универсалистического мотива». Это в свою очередь, ничуть не мешает тому же автору заявлять, что социологическая точка зрения, необходимая в политической экономии «в конце концов, может исходить только от человека (т. е. «индивидуума», Н. В.) и только от его психологии» (стр. 26). При этом г. Струве не придает «особенного» значения тонкостям психологического субъективизма, как будто эти «тонкости» не связаны необходимой логической связью с «основами». Как видит читатель, г. Струве выбирает себе весьма удобную позицию. На вопрос Бем-Баверка отрицательно отвечает Либман, т. 1, с.

²⁾ Бем-Баверк: «Теория К. Маркса и т. д. стр. 122.

³⁾ Даже сторонник теории пред. полезности Джон Кейнс признает, что «явления промышленной жизни во всем своем объеме не могут быть объяснены единственным путем дедукции из немногих элементарных законов человеческой природы» (Смолт. «Предмет и метод полит. экон.», пер. под ред. Мануйлова. Москва, 1899, стр. 70.

мы уже имели случай упоминать, что абстракция есть необходимый элемент познавательной деятельности. Ошибка австрийцев состоит в том, что они абстрагируют при исследовании общественных явлений от этих самых явлений. Очень хорошо формулирует данный пункт Р. Штольцман. „Путем изолирования и абстрагирования“—говорит он—„можно создать хозяйственные типы настолько простые, насколько это возможно. Но типы эти должны быть социальными, они должны иметь своим предметом социальное хозяйство“¹⁾. Ибо нельзя перейти от чисто индивидуального к социальному; даже если бы в действительности имелся исторический процесс такого перехода, т.-е., если бы люди переходили от изолированного состояния к „общественному бытию“, то и тогда бы можно было лишь описать, исторически и конкретно, этот процесс разрешить, таким образом; проблему чисто идиографического (кинематографического) характера; но и тогда нельзя было бы построить теорию номографического типа. В самом деле, вообразим, что отдельные и изолированные производители сталкиваются друг с другом, связываются постепенно обменом в законе, превращаются в современное развитое меновое общество. Возьмем теперь субъективные оценки человека нашего времени. Они исходят (ниже мы будем доказывать это подробнее) от заранее сложившихся цен; эти цены, в свою очередь, складываются из мотивов хозяйствующих субъектов, в некоторый более или менее отдаленный период времени; но они в свое время зависели от цен, которые сложились еще раньше, эти последние явились опять-таки, как результат субъективных оценок, основанных на еще более ранней цене и т. д. В конечном счете мы дойдем, таким образом, до оценок изолированных производителей, оценок, которые, действительно, уже не содержат в себе элемента цены, так как в них не скрывается уже никакой общественной связи, никакого общества. Но анализ этих субъективных оценок, начинаая с оценок современного человека и кончая гипотетическим Робинзоном, будет не чем иным, как историческим опи-

¹⁾ „Mag man die Wirtschaftstypen durch Isolieren und Abstrahieren so einfach gestalten, wie es nur angeht, aber social müssen sie sein, eine sociale Wirtschaft müssen sie zum Gegenstande haben.“ (R. Stolzmann, l. c. s. 63; также «Sociale Kategorie», ss. 291, 292). Ср. также D. Löschitz: «Zur Kritik der Böhm-Bawerkschen Werttheorie»; Leipzig. 1908. Kap. IV, о社会经济. 90—91.

анализ процесса превращения мотивов изолированного человека — в мотивы человека современного, при чем этот процесс будет изображен в обратном порядке. Ничего, кроме этого описания, подобный анализ дать не может, и никакой общей теории цены или теории меновой ценности на этом основании построить нельзя. Попытки же такого построения неизбежно должны приводить к порочным кругам в теоретической системе, потому что, поскольку мы хотим оставаться в рамках общей теории, постольку мы должны признавать социальный элемент за данную величину, вместо того, чтобы объяснить этот элемент; с другой стороны, выйти за пределы этой величины — это, как мы видели, означает превратить теорию в историю, т. е. перейти в совершенно другую плоскость научного исследования.

Нам остается только один метод исследования, именно: соединение абстрактно-дедуктивного метода с методом объективным, соединение, которое является одной из самых характерных черт марксистской политической экономии. Только таким путем можно построить теорию, которая не представляла бы вечного противоречия в себе самой, а была бы действительным орудием научного познания капиталистической действительности.

2. Историческая и неисторическая точка зрения

В „Теориях прибавочной ценности“ Маркс писал о физиократах: „Было большой их заслугой, что они рассматривали эти формы (формы буржуазного способа производства А. Б.), как физиологические формы общества, как формы вытекающие из естественных нужд самого производства, которые независимы от воли, политики и т. д... Это материальные законы. Ошибка же физиократов состоит в том, что материальный закон определенной общественной формации рассматривается, как закон абстрактный, одинаково господствующий над всеми общественными формами“ ¹⁾.

¹⁾ Es war ihr grosses Verdienst, dass sie diese Formen als physiologische Formen der Gesellschaft auffassten: als aus der Naturnotwendigkeit der Produktion selbst hervorgehende Formen, die von Willen, Politik u. s. w. unabhängig sind. Es sind materielle Gesetze. Der Fehler der Physiokrat.

Здесь очень хорошо проводится различие между просто-общественной и общественно-исторической точкой зрения. Можно рассматривать „общественное хозяйство в целом“, но не понимать всего значения специфически исторических общественных форм. Правда, в новейшее время неисторической точке зрения обычно соответствует и непонимание значения социальных связей, но тем не менее следует различать эти два методологических вопроса, ибо возможность „объективизма“ отнюдь не является необходимой гарантией исторической постановки вопроса. Это мы видим на примере физиократов. В современной литературе мы находим то же самое у Тугана-Барановского, „социальная теория распределения“ которого годится (а потому ничего не объясняет) для всякого расслоенного на классы общества ¹⁾.

Маркс самым резким образом подчеркивал исторический характер экономической теории и относительность ее законов. „По его мнению... каждый исторический период имеет свои законы .., но, как только жизнь пережила период данного развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами“ ²⁾. Из этого, конечно, отнюдь не вытекает, что Маркс отрицал все и всяческие общие законы, которые бы определяли ход общественной жизни на различных ступенях развития. Теория исторического материализма, например, открывает законы, пригодные для общественного развития вообще. Но это отнюдь не исключает специфических исторических законов политической экономии, которые, в противоположность социологическим законам, выражают сущность одной из общественных структур, капиталистической общественной структуры ³⁾.

ist nur der, dass das materielle Gesetz einer bestimmten historischen Gesellschaftsstufe als abstraktes alle Gesellschaftsformen gleichmässig beherrschendes Gesetz aufgefasst wird. (K. Marx: „Theorien über den Mehrwert“ I Band, S. 34).

¹⁾ См. Туган-Барановский: „Основы политической экономии“. Нужно заметить, однако, что в то время, как физиократы в действительности объясняли капитализм, хотя и не сознавали этого, Туган хочет сознательно объяснить его, но „вырабатывает“ один ничего не говорящий формулы. Об этом см. N. Bucharin; „Eine Oekonomie ohne Wert“, Neue Zeit, 1914, №№ 22 и 23.

²⁾ К. Маркс: „Капитал“, т. I, стр. XIV; цитата взята из рецензии Кауфмана, проводимой самим Марксом.

³⁾ Этого не понимают даже „благожелательные“ критики. См. Oshagoff, l. c., S. 260—261.

Здесь уместно будет предупредить одно могущее быть сделанным возражение. А именно, нам могут сказать, что признание историчности с неизбежностью влечет за собой идиографический, чисто описательный тип теории, т.-е., ту точку зрения, которую защищает так называемая „историческая школа“. Однако, такое возражение покоилось бы на смешении совершенно различных вещей. Возьмем какое-либо общее положение идиографической науки par excellence статистики. Статистика населения выводит, например, такой „эмпирический закон“: на 100 девочек — рождается 105 — 108 мальчиков. Этот „закон“ — чисто описательного характера, в нем непосредственно не выражено никакого общего причинного соотношения. Наоборот, теоретический закон в политической экономии улаживается, как мы видели, в формулу причинности: если имеется А. В. С., то наступает D.; другими словами, наличие определенных условий, «причин», ведет за собой наступление определенного следствия. Ясно, что эти «условия» могут быть и исторического характера, т.-е., что они в действительности встречаются только в определенное время. С чисто логической точки зрения вполне безразлично, где и когда встречаются эти условия в действительности, и даже встречаются ли они вообще, — в этом смысле перед нами «вечные законы»; с другой точки зрения их реального проявления, они суть «исторические законы», ибо они связаны с «условиями», встречающимися лишь на исторически определенной ступени развития ¹⁾. Но раз эти условия даны, даны тем самым и их следствия. Именно на этом характере теоретических экономических законов возможно их «применение» к странам и эпохам, где общественное развитие достигло соответствующей высоты (поэтому, например, русские марк-

¹⁾ Проф. *Оппен* в своей «Geschichte der Nationalökonomie» различает три метода: die exakte oder philosophische, die historische oder besser historisch-statistische und endlich die historisch-philosophische, welche einen synthetischen Charakter besitzt (s. 9) И дальше: «Auf sozialistischen Gebiete hat die historisch-philosophische Methode einestheils durch *Saint-Simon* und sodann in extrem materialistischer Richtung durch *Karl Marx* und *Friedrich Engels* Vertretung gefunden... Erfolgreich bekämpft werden kann er (историч. материализм. Н. В.) nur auf dem gleichen, d. h. historisch-philosophischen Boden» (ibid). Здесь, таким образом, признается плодотворность именно марксова метода, который, конечно, следует по *Оппену* «соединить» с кантовским идеализмом, в целях более удобной борьбы с марксизмом, как зловредной материалистической теорией.

«исты могли удачно предсказать, «судьбы капитализма в России»... хотя анализ Маркса исходил из конкретного эмпирического материала, касавшегося Англии¹⁾».

Таким образом, «исторический» характер законов политической экономии отнюдь не превращает последнюю в науку статистического типа. С другой стороны, только историческая точка зрения может быть познавательно-ценной в этой области.

Политическая экономия, как наука, может иметь своим объектом исключительно товарное (госп. товарно-капиталистическое) общество. В самом деле, если бы мы имели перед собой какой-либо вид организованного хозяйства, будь это оikosное хозяйство Родбертуса, первобытная коммуна, феодальное поместье или организованное общественное хозяйство социалистического «государства» — мы бы не нашли там ни одной проблемы, разрешение которой составляет задачу теоретической экономики; эти проблемы касаются товарного хозяйства, в особенности его капиталистической формы: таковы проблемы ценности, цены, капитала, прибыли, кризисов и т. д. Это, конечно, не случайность: как раз теперь, при системе большей или меньшей «свободной конкуренции», наиболее ясно выражается стихийность экономического процесса, где индивидуальная воля не имеет цели отходить на задний план перед объективно развивающейся цепью общественных явлений; только товарному производству в его высшей форме, производству капиталистическому, свойственно то явление, которое Маркс назвал «товарным фетишизмом», и блестящий анализ которого он дал в «Капитале». Именно здесь личные отношения людей в производственном процессе выражаются в безличных отношениях между вещами, и эти последние принимают форму «общественного иероглифа» ценности (Маркс). Отсюда та «загадочность», которая свойственна капиталистическому производству, и то своеобразные проблемы, которые впервые появляются здесь для теоретического исследования. «Не вследствие „caractère typique de la liberté économique“..., а в силу теоретико-познавательного своеобразия системы конкуренции, которая приводит к себе как наибольшее число теоретических задач, так и

¹⁾ Этого совершенно не понимает К. Буланже. См. его критику марксистских прогнозов в «Философии хозяйства».

наибольшую трудность их решения¹⁾ анализ капиталистической действительности представляет особый интерес и придает особый логический вид экономической науке, которая исследует закономерность стихийной жизни современного общества, выводит законы, независимые от сознания людей, „регулирующие естественные законы, на манер закона тяжести, когда над вашей головою обрушивается дом“²⁾. И вот эта стихийность, вытекающая притом из весьма сложных отношений, есть сама историческое явление, свойственное лишь товарному производству³⁾. Только в неорганизованном общественном хозяйстве создаются специфические явления, когда взаимоприспособление различных отдельных частей „производственного организма“ идет помимо сознательно на это приспособление направленной воли людей. При планомерном ведении общественного хозяйства распределение и перераспределение производительных сил общества есть сознательный, основанный на статистических выкладках, процесс; при современной анархии производства этот процесс совершается посредством целого передаточного механизма цен, их падения или повышения, путем давления этих цен на прибыль, путем целого ряда кризисов и т. д.; словом, не сознательный расчет коллектива, а слепая сила общественной стихии, проявляющаяся в целом ряде общественно-экономических явлений — в первую голову рыночной цены — вот что характерно для современного общества и вот что составляет предмет экономической науки. При социалистическом строе политическая экономия теряет свой смысл: останется одна лишь „экономическая география“ — наука

¹⁾ „Nicht wegen des ‚caractère typique de la liberté économique‘, sondern wegen der erkenntnistheoretischen Eigenart des Konkurrenzsystems, welches sowohl die grösste Zahl der theoretischen Rätsel, als die grösste Schwierigkeit, sie zu lösen, mit sich führt“ (Heinrich Dietzel: „Theoretische Sozialökonomik“, s. 90).

²⁾ К. Маркс: Капитал, I, стр. 31, перев. Струве (III изд.).

³⁾ „Gesetzmässige Erscheinungen heutiger Art... erst entstanden, als jede Isolierung, aber auch diejenige örtliche Abgeschlossenheit überwundene Dinge waren“ (Neumann: „Naturgesetz und Wirtschaftsgesetz“, Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, hg. v. Schöffle. 1892. Jahrg. 48, Heft 3, s. 446). Г. Струве очень хвалит Маркса за анализ товарного фетишизма, но он считает, что Маркс и вся школа научного социализма — ошибались, приписывая этому явлению исторический характер. Последнее обстоятельство не помешало, впрочем, тому же автору ставить фетишизм в связь с товарным хозяйством, которое, по его же собственному мнению, является исторической категорией (см. у него о „системе хозяйства“, I, с. 5).

идиографического типа, и нормативная наука «экономической политики», ибо отношения между людьми будут простыми и ясными, устранится всякая их вещная, фетишизированная формулировка, а на место закономерностей стихийной жизни станет закономерность сознательных действий коллектива. Уже из одного этого ясно, что при исследовании капитализма нужно принимать во внимание основные его черты, отличающие капиталистический «производственный организм» от всякого иного: ибо исследование капитализма и есть исследование того, что отличает капитализм от всякой другой общественной структуры; если мы отвлекаемся от этих особенностей, которые типичны для капитализма, то мы будем иметь дело лишь со всеобщими категориями, пригодными для всяких общественных производственных отношений и потому не объясняющих исторически определенного, совершенно своеобразного процесса развития «современного капитализма». Как говорит Маркс, именно в забвении этого положения и заключается «вся мудрость» современной буржуазной экономики, которая стремится доказать прочность теперешних отношений¹⁾. При этом нужно иметь в виду, что анализ капитализма, как развитого товарного производства, характеризующегося не обменом вообще, но капиталистическим обменом, где на рынке появляется рабочая сила в качестве товара, и где производственные отношения («экономическая структура общества») включают в себя не только отношения между товаропроизводителями, но и отношение между классом капиталистов и классом наемных рабочих, — что этот анализ капитализма требует кроме исследования общих условий товарного хозяйства (наличность лишь одного этого элемента соответствовала бы теории простого товарного производства), также и исследования специфической структуры капитализма. Только такая постановка вопроса может создать действительно научную экономическую теорию. Если заниматься не апологией и увековечиванием капиталистических отношений, а их теоретическим исследованием, то необходимо выделить их типичные черты и

1) «In diesem Vergessen liegt zum Beispiel die ganze Weisheit der modernen Oekonomie, die Ewigkeit und Harmonie der bestehenden socialen Verhältnissen beweisen...» («Einleitung zu einer Kritik» etc.; s. XVI). писано в 1857 г., но буквально приложимо к «двадцатому веку».

эти черты анализировать. Так именно и поступает Маркс. Его „Капитал“ начинается словами:

„Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, является „огромным скоплением товаров“, а отдельный товар,—его элементарной формой. Наше исследование поэтому начинается с анализа товара“¹⁾.

Таким образом, с первых же строк все исследование поставлено на исторические рельсы. В дальнейшем анализ Маркса показывает, что все основные понятия экономической науки носят исторический характер²⁾.

„Продукт труда—пишет Маркс о ценности—при всяких общественных условиях есть предмет потребления; но лишь исторически определенная эпоха, делающая затраченный на производство какого-либо полезного предмета труд его „объективным“ свойством, т.-е. его ценностью, превращает продукт труда в товар“³⁾.

То же самое говорит Маркс о капитале:

„Капитал—это не вещь, а определенное общественное, принадлежащее определенной исторической формации, отношение производства, которое проявляется в вещи и придает этой вещи специфически общественный характер. Капитал не есть сумма материальных и произведенных средств производства, которые сами по себе так же не суть капитал, как золото и серебро сами по себе не суть деньги“⁴⁾.

Любопытно рядом привести то определение капитала, которое дает Бем-Баверк:

«Капиталом вообще» — говорит он: «мы называем совокупность продуктов, которые служат как средство добывания благ. Из этого общего понятия капитала вытекает более узкое понятие социального капитала. Социальным капиталом мы называем совокупность продуктов, которые служат, как

¹⁾ К. Маркс: «Капитал», т. I, стр. 1.

²⁾ Сводку методологических взглядов Маркса можно найти в не редактированной нами «Einleitung». По поводу исторических и неисторических «условий производства» Маркс, следующим образом резюмирует свои мысли: «Zu resumieren: es gibt allen Produktionsstufen gemeinsame Bestimmungen, die vom Denken als allgemeine fixiert werden, aber die sogenannten, allgemeinen Bedingungen aller Produktion sind nichts als diese abstrakten Momente, mit denen keine wirkliche geschichtliche Produktionsstufe begriffen ist» (s. XX).

³⁾ К. Маркс: «Капитал» т. I, стр. 21.

⁴⁾ К. Маркс: «Капитал», т. III, часть II, стр. 343, 344 перевода Базарова и Степанова.

средство социально-хозяйственного добывания благ... или... говоря кратко, совокупность промежуточных продуктов¹⁾.

Таким образом, налицо полная противоположность исходной точки зрения. Где у Маркса выделяется, как основной признак, историчность данной категории, там у Бема — абстракция от исторического элемента; где у Маркса исторически-определенные отношения людей, там у Бема всеобщие формы отношения человека к вещам. В самом деле, ведь, если отвлечься от исторически-изменяемых отношений между людьми, тогда останутся лишь отношения между человеком и природой, вместо историко-социальных категорий — категории «естественные» («natürliche Kategorien»). Однако, ясно, что «естественные» категории ни в малейшей степени не объясняют категорий историко-социальных, ибо, как совершенно правильно замечает Штольцман: «Естественные категории дают только технические возможности для образования экономических феноменов»²⁾.

В самом деле, процесс труда, процесс «добывания благ» и их распределения проходит всегда в известных исторически-различных формах, которые только и вызывают известные социально-экономические явления. Нельзя же видеть, подобно «полковнику Торренсу», а также Бем-Баверку «в камне дикаря — начало капитала»³⁾, а в самом дикаре — капиталиста. Только

¹⁾ «Kapital überhaupt nennen wir einen Inbegriff von Produkten, die als Mittel der Gütererwerbes dienen. Aus diesem allgemeinen Kapitalbegriff löst sich als engerer Begriff der des Sozialkapitales ab. Sozialkapital nennen wir einen Inbegriff von Produkten, die als Mittel sozialwirtschaftlichen Gütererwerbes dienen; oder... kurz gefasst, einen Inbegriff von Zwischenprodukten» (Böhm-Baumerk «Kapital und Kapitalzins», Band II, Teil I, ss. 54—55, издания 1909 г.). Г-н Струас, прошедший школу Маркса, стоит тоже на этой крайне поверхностной точке зрения: «Чистое хозяйствование» — пишет он: — знает и такие категории, как издержки производства, капитал, доход, рента» (I. с., стр. 17), при чем под чистым хозяйством подразумеваются «экономические отношения всякого хоз. субъекта ко внешнему миру» (ibid.). Более утонченный вариант сходных мыслей ведет свое начало от Родбертусса, различавшего логическое понятие капитала от исторического. На деле такая терминология прикрывает апологетические ноты у буржуазных экономистов, будучи совершенно излишняя по существу, ибо для «логических категорий» имеются такие термины, как, напр., средства производства. Об этом придется говорить подробнее ниже, при разборе теории прибыли.

²⁾ «Die natürlichen Kategorien geben nur technische Möglichkeiten für die Ausbildung von ökonomischen Phänomenen». (R. Stolzmann: «Der Zweck etc.» s. 131).

³⁾ К. Маркс: «Капитал», I, 114, подстрочн. примеч.: «В первом камне, который дикарь бросает в дичь, а первой палке, которую он берет,

Когда на основе товарного производства ¹⁾ средства производства становятся монопольной собственностью одного класса и в качестве таковой противопоставляются собственности рабочего на единственный находящийся в его распоряжении товар — рабочую силу — только тогда и возникает то своеобразное отношение, которое называется капиталом, а, следовательно, только тогда возникает и «прибыль капиталиста». То же и с рентой. Один факт различия в плодородии почвы на разных земельных участках или же пресловутый «закон убывающего плодородия почвы» (даже если бы он существовал в той форме, в какой его признают самые крайние мальтузианцы) — отнюдь не вызывали бы появления на свет божий поземельной ренты. Последняя возникает лишь тогда, когда на основе товарного производства, земля монополизирована классом поземельных собственников. Различие же в плодородии разных участков и вышеупомянутый «закон» являются лишь техническими условиями, «возможностями» социального феномена — ренты ²⁾. Поэтому напрасны жалобы Бем-Баверга на некоторых его критиков, где Бем обвиняет последних, что они не различают «сущности дела» от «формы проявления» („Erscheinungsform“). «Сущность» капитала состоит не в том, что он — «совокупность промежуточных продуктов» (это есть «сущность» средств производства), а в том, что он есть своеобразное общественное отношение, влекущее за собой целый ряд совершенно неизвестных другим эпохам экономических явлений. Можно сказать, конечно, что капитал есть Erscheinungsform для средств производства в теперешнем обществе, но нельзя сказать, что современный капитал есть форма проявления капитала вообще, который идентичен со средствами производства.

чтобы бить плоды... мы видим присвоение одного предмета с целью приобретения другого и открываем, таким образом, начало капитала». (R. Torrens. «An Essay on the Production of Wealth etc.», p. 70, 71). Определение капитала, как совокупности «промежуточных продуктов», которое дает Бем-Баверг, совпадает, таким образом, с мнением Торренса, жестоко осмеянным Марксом еще в первом томе «Капитала». Ср. *Böhm-Baверг: Kapital und Kapitalzins, Band II, Teil I, S. 587.*

¹⁾ Последнее условие часто упускается критиками Маркса, Ср. напр.: Fr. Oppenheimer: «Die soziale Frage und Sozialismus», особ. главу: Robinson - Kapitalist.

²⁾ Ср. Штольцман, I. с., 26, также Джон Кейнс, I. с., стр. 66: «... даже закон убывающего земельного продукта, рассматриваемый как чисто естественное явление, строго говоря, едва ли может считаться экономическим законом».

Историческим характером обладает и явление ценности. Даже если признать правильным индивидуалистический метод австрийской школы и стараться вывести ценность из «субъективной ценности», т.-е. из индивидуальных оценок единичных лиц, то и тогда должно принять во внимание то обстоятельство, что в психике теперешнего «производителя» и в психике производителя в натуральном хозяйстве (а тем более в психике «человека, сидящего у ручья» или голодающего в пустыне) имеется совершенно различный материал. Современного капиталиста — будь то представитель промышленного или торгового капитала — совершенно не интересует потребительная ценность продукта: он «работает» при помощи наемных «рук» исключительно ради прибыли, его интересует лишь меновая ценность.

Отсюда ясно, что даже основного для политической экономии явления, явления ценности, нельзя объяснить, «вывести» из того общего всем векам и народам положения, что вещи могут удовлетворять какую-либо человеческую потребность. А последнее и есть «метод» австрийской школы¹⁾.

Итак, мы приходим к заключению, что австрийская школа, отвлекаясь от особенностей капитализма, стоит на совершенно ложном методологическом пути. Политическая экономия, которая хочет объяснить общественно-экономические отношения, т.-е. отношения между людьми, должна быть исторической наукой. «Поэтому» — как весьма метко и ядовито говорит Энгельс: «кто пожелает объединить одними законами экономику Огненной Земли и экономику современной Англии, тот, очевидно, не извлечет на свет божий ничего, кроме самых бавальных общих мест»²⁾. Под эти «общие места» можно подвести более или менее остроумный фундамент, но даже последнее обстоятельство не поможет объяснить заранее исключенные особенности капиталистического строя. Таким образом, то гипотетическое «хозяйство», которое «строит» Бем-Баверк и

¹⁾ Den Ausgangspunkt, die Grundlage des «Systems» bildet die Analyse der elementaren Erscheinungen des Gesamtgebietes: der ökonomischen Betätigung des Menschen in abstracto, abgesehen also von Besonderheiten der sozialen Beziehungen». (Emil Sax: «Das Wesen und die Aufgaben der Nationalökonomie», s. 68).

²⁾ Фридрих Энгельс: «Анти-Дюринг», пер. Яковенко, СПб. 1906, стр. 15. Нейсторический характер объективизма у «математиков» и «англо-американцев» приводит их к чисто механическому воззрению, где, в сущности, нет даже общества, а есть движущиеся вещи.

«законы» которого он исследует, оказывается настолько удаленным от нашей грешной действительности, что перестает быть с нею соизмеримым.

Это начинают отчасти сознавать и творцы нового направления. Так, например, Бем-Баверк в последнем издании своего сочинения о капитале пишет:

«В особенности охотно я хотел бы заполнить один пробел... речь идет об исследовании того, что означает и что в состоянии сделать влияние т.-н. «социальной категории» — силовые отношения, возникающие из социальных учреждений... Эта глава социальной экономики не написана еще удовлетворительным образом. Не написана она и сторонниками теории предельной полезности»¹⁾.

Впрочем, можно заранее предсказать, что эта «глава» сторонниками теории предельной полезности «удовлетворительно» написана быть не может, т. к. они рассматривают «социальное» не как органическую часть «чисто-экономического», а как вне экономики стоящую внешнюю величину.

В противовес Бему Штольцман, один из представителей «социально-органического метода», на которого мы часто ссылались, замечает (по поводу, разумеется, *своих* работ): «Объективизм... вступает в новую стадию, он делается не только социальным, он делается «историческим»; не остается более никакой пропасти между систематико-логическим и историко-реалистическим исследованием...»²⁾. Однако, эта задача соединения абстрактного метода классиков с «объективизмом» и «историчностью» была решена — и при том без всяких

1) «Insbesondere hätte ich gerne eine Lücke ausgefüllt... es handelt sich um die Untersuchung, was die Einflüsse der sogenannten «Sozialen Kategorie», was die aus den sozialen Einrichtungen stammenden Macht und Gewaltverhältnisse, bedeuten und vermögen... Dieses Kapitel der Sozialökonomie ist noch nicht befriedigend geschrieben worden... Auch von der Grenzwerttheorie nicht». (Vorwort zur dritten Auflage des «Kapitales», II, s. XVI—XVII).

2) «Der «Objektivismus» tritt damit in ein neues Stadium, er wird nicht nur sozial, er wird «historisch»; es bleibt keine Kluft mehr zwischen der systematisch logischen und der historisch-realistischen Forschung, das Arbeitsfeld wird für beide gemeinsam, sie haben beide die Erkenntnis der geschichtlichen Wirklichkeit zum Gegenstande» (R. Stolzmann, l. c., Vorwort, s. 2). Ср. с этим B. Liefmann, l. c., s. 5: «die sogenannte soziale Betrachtungsweise... schon vor einem halben Jahrhundert von Karl Marx... angewandt worden ist». Тут же Лифман совершенно справедливо отмечает особенности марксова метода.

этических благоглупостей — задолго до Штольцимана Карлом Марксом.

Таким образом, и здесь впереди всех идет «устаревшая» теория пролетариата¹⁾.

3. Точка зрения производства и точка зрения потребления.

«Первая теоретическая разработка современного способа производства» — писал Маркс — «необходимо исходила из поверхностных явлений процесса обращения.. Действительная наука современной политической экономии начинается лишь с того времени, когда теоретическое исследование переходит от процесса обращения к процессу производства: ²⁾. Наоборот, Бем и вся австрийская школа ставит во главу угла анализ потребления.

В то время как Маркс рассматривает общество, прежде всего, как «производственный организм», хозяйство — как «производственный процесс» ³⁾, у Бем-Баверка производство

¹⁾ Штольциман видит необходимость в рассматривании «социальных явлений, как социально-этических. При этом он путает этику, как совокупность норм, с точки зрения которых рассматривается экономическая действительность, и этику, как факт, стоящий в связи с фактом экономических явлений. В первом случае говорить о политической экономии, как об этической науке, значило бы превращать науку в рецепты и не более; во втором случае, если действовать по образцу Штольцимана, можно было бы говорить о политической экономии, как и о филологической науке, на том «достаточном основании», что явление языка тоже стоит в связи с экономической жизнью. До каких колоссальных пошлостей может доходить «этика» господ «критиков», видно хотя бы из следующей выписки:..., «Заработная плата означает моральную величину» («der Lohn bedeutet eine moralische Grösse»), курсив автора, стр. 198. Она определяется не только обычаем и правовым институтом, «но также голосом совести и внутренним принуждением, т.е. императивом сердца»: («sondern auch durch die Stimme des Gewissens und den Zwang von innen; d. h. durch den eigenen Imperativ des Herzens», s. 198). И такие кисло-сладкие рассуждения встречаются довольно часто (ср. стр. 199, 201 и т.д.). «Практический разум» г. Штольцимана предлагает ему спасти людей от объятий социализма (см. стр. 17). Для сего он не прочь пуститься в демагогию: «конечно», пишет он о марксистах: «много проще и менее ответственно ограничиваться дискредитированием существующего и, давая камни вместо хлеба, утешать голодающих будущим переворотом... Но рабочий не захочет ядать» и проч. Эта чепуха продиктована нашему тайному советнику, очевидно, тоже «императивом сердца». Поскольку Штольциман представляет интересное явление, он связан с теорией и методом Маркса. Его же не в меру разбухшая этика способна прельщать лишь г. Булгаковых, Франков и Туган-Барановских.

²⁾ К. Маркс: «Капитал», т. III, ч. I, стр. 313.

³⁾ К. Маркс: «Капитал», т. II, стр. 88 и 89.

отступает на задний план, и на первое место выдвигается анализ потребления, потребностей и желаний хозяйствующего субъекта¹⁾. А раз это так, то не мудрено, что исходным пунктом этого анализа являются не хозяйственные блага, как продукты, а (a priori) данное их количество, их «запас», неизвестно откуда взявшийся. Этим, в свою очередь, совершенно предопределяется и все учение о ценности, как центральный пункт теоретической системы. Если заранее устранен производственный фактор, то ясно, что должна быть построена «внепроизводственная» теория ценности. В связи с этим стоит и оригинальное приложение метода «изолирующей абстракции»: так, Бем-Баверк при анализе ценности заставляет своих Робинзонов не производить блага, а терять или «лишаться» их; при этом самая возможность производства или воспроизводства рассматривается лишь, как «осложняющий момент», а не как такое явление, которое подлежит анализу в первую голову²⁾. Вполне логично, что основным понятием австрийской школы является «полезность», из которой выводится и понятие субъективной, а затем и объективной ценности. Понятие полезности отнюдь не предполагает никаких «трудовых затрат», никакого производства; оно выражает не активное, а чисто пассивное отношение к вещам, не «предметную деятельность»,

1) То же у Джевонса: „Political Economy must be founded upon a full and accurate investigation of the conditions of utility; and, to understand this element, we must necessarily examine the character of the wants and desires of men. We, first of all, need a theory of the consumption of wealth“ (The theory of politic. economy, London and New-York, 1871, p. 46—подчеркнуто нами Н. Б.). У L. Walras (Etudes d'écon. sociale, p. 51) к чистой экономике относится лишь рассмотрение «de la richesse», тогда как анализ производства составляет уже область прикладной экономики (économie politique appliquée); у Carver'a еще большее приближение к производственной точке зрения, здесь он солидаризируется с Marschall'ом: «In other words, economic activities, rather than economic goods, form the subject-matter of the science» (XI). В другом месте того же сочинения «The distribution of wealth» он располагает эти «activities» в таком порядке, «производство» (production), потребление (consumption), оценка (valuation). У приведенных авторов мы видим разные оттенки, причем по отношению к Бем-Баверку с одной стороны, Марксу—с другой, эти оттенки являются эклектизмом.

2) Прав поэтому Каутский, когда он говорит, что австрийская школа «улучшает робинзонады XVIII столетия тем, что ее Робинзон не производит путем труда своих предметов потребления, а находит их упавшими с неба (L. Bonidin, I. c. Vorwort von Kautsky, s. X) знаменитые уравнения обмена Леона Вальраса целиком берут этот пункт. Ср. „L. Walras“: Principe d'une théorie mathématique de l'échange, p. 9. „Etant données les quantités des marchandises, formuler le système d'équation dont les prix des marchandises sont les racines“, так формулирует он свою задачу. Производства здесь, как видит читатель, тоже нет.

а отношение к неизменному данному. Поэтому понятие полезности с успехом может функционировать в примерах, где действующими лицами являются «потерпевшие крушение», «близорукие» на необитаемом острове, голодающие «путники» и прочие порождения профессорской фантазии.

Однако, ясно, что такая точка зрения заранее исключает какую бы то ни было возможность понять общественные явления в их развитии. Последнее имеет своим двигателем рост производительных сил, рост производительности общественного труда, расширение производительных функций человеческого общества. Без потребления нет производства — это несомненно: потребности всегда являются движущим мотивом хозяйственной деятельности. Но, с другой стороны, производство самым решительным образом влияет на потребление. Маркс различает троякого рода влияние: во-первых, поскольку производство создает *материал* для потребления; во вторых, поскольку оно определяет его *вид*, его качественный характер (*Weise*); и, наконец, в третьих, поскольку оно создает *новые потребности*¹⁾.

Так представляется дело, если мы рассматриваем соотношение между производством и потреблением вообще, т.е. вне зависимости от исторически определенной структуры. Если же мы будем рассматривать капитализм, то сюда присоединится еще один важный момент. А именно, говоря словами Маркса, «общественная потребность, т.е. то, что регулирует принцип спроса, существенно обуславливается отношением различных классов друг к другу и их взаимным экономическим положением, а, следовательно, во-первых, отношением всей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которую распадается прибавочная стоимость (прибыль, процент, земельная рента, налоги и т.п.)²⁾. Это же отношение классов друг к другу, в свою очередь, формируется и изменяется под влиянием роста производительных сил».

Итак, прежде всего: *динамика потребностей обуславливается динамикой производства*. Отсюда вытекает: во-первых,

¹⁾ „Die Produktion produziert die Konsumtion... 1. indem sie ihr das Material schafft, 2. indem sie die Weise der Konsumtion bestimmt; 3. indem sie die erst von ihr als Gegenstand gesetzten Produkte als Bedürfnis im Konsumenten erregt“. (K. Marx: „Einleitung“ etc., s. XXV).

²⁾ Маркс. „Капитал“, т. III, ч. I, стр. 156—157.

что при анализе динамики потребностей необходимо исходить из динамики производства; во-вторых, что данное количество продукта, предполагающее статику в области производства, предполагает и статику в области потребления, т. е. статику во всем комплексе экономической—а, следовательно, и всякой другой—жизни¹⁾.

Маркс поставил во главу угла именно «развитие производительных сил»: ведь, целью всей гигантской теоретической работы, которую произвел Маркс, было, по его же собственным словам, «открыть экономический закон движения современного общества»²⁾. Но открыть «закон движения» там, где нет никакого движения, где предполагается данным «упавшее с неба» количество продуктов, довольно мулрено³⁾. Поэтому можно заранее ожидать, что точка зрения потребления, лежащая в основе построения австрийцев, найдет себе выражение в бесплодии теории во всех тех вопросах, которые касаются общественной динамики, т. е. самых важных вопросов, разрабатываемых политической экономией. «Как развивается техника в капиталистическом обществе, откуда происходит капиталистическая прибыль,—все эти вопросы они (т. е. представители австрийской школы Н. Б.) не в состоянии правильно поставить, не говоря уже о том, чтобы разрешить»⁴⁾.

Любопытны в этом отношении те признания, которые сделал один из горячих сторонников теории предельной полезности. Иосиф Шумпетер. Он имел мужество открыто заявить, что во всех случаях, где речь идет о развитии, австрийская школа не может сказать *ничего*.

¹⁾ По Марксу, производство есть „der wirkliche Ausgangspunkt und darum auch das übergreifende Moment“. („Einleitung“, s. XXVII). Здесь ясна связь экономической теории Маркса и его социологической теории (к сведению тех, кто считает возможным „соглашаться“ с одной стороной учения и „не соглашаться“ с другой).

²⁾ Маркс: „Капитал“, т. I, стр. VII, пер. Струве (2 изд.).

³⁾ Г. Франк не понимает, почему труд выделяется из остальных „условий производства“: „Вечной необходимостью для человека“ служит, ведь, и, на опр., обладание землей, и известная форма распределения продуктов и т. д. Почему, именно, труд должен служить конститутивным признаком экономических явлений,—это остается совершенно не доказанным. („Теория ценности Маркса и ее значение“, стр. 47—148). Формы распределения—величина производная от „способа производства“; что же касается земли и проч., что в данном случае гораздо важнее—то из статического момента „обладания землей“ невозможно объяснить никаких изменений, никакой динамики.

⁴⁾ G. Charasoff: „Das System des Marxismus“, Berlin. 1910. S. XIX: Wie sich die Technik in einer kapitalistischen Gesellschaft entwickelt,

«... Наша статическая система» — пишет он — «объясняет не все хозяйственные явления, (она не объясняет), например, процента и предпринимательской прибыли»...¹⁾.

«... Наша теория, поскольку она солидно обоснована, отказывается от объяснения важнейших явлений современной жизни»²⁾.

Она не годится по отношению ко всякому (курс автора Н. Б.) явлению, которое... можно понять только с точки зрения развития. Сюда принадлежат проблемы образования капитала и другие, в особенности проблема экономического прогресса и кризисов»³⁾.

Таким образом, оказывается, что новейшая теория буржуазных «геллертеров» пасует перед самыми коренными вопросами, задаваемыми современностью. Гигантское и стремительное накопление капиталов, их концентрация и централизация, неизменно быстрый технический прогресс, наконец, специфическое капиталистическое явление — цикличность промышленных кризисов, до основания потрясающих всю общественно-хозяйственную систему, — все это, по признанию Шумпетера, — «книга за семью печатами». И как раз в этой области, где отказывается работать мысль ученого буржуа, теория Маркса сделала особенно много, настолько много, что искалеченные части марксова учения у свирепых врагов марксизма часто считаются последним словом премудрости⁴⁾.

4. Итоги.

Мы разобрали 3 неправильных исходных пункта австрийской школы: ее субъективизм, неисторичность и точку зрения

woher der kapitalistische Profit stammt — all diese grundlegenden Fragen sind sie nicht in stande, richtig zu stellen, geschweige denn zu lösen". Упомянутые «уравнения обмена» Вальраса статичны. То же у Vilfredo Pareto, Cours d'Economie politique, tome I, Lausanne, 1896, p. 10

¹⁾ Josef Schumpeter: „Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie". Leipzig 1908, s. 564: „Sodann sehen wir, dass unser statisches System bei weitem nicht alle wirtschaftlichen Erscheinungen erklärt, nicht z. B. Zins u. Unternehmerrgewinn».

²⁾ ... unsere Theorie, soweit sie fest begründet ist, den wichtigsten Erscheinungen des modernen Wirtschaftslebens versagt" (ibid., s. 578).

³⁾ Weiter versagt sie jeder Erscheinung gegenüber, welche sich... nur vom Standpunkt der Entwicklung verstehen lässt. Dahin gehören die Probleme der Kapitalbildung und andere, so besonders das des ökonomischen Fortschritts und der Krisen". (ibid. 587).

⁴⁾ Так обстоит дело с г. Туганом-Барановским, который является авторитетом в области теории кризисов.

потребления. Эти три логические черты, которые связаны с тремя основными психологическими чертами буржуа—рантье, влекут с неизбежностью три основных недостатка теории австрийской школы, постоянно повторяющихся в различных частях общей теоретической «системы»: порочные круги, которые связаны с субъективным методом; неумение объяснить специфически-исторические формы капитализма, которое вытекает из неисторической точки зрения и, наконец, полное банкротство во всех вопросах экономического развития, банкротство, которое необходимо связано с точкой зрения потребления. Не нужно думать, однако, что все эти „мотивы“ действуют независимо друг от друга: как психические, точно так же и логические комплексы являются величинами сложными, где различные элементы переплетаются друг с другом, и где их действие выступает в усиленном или ослабленном виде в зависимости от других сопутствующих элементов.

Поэтому каждая из конкретных ошибок, которые обнаружатся при дальнейшем детальном теоретическом анализе Бем-Баверка, сможет „опираться“ не на один, а сразу на несколько „мотивов“ мышления новых теоретиков рантье. Это не мешает, однако, тому, что из ряда переплетающихся моментов мы выделяем три основных, к сочетаниям которых сводится бесчисленное множество „промахов“ Бема, ясно показывающих полную неспособность буржуазии „конца века“ к теоретическому мышлению.

ГЛАВА II.

Теория ценности.

1. Значение проблемы ценности. 2. Ценность субъективная и объективная; определения. 3. Полезность и ценность. 4. Величина ценности. Единица оценки.

1. Значение проблемы ценности.

Основным вопросом политической экономии, начиная с самого ее возникновения и до последнего времени, был и есть вопрос о ценности. Все остальные вопросы—о заработной плате, о капитале и ренте, о накоплении капиталов, о борьбе крупного и мелкого производства, о кризисах и т. д.—прямо или косвенно связаны с этим коренным вопросом.

„Учение о ценности стоит, так сказать, в центре всей политико-экономической доктрины“—совершенно справедливо говорит Бем-Баверк¹⁾. Это и понятно. Для товарного производства вообще и товарно-капиталистического производства, детищем которого является политическая экономия, в частности, основной, всеохватывающей категорией служит цена; а, следовательно, и ее норма—ценность. Товарные цены регулируют распределение производительных сил капиталистического общества, а форма обмена, предполагающая категорию цены, является формой распределения общественного продукта между различными классами.

Движение цен приспособляет предложение товаров к спросу на них, путем повышения или понижения нормы прибыли, в зависимости от чего капиталы переливаются из одной отрасли производства в другую; низкие цены—орудие, которым капитализм прокладывает дорогу и, в конце-концов, завоевывает

¹⁾ Бем-Баверк: „Основы теории ценности хозяйствен. благ“, стр. 13.

мир; низкими ценами капитал вытесняет ремесло, а крупное производство одерживает победу над мелким.

В форме покупки рабочей силы, то-есть в форме ценностного отношения, совершается договор между капиталистом и рабочим — предварительное условие обогащения капиталиста. Прибыль, т. е. денежное, ценностное, а отнюдь не „натуральное“ выражение прибавочного продукта, является движущим мотивом современного общества, и именно на этом основан весь процесс накопления капитала, который разрушает старые формы хозяйственной жизни и в своем развитии резко отличается от них, как совершенно своеобразная историческая фаза хозяйственной эволюции, и т. д., и т. д. Поэтому вопрос о ценности привлекал и привлекает к себе внимание теоретиков — экономистов гораздо более, чем всякий другой вопрос из области политической экономии: Смит, Рикардо, Маркс — клали в основу своих исследований анализ ценности ¹⁾. Учение о ценности сделала краеугольным камнем своей доктрины и австрийская школа; поскольку она, с одной стороны, выступала против классиков и Маркса, с другой — создавала свою собственную теоретическую систему, она занималась, главным образом, вопросом о ценности.

И вот, несмотря на то, что еще Милль считал учение о ценности в основном уже законченным ²⁾, оно стоит, действительно, в центре современных теоретических дискуссий. В противоположность Миллю, Бем-Баверк считает, что учение о ценности „было и оставалось одним из самых неясных, самых запутанных и всего менее разработанных отделов эконо-

1) „Bei einem Gesellschaftszustande... wo das System der Erwerbstätigkeit gänzlich auf Kaufen und Verkaufen beruht... ist die Frage vom Werte fundamental. Fast jede Ansicht in Bezug auf die commerciellen Interessen einer so constituirten Gesellschaft schliesst irgend eine Theorie des Wertes in sich; der geringste Irrtum in dieser Beziehung verbreitet den entsprechenden Irrtum über alle unsere anderen Schlussfolgerungen.“ (I. Stuart Mill: „Grundsätze der politischen Oekonomie“, übers. v. Soetbeer. III. Ausg. 1869. II. Band, s. 10). Правда, за последнее время стали, с легкой руки г. Струве, раздаваться голоса, что проблема ценности вовсе не связана с проблемой распределения, которую Рикардо, напр., считал основной проблемой всей политической экономии (см. „Начала политич. экон.“, пер. Рязанова, стр. 2). Такого взгляда держится и г. Туган-Барановский. Но его „теория распределения“ есть сплошной аргумент против этого „исшествия“. У г. Струве вопрос поставлен в логически более чистой форме, которая приводит к невозможности построить теорию распределения. То же у г. Шапошникова (см. его: „Теорию ценности и распределения“, М. 1912, стр. 11).

2) I. St. Mill, I. c., s. 100.

номической науки¹⁾; однако, он надеется, что исследования австрийской школы положат конец такому состоянию науки, ибо „внесена, наконец, в хаотическое брожение идей творческая мысль, от плодотворного развития которой следует ожидать полного и окончательного разъяснения вопроса о ценности“²⁾.

В дальнейшем мы постараемся дать должную оценку этой „творческой мысли“; предварительно же мы заметим следующее. Очень часто критики австрийской школы указывают на то, что она „смешивает“ ценность и потребительную ценность, что ее учение относится скорее к психологии, чем к политической экономии и т. д. Все это по существу верно. Однако, нам кажется, что таких заявлений отнюдь не достаточно: необходимо стать на точку зрения авторов критикуемой теории, понять всю систему в ее внутренней связи, а затем уже показать ее противоречивость, ее несостоятельность, вытекающую из *основных* ошибок. Существует, например, масса различных определений ценности. Определение Бем-Баверка будет самым резким образом отличаться от определения, скажем, Маркса. Но нельзя ограничиться указанием, что Бем-Баверк говорит не о том, о чем следует. Нужно показать, *почему* требуется говорить не об этом—во-первых. А во-вторых, нужно показать, что принятые критикуемой теорией предпосылки или приводят к противоречивым конструкциям, или просто не объясняют, не охватывают ряда важных экономических явлений.

Но где же в таком случае опорный пункт критики? Ведь, если само понятие ценности совершенно разнородно у различных направлений, т.-е. если ценность Маркса не имеет никаких общих точек соприкосновения с ценностью Бем-Баверка, то как же возможна критика вообще? Здесь нас выручает следующее обстоятельство. Как ни разнообразны, даже подчас противоположны, определения ценности, все же у *всех* есть нечто общее. Этим общим является то, что *ценность мыслится, как норма обмена*, что понятие ценности служит нам для объяснения *цен*³⁾. Правда, объ-

¹⁾ Бем-Баверк, „Основы“ стр. 13.

²⁾ Ibidem, 14.

³⁾ Единственное исключение—теория ценности г. *Отруае*, который сводит ценность к вычисленной статистической средней цен. Но это, в сущности, уничтожение *всей теории*. С своей стороны г. *Булга-*

яснением одних лишь цен дело не ограничивается, или, вернее, не должно ограничиваться, но все же непосредственно теория ценности служит основанием для теории цен. Если данное учение о ценности разрешает вопрос о ценах без внутренних противоречий, оно является правильным: если этого нет, оно должно быть отвергнуто.

Исходя из этих соображений, мы и приступим к критике Бем-Баверка. В предыдущей главе мы видели, что цены, согласно Бему, суть результаты индивидуальных оценок. Соответственно этому все «учение» распадается на две части: первая изучает законы образования индивидуальных оценок — «теория субъективной ценности»; вторая — законы образования их равнодействующей — «теория объективной ценности».

2. Ценность субъективная и объективная. Определения.

Мы знаем, что, согласно воззрениям субъективной школы, основу социально-экономических явлений следует искать в явлениях индивидуальной психологии; по отношению к цене это выразится в том, что анализ цены должен быть сведен к анализу индивидуальных оценок. Если сравнить постановку вопроса о ценности у Бема с постановкой того же вопроса у Маркса, то сразу видна принципиальная разница: у Маркса понятие ценности является выражением общественной связи между двумя общественными явлениями, производительностью труда и ценами, при чем эта связь в капиталистическом обществе (в противоположность простому товарному хозяйству) представляется сложной связью;¹⁾ у Бема понятие ценности служит выражением связи между общественным явлением цены и индивидуально-психологическим явлением единичной оценки.

ков в „Философии хозяйства“ упрекает Маркса в том, что вопрос о труде и его роли переносится последним „с принципиальной высоты в меркантильную практику, на рынок“ (106). Эта псевдо-принципиальность — обратная сторона вульгарности. Тот же „критик“ пишет: „Полезно-ли... общая теория капиталистического хозяйства? Я думаю, что да... Но можно ли признать такую же полезность разных теорий ценности, прибыли, капитала?... Я думаю что нет...“ (289). Глубокомысленный профессор предполагает, что возможна общая теория капитализма без теории ценности, прибыли, капитала“.

¹⁾ Мы разумеем здесь то явление, что цены не совпадают с ценностью и даже непосредственно не колеблются около ценности, а тяготеют к так называемым „производственным ценам“.

Эта единичная оценка предполагает оценивающего субъекта и оцениваемый объект; результат соотношения между ними и есть субъективная ценность австрийской школы. Субъективная ценность не есть, таким образом, какое-либо свойство вещи: это лишь определенное психическое состояние оценивающего субъекта; если же говорить о вещи, то это будет значение ее для данного лица. Итак, *„ценностью в субъективном смысле мы называем то значение, какое имеет известное материальное благо или совокупность известного рода материальных благ для благополучия субъекта“*¹⁾. Таково определение субъективной ценности.

Нечто иное представляет из себя объективная ценность Бем-Баверка. *«Ценностью в объективном смысле»,* говорит он: *«мы называем... способность вещи давать какой-нибудь объективный результат. В этом смысле существует столько же видов ценности, сколько существует внешних эффектов, на которые мы хотим указать. Существует питательная ценность различных блюд, удобрительная ценность различных удобрительных веществ, взрывчатая ценность взрывчатых веществ, отопительная ценность дров и угля и т. д. Во всех подобных выражениях из понятия, ценность изгоняется всякое представление о том, какое значение имеет она для счастья или несчастья субъекта»*²⁾. К подобного же рода нейтральным по отношению к «счастью или несчастью субъекта» объективным ценностям Бем-Баверк относит объективные ценности, носящие экономический характер: «меновую ценность», «доходную ценность», «ценность производства», «наемную ценность» и проч. Из них наиболее крупное значение имеет объективная меновая ценность. «Под меновой ценностью разумеется объективное

¹⁾ Бем-Баверк: „Основы“, стр. 7. То же у К. Менгера: „Der Wert ist... nichts den Gütern Anhaftendes, keine Eigenschaft derselben, sondern vielmehr lediglich jene Bedeutung, welche wir zunächst der Befriedigung unserer Bedürfnisse beziehungsweise unserem Leben und unserer Wohlfahrt beilegen und in weiterer Folge auf die ökonomischen Güter, als die ausschliessenden Ursachen derselben, übertragen.“ („Grundsätze der Volkswirtschaftslehre“, Wien, 1871, s. 81, Fussnote). — „Der Wert... ist ein Urtheil“ (ibid., s. 86). Ср. Wiesner, „Ursprung des Wertes“, s. 79: „Ценность есть человеческий интерес, мыслимый, как состояние внешнего предмета“.

²⁾ Бем-Баверк: „Основы“, стр. 8. (Ср. также Böhm-Bawerk: „Kapital und Kapitalzins“, II, III Auflage, Innsbruck, 1909, s. 214). Последний курсива принадлежит нам.

значение материальных благ в сфере обмена, или, другими словами, когда говорят о меновой ценности материальных благ, то имеют в виду возможность получить в обмен на них известное количество других материальных благ, при чем эта возможность рассматривается, как сила или свойство, присущие самим материальным благам¹⁾. Таково понятие объективной меновой ценности.

Последнее определение несостоятельно и по существу, и даже с точки зрения последовательно проведенного взгляда самого Бем-Баверка. В самом деле, меновая ценность товара, как его „объективное свойство“, ставится здесь на одну доску с физико-химическими свойствами товарных тел; другими словами, „полезный эффект“ в техническом смысле слова отождествляется с экономическим понятием меновой ценности. Это — точка зрения грубого товарного фетишизма, который является отличительным признаком вульгарной политической экономии, ибо в действительности „товарная форма и отношение ценности продуктов, в котором она проявляется, не имеют абсолютно ничего общего с их физической природой и вытекающими из нее вещными отношениями“²⁾. С точки зрения самого Бем-Баверка нельзя, в сущности, утверждать того, что он утверждает. Если объективная ценность есть результат субъективных оценок, то она не может быть поставлена на одну доску с физико-химическими свойствами вещей; наоборот, она принципиально отлична от последних: в ней не может быть „ни атома материи“, ибо она происходит и складывается из нематериальных элементов, каковыми являются индивидуальные оценки различных „хозяйствующих субъектов“. Как это ни странно, но здесь приходится констатировать, что чистый „психологизм“, который так характерен для австрийской школы и для Бем-Баверка, может уживаться с вульгарным ультра-материалистическим фетишизмом, взглядом по существу дела совершенно наивным и некритическим. Протестуя против понимания субъективной ценности, как чего-то присущего вещи самой по себе, вне зависимости от оценивающего субъекта, Бем-Баверк, при опре-

¹⁾ Ibid. стр. 9. Иная терминология у К. Менгера. См. его „Grundsätze“, ss. 214—215.

²⁾ К. Маркс: „Капитал“, т. I, стр. 29, пер. Струве.

делении объективной ценности, приравнивает последнюю к нейтральным по отношению к „счастью или несчастью субъекта“ техническим свойствам вещей, совершенно позабывая, что в таком случае не может быть той генетической связи между субъективной и объективной ценностью, какая предполагается его же собственной теорией¹⁾.

Итак, перед нами две категории ценности; из них первая является величиной основной, вторая — производной. Поэтому нам придется прежде всего заняться разбором теории субъективной ценности. Эта часть теории к тому же является именно той ее частью, где были сделаны наиболее оригинальные попытки обосновать учение о ценности на новом базисе.

3. Полезность и ценность (субъективная).

Для австрийской школы «руководящим понятием является полезность»²⁾; в то время, как у Маркса полезность является лишь условием для возникновения ценности и не играет никакой роли в образовании той или иной величины ее, у Бем-Баверка ценность *выводится* из полезности, служит ее непосредственным проявлением³⁾.

¹⁾ По поводу этого *Neumann* замечает: „ob in Analogie zum Kauf- und zum Ertragswerte in unserer Wissenschaft auch von *Heiz-Nähr-Ding Wert* etc. gesprochen werden darf, ist strittig“. („Wirtschaftliche Grundbegriffe“. Handbuch der Pol. Oeck., hg. von Schönberg, IV Aufl. I. Band, s. 169). Решительнее выражается *J. Lehr*; он протестует против такого смешения и говорит, что политическая экономия не должна „aus dem Auge verlieren, dass der Wert immer für und durch den Menschen existiert“. (Conrads „Jahrbucher für Nationalökonomie und Statistik, N. F. 19. Band, 1899. S. 22). Ср. также *H. Dietzel*: „Theoretische Sozialökonomik“, ss. 213, 214. Среди буржуазных ученых и их подголосков считается признаком хорошего тона указывать, что *Маркс* в своей теории ценности соорудил грубую механически-материалистическую стряпню. Однако, есть материализм и материализм. Материализм Маркса, поскольку он проявляется в его экономической системе, не только не приводит к товарному фетишизму, но, наоборот, делает впервые возможным его преодоление. В частности, ценность у Маркса есть одна из „получивших общественное признание и, след., объективных мыслительных форм данного способа производства“ („Капитал“, I, 32). Но, объективный²⁾ здесь отнюдь не значит „физический“: это такая же физическая вещь, как, напр., язык. Ср. стр. 30 I тома „Капитала“; также *Stolzmann*: „Der Zweck“... S. 58.

²⁾ *W. Sombart*, „Zur Kritik des ökonomischen Systems von K. Marx“, *Baum's Archiv*, B. VII, S. 592.

³⁾ На этом основании многие эклектики считают, что теория классов и Маркса отнюдь „не противоречит“, а „лишь дополняет“ теорию австрийцев. Ср., напр. *Dietzel*: „Theoretische Sozialökonomik“, Leipzig, 1895. S. 23) Эти господа не понимают даже того, что у Маркса.

Бем-Баверк различает, однако, (по его мнению, в противоположность старой терминологии, для которой полезность и потребительная ценность якобы всегда были синонимами) полезность вообще и ценность, которая является, так сказать, квалифицированной полезностью. «Отношение к человеческому благополучию», говорит Бем-Баверк, может выражаться в двух существенно различных формах. Нисшую форму мы имеем тогда, когда данная вещь обладает вообще способностью служить для человеческого благополучия. Напротив, для высшей формы требуется, чтобы данная вещь являлась не только причиной, но вместе с тем и необходимым условием человеческого благополучия... Нисшая форма называется полезностью, высшая — ценностью»¹⁾.

Это различие иллюстрируется двумя примерами: в первом — перед нами «человек», сидящий «у обильного источника пригодной для питья воды»; во втором — «другой человек, который путешествует по пустыне». Ясно, что стакан воды будет иметь различное «значение для благополучия». В первом случае он отнюдь не является «необходимым условием», во втором же случае полезность выступает в своей «высшей» форме, так как потеря каждого стакана из запаса нашего путника может отразиться на нем весьма внушительно.

Отсюда вытекает такая формулировка относительно «происхождения ценности». «Ценность приобретают материальные блага тогда, когда имеющийся налицо запас материальных благ этого рода оказывается настолько незначительным, что для удовлетворения соответствующих потребностей его или не хватает вовсе, или же хватает в обрез, так что, если

нет, вообще, понятия, аналогичного субъективной ценности австрийцев. (Об этом см. превосходную брошюру тов. R. Hilferding'a: „Böhm-Bawerk—Marx-Kritik“, Wien 1904, S. 52, 53 и *passim*.) Особенно забавен г. Туган-Барановский, который в своих „Основах“ устанавливает закон пропорциональности между трудовой стоимостью, которая имеет смысл только по отношению ко всему обществу, и абсолютно неприемлима к отдельному хозяйству, и предельную полезностью, которая, наоборот, „пригодна“ для оценок индивидуума и лишена (даже с точки зрения Бема) смысла по отношению к „народному хозяйству“.

¹⁾ Бем-Баверк: „Основы“, стр. 15. Это положение особенно важно для австрийцев. Ihr (т. е. теории пред. полезности) Eckstein ist die Unterscheidung zwischen Nützlichkeit im Allgemeinen und demjenigen ganz bestimmten, konkreten Nutzen, der in einer gegebenen wirtschaftlichen Sachlage von der Verfügung über das zu schätzende bestimmte Gut abhängt“. (Böhm-Bawerk, „Der letzte Maasstab des Güterwertes“, Zeitschrift für Volksw., Soz.-pol. u. Verw. III, S. 187).

отбросить ту часть материальных благ, об оценке, которой именно и идет дело в том или ином случае, то известная сумма потребностей должна будет оставаться без удовлетворения»¹⁾.

Итак, в основу анализа товарных цен—ибо всякая теория ценности служит ближайшим образом для объяснения цен—кладется «квалифицированная полезность» благ, то-есть, как раз то, что Маркс исключает из своего анализа, как не относящуюся к делу величину.

Рассмотрим этот вопрос ближе. Мы не должны забывать, что поле зрения австрийской школы—это мотивы хозяйствующ-

¹⁾ Бэм-Басерк: „Основы“... стр. 22. „Все блага имеют полезность, но не все блага имеют ценность. Чтобы возникла ценность, к полезности должна присоединиться также и редкость (Seltenheit); не абсолютная, а относительная редкость по сравнению со спросом на блага данного рода“. (Böhm-Bawerk „Kapital“, II, s. 224). То же у Menger'a: „Ist nämlich der Bedarf an einem Gute grösser, als die verfügbare Quantität desselben, so steht zugleich fest, dass, nachdem ein Theil der bezüglichen Bedürfnisse obnehin wird unbefriedigt bleiben müssen, die verfügbare Quantität des in Rede stehenden Gutes um keine irgendwie praktisch beachtenswerthe Theilquantität verringert werden kann, ohne dass hiedurch irgend ein Bedürfniss, für welches bis dahin vorgesorgt war, nicht oder doch nur minder vollständig befriedigt werden könnte, als dies ohne den Eintritt der obigen Eventualität der Fall sein würde“. K. Menger: „Grundsätze“, s. 77).

Творцы теории пред. полезностью никоим образом не имеют права утверждать, что это положение выдуманно ими. Уже у графа Верри (ср. Comte de Ferri: Economie politique etc., Paris, An. VIII); мы находим его, правда, в объективированной форме „Quels sont donc les éléments qui constituent le prix? Il n'est certainement point basé sur la seule utilité. Pour nous en convaincre, il suffit de réfléchir que l'eau, l'air, et la lumière du soleil n'ont aucun prix, et cependant y a-t-il rien de plus utile et de plus nécessaire?... donc l'utilité simple et pure d'une chose ne suffit pas pour lui en donner. Néanmoins la seule rareté lui en donne“ (14). „Deux principe reünis constituent le prix des choses: le besoin et la rareté“ (15). То же у Condillac'a (Le Commerce et le gouvernement etc. Paris, an III, т. I, 1795 г.). Но Кондильяк ставит вопрос в субъективной формулировке: «nous estimons», «nous jugeons»; cette *estime* est ce que nous appelons *valeur*» и т. д.). «La valeur des choses croit donc dans la rareté et diminue dans l'abondance. Elle peut, même dans l'abondance diminuer au point de devenir nulle». (p. p. 6, 7). У Вальраса—отца (M. Auguste Walras) De la nature de la richesse et de l'origine de la valeur. Paris 1831) элемент редкости связан с элементом собственности, что в свою очередь, поставлено в зависимость с обменоспособностью и ценностью (объективной) вещи (они «sont naturellement bornés dans leur quantité») Leon Walras (Principe d'une théorie mathématique de l'échange дает чрезвычайно резкую формулировку: Ce n'est donc pas l'utilité d'une chose qui en fait la valeur, c'est la rareté» (см. стр. 44, 149 и сл.). Vilfredo Pareto (Cours d'Econ. politique, tome I, Laus., 1896) вместо «utilité» вводит термин «орбелimité» (от греческого *οὐράνιος*) потому что «полезность» противоположна «вреду» и для полетач, экономия могут быть и «вредные полезности» (табак, алкоголь и т. д.).

ших субъектов в их «чистом», т.-е. наиболее простом виде. «Наша задача» — пишет сам Бем-Баверк — «и должна именно заключаться в том, чтобы отразить как бы в зеркале житейскую практику казуистических решений и возвести те правила, которыми инстинктивно с такой уверенностью владеет простой человек-практик, на степень столь же верных, но уже вместе с тем и сознательных, научных принципов»¹⁾. Посмотрим, как отражает «житейскую практику» теоретическое «зеркало» главы новой школы.

Современный способ производства характеризуется, прежде всего, тем, что это есть производство на рынок; а не для собственного потребления. Он является коловым звеном цепи различных производственных форм, где развитие производительных сил и соответствующее ему развитие меновых отношений разрушили прежнюю натурально-хозяйственную систему и создали совершенно новые экономические явления. Можно различать три стадии этого процесса превращения натурального хозяйства в товарно-капиталистическое.

На первой стадии центр тяжести лежит в производстве на себя, на рынок поступают лишь «излишки продуктов»; эта стадия характерна для начальных форм развития меновых отношений. Постепенно рост производительных сил и обострение конкуренции приводит к перемещению центра тяжести в сферу производства на рынок. Внутри хозяйства потребляется лишь незначительная часть общего количества производимых продуктов (такого рода отношения часто приходится наблюдать теперь в земледелии, в области крестьянского хозяйства). Но процесс развития на этом не останавливается; общественное разделение труда прогрессирует и, наконец, достигает такого пункта, когда *типичным становится массовое производство на рынок; при чем внутри хозяйства производимые им продукты не потребляются совсем.*

Каковы же те изменения в мотивах хозяйствующих субъектов, в их «житейской практике», которые должны были происходить параллельно этому процессу?

Кратко на это можно ответить так: уменьшается значение субъективных оценок, основанных на полезности. Вначале

¹⁾ Бем-Баверк: «Основы» стр. 34.

„man stellt (um in heutiger Terminologie zu sprechen) noch keine Tauschwerte her (die rein quantitativ bestimmt sind), sondern ausschliesslich Gebrauchsgüter, also qualitativ unterschiedliche Dinge“ ¹⁾. Наоборот, на более поздних ступенях развития содятся пословица: „der gute Hausvater soll mehr bedacht sein auf den Profit und die lange Dauer der Sachen, als auf eine momentane Betriedigung und gegenwärtigen Nutzen“ ²⁾.

В самом деле. Натуральное хозяйство предполагает, что производимые им «блага» имеют для него потребительную ценность; на следующей стадии перестает иметь значение потребительная ценность «излишка»; дальше уже большая часть производимых продуктов не оценивается субъектом хозяйства по ее полезности, так как последняя для него не существует; наконец, на последней стадии весь производимый единичным хозяйством продукт не представляет внутри хозяйства никакой «полезности». Таким образом, типичным становится полное отсутствие основанных на полезности оценок благ со стороны производящих их хозяйств ³⁾. Но не нужно думать, что так обстоит дело лишь с продавцами. Не лучше обстоит оно и с покупателями. Это особенно ясно проявляется при анализе оценок торговцев. Ни один торговец, начиная с самого крупного оптовика и кончая самым мелким разносчиком, не думает вовсе о «полезности» или о «потребительной ценности» своих това-

¹⁾ W. Sombart: «Der Bourgeois», s. 19, («не производит—если говорить в теперешней терминологии — никаких денежных ценностей, которые определяются чисто количественно,—но исключительно потребительные блага, следовательно, качественно различные вещи»).

²⁾ Ibidem, 159. Курсив наш, («хороший домохозяин должен больше думать о прибыли и о длительности вещей, чем о моментальном удовлетворении и текущей полезности»).

³⁾ Это должен был признать, в конце-концов, и сам Бем-Баверк. В «Основах» он формулирует данное положение довольно своеобразно, а именно, он утверждает, что при разделении труда оценки продавцов «в большинстве случаев бывают крайне низки» (184, 185. Курсив наш). Ср. «Positive Theorie»: «Heutzutage finden.. die meisten Verkäufe durch berufsständische Produzenten und Händler statt, die von ihrer Ware einen für ihre persönlichen Bedürfnisse ganz unverwendbaren Ueberfluss besitzen. Infolge davon steht für sie der subjective Gebrauchswert ihrer eigenen Ware meistens ganz nahe an Null; dadurch sinkt weiter ihre Schätzungsziffer“... gleichfalls nahezu auf Null. („Kapital und Kapitalzins“. Band II.—Teil I, s. 405—406). Но и эта формулировка несправедлива, ибо оценка продавцов совершенно не базируется на полезности (она не «близка», а равна нулю) и лежит в совершенно иной плоскости.

ров. В его психике просто *нет* того материала, который тщетно старается разыскать Бем-Баверк. Несколько сложнее обстоит дело с покупателями, покупающими продукты потребления (о средствах производства речь будет еще впереди) для себя. Но и тут нельзя идти по пути, предложенному Бем-Баверком. Ибо каждая «хозяйка» в своей «практике» исходит от установившихся цен—с одной стороны и суммы имеющихся в распоряжении денег—с другой. Только в этих пределах может происходить известная расценка по полезности. Если за некоторое количество денег можно купить x тов. А. или y тов. В или z тов. С, то всякий отдаст предпочтение тому товару, который для него наиболее полезен. Но такая оценка предполагает рыночные *цены*. Далее. Оценка каждого данного товара опять-таки отнюдь не определяется его полезностью. Яркий пример—средства существования. Ни одна хозяйка, отправляющаяся на базар, не оценивает хлеба по бесконечно большой субъективной ценности; наоборот, ее оценка колеблется около установившейся уже на рынке *цены*; то же происходит и со всяким другим товаром.

Таким образом, изолированный человек Бем-Баверка (все равно, сидит ли он у ручья или путешествует «по скаленной пустыне») перестает быть, с точки зрения «хозяйственных мотивов», соизмеримым не только с капиталистом, предлагающим свои товары, или торговцем, покупающим для продажи, но и с простым покупателем, поставленным в условия товарно-денежного хозяйства, независимо от его функции в качестве капиталиста или торговца. А отсюда следует, что в *основу анализа цен нельзя положить понятие „потребительной ценности“* (Маркса) или *„субъективной потребительной ценности“* (Бем-Баверка). Точка зрения последнего самым резким образом противоречит действительности, объяснить которую Бем-Баверк берется.

Наш вывод, что в *основу анализа цен нельзя положить анализ потребительной ценности*, справедлив и по отношению к тому периоду товарного производства, когда на рынок сбывается не весь продукт, а «излишек продукта», так как речь идет не о ценности потребляемого в пределах хозяйства, а как раз о ценности этого «излишка»; цены образуются из оценок *товаров*, а не просто продуктов; субъективные же оценки потребляемого внутри хозяйства продукта не имеют

вления на образование товарных цен. Поскольку же продукт становится товаром, потребительная ценность перестает играть свою прежнюю роль¹⁾. „Что этот товар полезен для других, есть лишь предпосылка его обменоспособности, но потребительная ценность моего товара, как бесполезного для меня, отнюдь не является и *масштабом* моей индивидуальной оценки, не говоря уже о масштабе объективной величины ценности“²⁾.

С другой стороны, оценка продукта по его меновой ценности захватывает, при достаточно развитом обмене, даже ту часть продукта, которая входит в сферу потребления самого производителя. Как очень хорошо говорит В. Лексис, «в денежно-хозяйственной меновой системе вообще все блага рассматриваются и высчитываются, как *товары*, даже если они предназначены для собственного потребления производителя»³⁾.

Однако, потеря потребительной ценностью ее прежней роли проявляется особенно ярко при массовом производстве на рынках, когда *весь* продукт выбрасывается в сферу обращения, потому что здесь субъективная оценка по полезности самым видимым образом исчезает по отношению ко всему производимому данным хозяйством продукту.⁴⁾

Отсюда становится понятным стремление Бем-Баверка изобразить современную социально-хозяйственную организацию, как *неразвитое* товарное производство. „При господстве производства, основывающегося на разделении труда и обмене, в продажу поступает в большинстве случаев избыток продуктов“⁵⁾; при современной организации труда „каждый производитель производит лишь некоторые продукты, но производит их в количестве, превышающем его собственные потребности в них“⁶⁾. Так описывает Бем капиталистическое „народное

¹⁾ «... характерным для менового отношения товаров является именно его независимость от потребительных ценностей». (Р. Маркс: «Капитал», т. I, стр. 3, пер. Струве).

²⁾ „Dass diese Ware für andere nützlich, ist Voraussetzung für ihre Austauschbarkeit, aber als für mich nutzlos ist der Gebrauchswert meiner Ware kein *Maßstab* auch nur meiner individuellen Wertschätzung, geschweige für eine objektive Wertgrösse“. (R. Hilferding, Böhm-Bawerks *Marx-Kritik*, S. 5).

³⁾ W. Lexis: „Allgemeine Volkswirtschaftslehre“, 1910, S. 8: „Ueberhaupt werden in dem geldwirtschaftlichen Tauschsystem alle Güter als *Waren* angesehen und verrechnet, auch wenn sie für den eigenen Bedarf bestimmt sind“.

⁴⁾ Бем-Баверк; в. с., стр. 53.

⁵⁾ Ibidem, стр. 143.

хозяйство". Подобное описание не выдерживает, конечно, никакой критики; но оно снова всплывает у тех писателей, которые хотят построить теорию ценности на базисе полезности. О Беме поэтому можно слово в слово сказать то же самое, что сказал Маркс о Кондильяке: „Мы видим, что Кондильяк не только смешивает потребительную и меновую ценности, но поистине ребячески на место общества с развитым товарным производством подставляет такое общество, где производитель сам производит свои средства существования, а в обращение пускает только излишек над своим потреблением“¹⁾.

Итак, Маркс был вполне прав, отвергая потребительную ценность, как основу для анализа цен. Наоборот, одна из коренных ошибок австрийской школы лежит в том, что „руководящий принцип“ ее теории не имеет ничего общего с современной капиталистической действительностью²⁾. Это, как мы увидим ниже, не может не отразиться на всем дальнейшем построении.

1) К. Маркс: «Капитал», т. I, стр. 95. Остроумно высмеял эту теорию Лассаль. «Г. Борзиг, конечно, производит машины сперва для нужды своей собственной семьи, излишние машины он затем продает. Магазины, изготовляющие траурные платья, работают прежде всего на случай смерти кого-либо из домашних. Но так как эти случаи бывают чрезвычайно редки, то остаток траура они выменивают. Господин Вольф, владелец здешнего телеграфного бюро, получает телеграммы, главным образом, для своего личного удовольствия и поучения. Телеграммы, остающиеся лишними после того, как он ими достаточно наслаждался, он отдает биржевым волкам и газетным редакциям, которые в обмен на это, в свою очередь, снабжают его своими газетными корреспонденциями и акциями». *F. Lassalle: «Kapital und Arbeit»*. — У родоначальника «математиков» (L. Walras) исходным пунктом является тоже обмен излишков (*Principe d'une théorie mathématique etc.*).

2) В своем «Капитале» Бем-Баверк называет аргументацию Маркса в этом пункте «ложной». Здесь, по его мнению, «смешивают отвлеченные от какого-либо обстоятельства вообще с отвлечением от тех специфических форм, в которых выступает это обстоятельство» (*Е. Бем-Баверк: «Капитал и прибыль»*. «История и критика теорий процента на капитал», пер. под ред. Туган-Барановского. СПб. 1909 стр. 483). На это совершенно справедливо возражает *H. Hilferding*: «Wenn ich von der speziellen Modalität, unter der Gebrauchswert erscheinen mag, also vom Gebrauchswert in seiner Konkretheit, abstrahiere, habe ich für mich vom Gebrauchswert überhaupt abstrahiert... Es hilft nichts, zu sagen, der Gebrauchswert bestünde nun in der Fähigkeit dieser Ware gegen andere Waren ausgetauscht werden zu können. Denn das heisst, dass die Grösse des «Gebrauchswertes» jetzt gegeben ist durch die Grösse des Tauschwertes, nicht die Grösse des Tauschwertes durch die Grösse des Gebrauchswertes», (l. c. S. 5). Подробно об этом обстоятельстве ниже, при анализе «субституционной ценности».

4. Величина ценности. Единица оценки.

Чем же определяется величина субъективной ценности? Другими словами, от чего зависит та или иная высота индивидуальной оценки «блага»? В ответе на этот вопрос и заключается, главным образом, то «новое слово», которое было сказано представителями австрийской школы и ее «заграничными» сторонниками.

Так как полезность какой-нибудь вещи есть ее способность удовлетворять ту или иную потребность, то, естественно, необходим некоторый анализ потребностей. Здесь следует, согласно учению австрийской школы, иметь в виду, во-первых, *разнообразие* потребностей, во-вторых, *напряженность* потребностей в пределах *одного* какого-либо их вида. Различные потребности можно расположить по степени их возрастающей или убывающей важности для «благополучия субъекта»; с другой стороны, напряженность потребности определенного вида зависит от степени ее насыщения: чем более она удовлетворена, тем менее она «настоятельна»¹⁾.

На основании этих соображений и была построена Карлом Менгером знаменитая «скала потребностей», которая, в том или ином виде, фигурирует во всех сочинениях, касающихся вопроса о ценности с точки зрения новой школы. Приводим таблицу в том виде, в каком она имеется у Бем-Баверка.

¹⁾ В этом и состоит так называемый «закон Госсена». Последний формулирует его таким образом: «I. Die Grösse eines und desselben Genusses nimmt, wenn wir mit Bereitung des Genusses ununterbrochen fortfahren, fortwährend ab, bis zuletzt Sättigung eintritt.

II Eine ähnliche Abnahme der Grösse des Genusses tritt ein, wenn wir den früher bereiteten Genuss wiederholen, und nicht bloss, dass bei wiederholter Bereitung die ähnliche Abnahme eintritt, auch die Grösse des Genusses bei seinem Beginnen ist eine geringere, und die Dauer, während welcher etwas als Genuss empfunden wird, verkürzt sich bei der Wiederholung, es tritt früher Sättigung ein, und beides, anfängliche Grösse sowohl wie Dauer, vermindern sich um so mehr, je rascher die Wiederholung erfolgt» (Hermann Gossen: «Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs und der daraus fließenden Regeln für menschliches Handeln». Braunschweig. 1854. S. 5). По поводу этих законов Fr. Wieser говорит: «das gilt von allen Regungen, vom Hunger bis zur Liebe». («Der natürliche Wert». Wien. 1899. S. 9).

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10	.	.	.	.	.	.	.	.	.
9	9	.	.	.	.	.	.	.	.
8	8	8	.	.	.	.	.	.	.
7	7	7	7	.	.	.	.	.	.
6	6	6	6	6	.	.	.	.	.
5	5	5	5	5	5	.	.	.	.
4	4	4	4	4	4	4	.	.	.
3	3	3	3	3	3	.	3	.	.
2	2	2	2	2	2	.	2	2	.
1	1	1	1	1	1	.	1	1	1
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Вертикальные ряды, отмеченные римскими цифрами, обозначают здесь различные виды потребностей, начиная с наиболее важной; цифры же в пределах каждого вертикального ряда иллюстрируют уменьшение настоятельности данной потребности по мере ее насыщения.

Из таблицы, между прочим, видно, что конкретная потребность более важной категории может быть по своей величине ниже конкретной потребности менее важной категории, в зависимости от степени удовлетворения. «Насыщение» в вертикальном ряду ¹⁾ может понизить величину потребности

¹⁾ Перерывы в вертикальных рядах касаются потребностей, «где последовательное удовлетворение по частям окажется... либо не вполне возможным, или же совсем невозможным»... (Бем-Баверк, 1-е с., 40). Предположение о непрерывности функции полезности само по себе допустимо, так как «что вполне справедливо лишь по отношению непрерывных функций, то справедливо как приближение по отношению к функциям прерывного характера». (Н. Шапошников, 1-е с. стр. 9).

У Л. Вальбаса мы находим математическое выражение того же, но в объективированной форме («кривые цены» в зависимости от спроса и предложения). Гораздо более разработанную объективированную формулировку «уменьшения настоятельности данной потребности по мере ее насыщения» мы находим у американцев. Упомянутый Carver определяет полезность, как способность удовлетворять потребности, ценность—как обменоспособность («Utility is the power to satisfy a want or gratify a desire; but value is always and only the power to command other desirable things in peaceful and voluntary exchanges»—р. 3); цена, по Карверу, есть выражение ценности в деньгах. Ценность варьирует в зависимости от полезности («utility») и относительной редкости («scarcity»). При этом Карвер ясно говорит о потребностях не оценивающего индивидуума, а общества («wants of the community»—стр. 13). Закон «насыщения» у Карвера называется principle of «diminishing utility» стр. 15). При этом Карвер выдвигает social standpoint («общественную точку зрения»—стр. 17). «Падющая полезность» берется как общественная категория (18). Политическая экономия раньше тут ясно переходит в политическую экономию организаторов треста.

1 до 3, 2; 1, тогда как в то же время, при слабой насыщенности в ряду VI, величина этой абстрактно менее важной потребности конкретно может держаться на цифре 4 или 5¹⁾.

Чтобы решить теперь вопрос, какой конкретной потребности соответствует данная вещь (ибо этим и определяется субъективная ее оценка по полезности), «мы просто-напросто должны посмотреть, какая именно потребность осталась бы без удовлетворения, если бы не существовало оцениваемой вещи; это и будет та потребность, которую нам нужно определить»²⁾.

Пользуясь этим методом «лишения», Бем-Баверк приходит к такому результату: так как всякий предпочитает оставить неудовлетворенной наименьшую из подлежащих удовлетворению потребностей, то оценка выпавшего блага будет определяться наименьшей потребностью, которую оно (это благо) может удовлетворить. «Величина ценности материального блага определяется важностью той конкретной потребности (или частичной потребности), которая занимает последнее место в ряду потребностей, удовлетворяемых всем наличным запасом материальных благ данного рода»; или, короче, «ценность вещи измеряется величиной предельной пользы этой вещи»³⁾. Это и есть знаменитое положение всей школы, откуда и самая теория получила название «теории предельной полезности», тот всеобщий принцип, из которого выводятся все остальные «законы».

Вышеописанный способ определения ценности предполагает определенную единицу оценки. В самом деле, величина ценности есть результат измерения; всякое же измерение предполагает определенную единицу меры. Как же обстоит дело у Бем-Баверка в этом отношении?

¹⁾ «Die Grösse des Bedürfnisswertes ... hängt von der Art des Bedürfnisses, sie hängt aber innerhalb der einzelnen Art wieder von dem jeweils erreichten Grade der Sättigung ab (Wieser I. c. 6).

²⁾ Бем-Баверк. Ibid, стр. 42).

³⁾ Термин «предельная полезность» (Grenznutzen) был введен впервые Визером в книге: «Ueber den Ursprung des Wertes». Этому термину у Госсена соответствует «Wert des letzten Atoms», у Джевонса — «final degree of utility», «terminal utility», у Вальраса — «intensité du dernier besoin satisfait (rareté)». Ср. Wieser: «Der natürliche Wert». Визер предлагает пользоваться не методом «лишения», а методом «спрашивания». По существу, это различие большого значения не имеет.

Здесь австрийская школа наталкивается на чрезвычайно важное затруднение, из которого она до сих пор не выбралась, да и не сможет выбраться. Прежде всего, следует иметь в виду ту колоссальную роль, которую играет выбор единицы с точки зрения Бема. «Наша оценка», говорит последний: «одного и того же рода материальных благ в одно и то же время, при одних и тех же условиях, может принимать различный вид единственно в зависимости от того, оцениваем ли мы лишь отдельные экземпляры или же более значительные количества этих материальных благ, принимаемых за целную единицу»¹⁾. При этом в зависимости от выбора единицы оценки не только будет колебаться *величина* ценности, но может быть поставлен вопрос и относительно самой ценности вообще, ее существования. Если (пример Бема) сельскому хозяину нужно 10 гектолитров воды в день, а их у него имеется 20, то гектолитр не представляет никакой ценности; напротив, если за единицу мы примем величину, большую 10 гкл., тогда эта величина будет обладать ценностью. Таким образом, само явление ценности будет зависеть от выбора единицы. В связи с этим стоит и другое явление. Предположим, что у нас имеется ряд благ, предельная полезность которых падает по мере возрастания их количества; пусть эта падающая полезность выразится цифрами 6, 5, 4, 3, 2, 1. Если у нас имеется 6 единиц данного блага, то величина ценности каждого из них будет определяться предельной полезностью этой именно единицы, т.е. будет равна 1; если мы примем теперь за единицу совокупность двух прежних единиц, то предельная полезность каждой из этих двойных единиц будет не 1×2 , а $1 + 2$, не 2, а 3; ценность трех единиц будет не 1×3 , а $1 + 2 + 3$, т.е. не 3, а 6 и т.д.; другими словами, «оценка более значительных количеств благ не находится в соответствии с оценкой одного экземпляра этих же самых материальных благ»²⁾. Итак, единица

¹⁾ Бем-Вазер, «Основы», стр. 24.

²⁾ Ibid., стр. 52. Вазер в данном пункте не соглашается с Бемом. «Ein Vorrat überhaupt hat einen Wert, der gleichkommt dem Produkte der Stückanzahl (oder der Anzahl von Teilmengen) mit dem jeweiligen Grenznutzen». («Der natürliche Wert», S. 24) Вот схема Вазера. Пусть наибольшая пред. полезность (т.е. предельная полезность единицы блага, когда весь запас—этой единице, будет 10; увеличивая количество благ до 11, получим ценность запаса «bei einem Besitze von

оценка играет здесь существенную роль. Какова же эта единица? На сей вопрос Бем Баверк (да и другие «австрийцы») определенного ответа дать не могут¹⁾. Сам Бем возражает на вышеприведенное указание следующим образом: «Это возражение» — говорит он — «мы считаем неосновательным. Дело в том, что единицу оценки люди совсем не могут выбирать по своему произволу, нет, в тех же самых внешних обстоятельствах... находят они и принудительные требования относительно того, какое именно количество... нужно принять при оценке за единицу»²⁾. Однако, ясно, что эта определенность единицы может существовать, главным образом, в тех случаях, когда обмен является случайным, нетипичным для хозяйственной жизни. Наоборот, при развитом товарном производстве его агенты как раз не чувствуют на себе давления принудительных норм при выборе «единицы оценки». Промышленный капиталист, сбывающий свой холст, крупный торговец-оптовик, покупающий и продающий его, целый ряд посредников мелкого калибра, — все они могут измерять свой товар и аршинами, и вершками, и кусками (т.-е. совокупностью аршин, принятых за единицу), при чем во всех этих случаях никакого „различного вида“ их оценка принимать не будет. Они могут „лишаться“ своих товаров (современная продажа и есть *регулярный* процесс выпадения товаров из

	1	2	3	4	5	Güter
gleich	1 x 10	2 x 9	3 x 8	4 x 7	5 x 6	
oder	10	18	24	28	30	Werteinheiten
und bei	6	7	8	9	10	11 Gütern
gleich	6 x 5	7 x 4	8 x 3	9 x 2	10 x 1	11 x 0
oder	30	28	24	18	10	0
						Werteinheiten» (ibid., 27).

С этой точки зрения весь «запас» не представляет никакой ценности, начиная с известного количества благ. Однако, это противоречит всей теории и определению субъективной ценности. В самом деле, взяв всю сумму благ в качестве единицы, мы лишаемся возможности удовлетворения всех потребностей, связанных с данным благом. Ср. Бем Баверк «Основы», стр. 27 28; также „Kapital und Kapitalzins“, II, I, S. S. 257, 258, Fussnote.

¹⁾ См. о неопределенности «единицы» у G. Cassel в „Die Produktionskostentheorie Ricardo's und die ersten Aufgaben der theoretischen Volkswirtschaftslehre“. (Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, Band 57, SS. 95. 96). Здесь же и критика K. Wicksell's, который старался ответить на этот вопрос. См. K. Wicksell: „Zur Verteidigung der Grenznutzenlehre“, там же, 56, Jahrgang, SS. 577, 578.

²⁾ Бем-Баверк, I, с., стр. 28.

производящего их или просто владеющего ими хозяйства), и им совершенно безразлично, какой физический масштаб будет приложен для измерения проданных „благ“. То же явление мы наблюдаем и при анализе мотивов покупателей, покупающих товар для собственного потребления. Дело объясняется в высшей степени просто: оценки современных „хозяйствующих субъектов“ зависят от рыночных цен, а на рынке цены отнюдь не зависят от выбора единицы.

Сюда присоединяется и другое обстоятельство. Выше мы видели, что ценность совокупности единиц по Бему отнюдь не равна ценности единицы, помноженной на их число. Если у нас имеется ряд 6, 5, 4, 3, 2, 1, то ценность 6 единиц (всего „запаса“) будет равна сумме $1+2+3+4+5+6$. Это вполне логичный вывод из основных посылок теории предельной полезности. Но это не мешает данному положению быть абсолютно неверным. И опять здесь виноваты исходные пункты теории Бем-Баверка, его пренебрежительное отношение к социально-историческому характеру экономических явлений. В самом деле, ни один агент современного производства и обмена—ни продавец, ни покупатель—не высчитывает ценности „запаса“, т.е. определенной совокупности благ, по бем-баверковскому методу. Теоретическое зеркало главы новой школы не только искажает здесь „житейскую практику“: оно „отражения“ просто не имеют соответствующих фактов. Для всякого продавца N единиц стоят в N раз больше одной единицы, то же явление наблюдается и по отношению к покупателям. „Для фабриканта пятидесятая прядильная машина на его фабрике имеет то же самое значение и ту же самую ценность, что и первая, а общая ценность всех 50 равна не $50+49+48+\dots+2+1=1275$, а просто напросто $50 \times 50 = 2500$ “¹⁾. Однако, несоответствие между „теорией“ Бема и „практикой“ так разительно, что сам Бем должен был так или иначе затронуть вопрос. Вот что он пишет по

¹⁾ Will. Scharling: „Grenznutzentheorie und Grenznutzenlehre“. Conrad's Jahrbücher, III Folge, 27. Band, (1904), S. 27. „Für einen Fabrikanten hat die fünfzigste Spinnmaschine in seiner Fabrik ganz dieselbe Bedeutung und denselben Wert als die erste, und der gesamte Wert aller 50 ist nicht $50+49+48+\dots+2+1=1275$; sondern ganz einfach $50 \times 50 = 2500$ “. Мы не говорим здесь об „уступках“ при больших покупках. Это явление покоится на совершенно иных психологических основаниях и не относится к предмету, о котором у нас идет речь.

этому поводу: „В нашей обыденной... жизни далеко не часто приходится наблюдать описанную выше казуистическую особенность (т.-е. отсутствие пропорциональности между ценностью суммы и ценностью единицы. Н. Б.). Происходит это оттого, что при господстве производства, основывающегося на разделении труда и обмене, в продажу поступает в большинстве случаев (!) избыток (!) продуктов, совсем не предназначенный для удовлетворения личных потребностей собственника“¹⁾. Прекрасно. Но беда вот в чем. Если эта „казуистическая особенность“ в современном хозяйственном строе не наблюдается, то ясно, что закон „предельной полезности“ есть все, что угодно, но не закон капиталистической действительности, ибо вышеупомянутая „особенность“ есть логическое продолжение закона предельной полезности, с которым она возникает (логически) и с которым она падает.

Таким образом, отсутствие пропорциональности между ценностью суммы и количеством слагаемых есть для современных хозяйственных отношений *фикция*; при этом она настолько противоречит жизни, что даже Бем не может последовательно провести свою собственную точку зрения. Указывая на случаи косвенных оценок, Бем пишет: „...Раз мы имеем возможность констатировать, что одно яблоко для нас столь же дорого, как и восемь слив, а одна груша для нас столь же дорога, как и шесть слив, то мы имеем возможность... прийти к третьему положению, что одно яблоко для нас на одну треть дороже одной груши“²⁾. (Речь идет о *субъективных* оценках). Это рассуждение правильно по существу. Но оно как раз неправильно с точки зрения самого Бем-Баверка. А именно, почему мы приходим в данном случае к „третьему положению“, что одно яблоко на одну треть „дороже“ груши? Да потому, что ценность 8 слив больше ценности 6 слив на одну треть. Но это предполагает, в свою очередь, пропорциональность между ценностью суммы и количеством единиц: только в том случае ценность 8 слив больше ценности 6 на одну треть, если ценность 8 слив больше ценности одной сливы в 8 раз, а ценность 6 — в 6 раз.

Этот пример лишний раз показывает несовместимость

¹⁾ Бем-Баверк: „Основы“, стр. 53.

²⁾ Ibid., стр. 74, примечания.

теории Бема и экономических явлений, как они нам даны в действительности. Его рассуждения, быть может, годятся для объяснения психологии „лишающегося путника“, „поселенца“, „человека, сидящего у ручья“, да и то лишь постольку, поскольку все эти „индивидуумы“ лишены возможности производить. В современном же хозяйстве такие мотивы, какие предполагает Бем, были бы психологической невозможностью и бессмыслицей.

ГЛАВА III.

Теория ценности (продолжение).

1. Учение о субституционной пользе. 2. Величина предельной пользы и количество благ. 3. Величина ценности благ при различных способах употребления. Субъективная меновая ценность. Деньги. 4. Ценность комплементарных благ. 5. Ценность производительных благ. Издержки производства. 6. Итоги.

I. Учение о субституционной пользе.

Теперь мы подходим к пункту, где новой теории придется натолкнуться на один из самых крупных подводных камней, и где даже такой опытный рулевой, как Бем-Баверк, не сможет спасти ее от неизбежного крушения.

До сих пор мы рассматривали наиболее простые случаи оценки благ; мы предполагали, вместе с Бем-Баверком, что оценка блага зависит от предельной полезности, которую имеет именно *это* благо. На самом же деле все обстоит не так просто. Послушаем самого автора:

«...Существование развитых меновых сношений», говорит он: «может породить... значительные осложнения. А именно, давая возможность во всякое время обменивать материальные блага одного рода на материальные блага другого рода, меновое хозяйство дает вместе с тем возможность переключивать недочет в удовлетворении потребности одного рода на потребности другого рода... утрата ложится на предельную пользу материальных благ, служащих для замены утраченной вещи. След., предельная польза и ценность вещи одного рода определяются в данном случае предельной пользой известного количества материальных благ другого рода, употребляемых для приобретения экземпляра на место утраченного»¹⁾.

¹⁾ Бем-Баверк: «Основы», стр. 57.

Это явление иллюстрируется следующим примером:

„Я имею только одно зимнее пальто. Его у меня украли. Заменить его другим экземпляром того же рода я не могу. Но вместе с тем я не могу оставить без удовлетворения ту самую потребность, для которой предназначалась украденная вещь... В виду этого я постараюсь переложить утрату на другие мои потребности, менее важные; и вот, *продав некоторые материальные блага, предназначавшиеся первоначально для иного употребления, я покупаю себе на вырученные таким путем деньги новое зимнее пальто*“ ¹⁾. Для продажи придется пожертвовать такими благами, которые имеют наименьшее „значение“. Здесь, впрочем, могут быть, кроме продажи, различные случаи, характер которых определяется положением нашего „хозяйствующего субъекта“. Если он богат, *то те 40 флоринов, которые нужны для покупки нового зимнего пальто*“ (курсив наш. Н. Б.) будут взяты из наличного запаса денег—соответственно сократятся расходы на предметы роскоши; если он—среднего достатка, тогда придется экономить в течение более или менее долгого времени; если и это невозможно, тогда придется прибегнуть к продаже или закладу вещей; и только в случае крайней бедности нельзя „переложить“ утрату—тогда придется ходить без пальто.—Итак, во всех случаях, кроме последнего, оценка вещи происходит не изолированно, а в связи с оценкой других вещей. „Я думаю“, говорит по этому поводу Бем: „что из всех субъективных определений ценности, какие только совершаются у нас, *большая часть принадлежит к этому разряду*. В особенности это следует сказать относительно оценки безусловно необходимых для нас материальных благ... мы почти всегда оцениваем упомянутые материальные блага не по их непосредственной предельной пользе, а по „субституционной предельной пользе“ (Substitutionsnutzen) материальных благ другого рода“ ²⁾.

Эти рассуждения стоят гораздо ближе к действительности, чем те, о которых мы говорили раньше. Но зато они имеют

¹⁾ Ibid., 58. Курсив наш.

²⁾ Ibid., стр. 59. Курсив наш. По отношению к необходимым средствам жизни ясно, что оценка их по их непосредственной предельной полезности для *единичного хозяйства абсурд, ибо „ценности необходимых средств жизни... безконечно велики“*. (G. Eckstein: „Zur Methode der politischen Oekonomie“. Neue Zeit. XXVIII, B: I, s. 370).

весьма большое отрицательное „значение“ для „благополучия“ всей теории Бем-Баверка и иже с ним. В самом деле, откуда, например, появилась у Бема цифра „40 флоринов“? И почему именно 40, а не 50 или 1000? Ясно, что Бем в данном случае просто-напросто предполагает данными рыночные цены. Раз вводится, как необходимое определяющее условие, продажа и покупка или только покупка, то тем самым вводится и объективно данная цена¹⁾. Этого не скрывает и сам Бем-Баверк, довольно ясно формулируя изложенное положение: „Необходимо, впрочем“ — говорит он — „заметить, что и при существовании даже в высшей степени развитого менового хозяйства... мы делаем это (т.е. оцениваем по субституционной пользе“ Н. Б.) лишь тогда, когда цены продуктов и условия удовлетворения различных видов наших потребностей таковы, что если бы утрата вещи падала именно на те самые нужды, которые удовлетворяются этой вещью, то лишились бы удовлетворения потребности относительно более важные, нежели в том случае, если употребить для замещения утраченного экземпляра путем обмена вещь, предназначенную для удовлетворения потребностей другого рода“²⁾.

Таким образом, сам Бем-Баверк признает, что наша субъективная оценка предполагает, здесь (т.е. в „нормальном“ скромному заявлению Бема, в большинстве случаев) объективную величину ценности. Но так как задача Бема как раз в том и состоит, чтобы последнюю величину вывести из субъективных оценок, то ясно, что все развитое нашим автором учение о субституционной пользе есть не что иное, как ложный круг: объективная ценность объясняется субъективными оценками, которые, в свою очередь, объясняются объективной ценностью. И этот теоретический скандал приключился как раз тогда, когда перед Бемом вплотную стала проблема: объяснить не какое-нибудь гипотетическое, никаких общих точек соприкосновения с действительностью не имеющее, а настоящее, реальное хозяйство, которое характеризуется именно

1) Ср. R. Stolzmann: „Der Zweck in der Volkswirtschaft“, s. 723.

2) Б.-Б. „Основы“, стр. 59. Покупатели — тов. Scharling — „bestimmen den Preis, den sie für die Ware geben wollen, nicht nach ihrer eigenen Schätzung ihres Nutzens, sondern nach dem mutmaßlichen Preise, den man von den Konsumenten erwartet“. (I. c. 29).

„развитым обменом“ ¹⁾. Любопытнее всего то, что Бем знает о „серьезном теоретическом затруднении“, которое имеется в данном пункте для теории предельной полезности. Все же Бем старается выпутаться из сети противоречий. Эта попытка спасти теорию сводится к следующему: оценка зимнего пальто в 40 флоренов основывается „на антиципации тех условий, которые должны создаться лишь на рынке“ ²⁾; поэтому подобные предварительные оценки „оказывают на практическую деятельность лишь такое же влияние, как и какая-нибудь неопределенная надежда, что нужный товар можно будет купить за известную цену, напр., за 40 гульд. Удастся купить за такую цену — хорошо; не удастся, — человек не просто возвращается домой с пустыми руками, а отказывается от разбитой действительностью надежды и соображает, позволяет ли ему его положение дать за товар более высокую цену, или нет“ ³⁾. Последний вопрос зависит, по Бем-Баверку, от того, имеется ли к услугам покупателя один или несколько рынков. В первом случае, „когда нужную вещь можно приобрести только на данном рынке, покупатель, без сомнения, будет предлагать за нее более высокую цену, и в крайнем случае согласится дать цену, соответствующую высоте непосредственной предельной пользы“ ⁴⁾... „Следовательно“ — заключает Бем „в образовании цены — равнодействующей будет играть роль не низкая косвенная предельная польза покупаемой им вещи, основывающаяся на предположении определенного уровня рыночных цен, а, напротив, более высокая непосредственная предельная польза этой вещи.“

¹⁾ Относительно другого теоретика предельной полезности, Визера, который не анализирует условий менового хозяйства, Бем замечает: „... положение Визера (Wieser, Ursprung und Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes, стр. 125), гласящее, что предельная польза всегда „должна принадлежать к сфере пользы, получаемой от материальных благ того же самого рода“, следует принимать лишь с той оговоркой, которую делает при этом сам автор: он рассматривает дело в чистом виде, оставляя в стороне условия менового хозяйства“ (Основы, 59, примеч.). Итак, Визер не объясняет обмена; Бем начинает объяснять, но сейчас же спотыкается. Вот уж по истине: „нос вытаскивал хвост увяз, хвост вытаскивал — нос увяз“. Ср. также L. Walras, «Principes d'une theorie mathematique» etc., ch. III, § Courbes de demande effective pp. 12, 13, 14. По существу формулы Вальраса являются простыми тавтологиями. (ср. стр. 16 вышеуказанного сочинения).

²⁾ Ibidem, стр. 177.

³⁾ Ibid., 179. Ср. также: „Kapital und Kapitalzins“, II, I, s. 397 и II.

⁴⁾ Ibidem.

вывод очень важный для нашей теории цен¹⁾. Во втором случае „гипотетическая оценка, пожалуй, (!) еще даст покупателю возможность, в поисках за низкой ценой, перейти из одной части рынка в другую; но она нигде не может воспрепятствовать цене повыситься до уровня непосредственной пользы товара“²⁾. А отсюда такой вывод: „субъективные оценки, основывающиеся на предположении возможности купить оцениваемую вещь по определенной цене, служат для нашего поведения на том рынке, на котором, по нашему расчету, должна реализоваться упомянутая возможность, достойным внимания психическим этапом, но отнюдь не руководящим началом, от которого зависит решение вопроса в конечном счете. Роль такого руководящего начала, напротив, и тут играет *высота непосредственной предельной пользы товара*“³⁾.

Так старается Бем-Баверк разрешить вышеописанное „теоретическое затруднение“. Как, быть может, заметил читатель, объяснение Бем-Баверка есть только кажущееся объяснение; на самом же деле оно висит в воздухе. Возьмем опять наиболее яркий пример: средства существования. Субъективная ценаость их, основанная на полезности (берем единицу, соответствующую наименьшему пределу насыщения и наивышей потребности) будет бесконечно велика; с другой стороны, пусть оценка, основанная на антиципации рыночных условий, будет равна 2 рублям. Когда будет возможно предложенное Бемом решение? Другими словами, *когда* наш „индивидуум“ согласится отдать какую-нибудь цену, „все что угодно за кусок хлеба“? Ясно, что *только* при совершенно ненормальных рыночных условиях. И не просто ненормальных, т.-е. *уклоняющихся* от нормы, а *совершенно исключительных*, т.-е. таких, когда нельзя, в сущности, говорить об общественном производстве, общественном хозяйстве etc. в обычном смысле слова. Быть может, „в осажденном городе“ (один из примеров, излюбленных Бемом) или на потерпевшем кораблекрушение судне, или у заблудившихся в пустыне возможен такой случай. В современной же жизни, при предположении нормального хода общественного производства и воспроизводства, *ничего подоб-*

¹⁾ *Ibid.*, стр. 180

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ *Ib.*, 180, 181.

ного не бывает. Бывает нечто совершенно иное. Между величиной субъективной оценки по полезности и величиной предполагаемой рыночной цены (в нашем примере, между 1 и 2 рублями) существует целая лестница возможных цен (мы уже не говорим о возможном отклонении *вниз* от 2 рублей). Обычно, каждая конкретная индивидуальная сделка совершается на уровне очень близком к „антиципированной“ цене, и в целом ряде случаев достигает полного совпадения (ср. напр., фиксированные цены). Как бы то ни было, ясно одно: при нормальном ходе общественного производства соотношение между общественным спросом и общественным предложением таково, что индивидуальные оценки по полезности отнюдь не играют руководящей роли и даже не выступают на поверхность общественной жизни ¹⁾. Этот наш пример годится для обоих случаев, предполагаемых Бем-Баверком и отмеченных нами выше. Нам остается разобрать еще один случай, которого касается автор. Это — покупка для перепродажи, где „покупатель оценивает товар не по его потребительной ценности, а по его (субъективной) меновой ценности“ ²⁾. В подобных случаях дело происходит, по Бем-Баверку, следующим образом: „Рыночная цена определяется прежде всего *определением меновой ценности* товара со стороны торговца; эта оценка основывается на предполагаемой *рыночной цене второго рынка*, а последняя, в свою очередь, между прочим (!!) — на оценках товара покупателями, принадлежащими к району этого второго рынка“ ³⁾. Здесь дело представляется еще более сложным. Бем утверждает, что оценка покупателей вещи зависит исключительно от денежной суммы, которую можно выручить „при перепродаже ее на другом рынке (за вычетом, конечно, провозной платы и торговых расходов“ ⁴⁾ и разлагает эту денежную сумму на оценки покупателей (оценки по *полезности*) второго рынка. Однако, все это далеко не так просто. Торговец стремится получить максимальную торговую прибыль, высота которой зависит от целого ряда условий.

¹⁾ Schelling, I. c., s. 29; также Lewin „Arbeitslohn und soziale Entwicklung“, приложение.

²⁾ Бем-Баверк: „Основы“, стр. 181. С понятием субъективной меновой ценности мы встретимся в дальнейшем изложении, где будет дана подробная критика этого понятия.

³⁾ *Ibid.*, 181.

⁴⁾ *Ibidem.*

Некоторые из них указывает сам Бем-Баверк: провозная плата и торговые расходы. Что это значит? Да не что иное, как введение новых рядов (и притом весьма различных по составу) *товарных цен*, которые почему-то принимаются за величину, в объяснении не нуждающуюся. На самом же деле каждая из составных частей этих расходов должна быть объяснена. Далее Бем-Баверк думает, что он достиг конечного пункта объяснения, когда дошел до оценок покупателей второго рынка. Однако, это с его стороны лишь самообман. Ибо эти оценки, в свою очередь, разлагаются дальше. Они, ведь, вовсе не совершаются по чистой „полезности“, ибо, с одной стороны, здесь имеются свои торговцы, которые перепродают товары на дальнейшие рынки; с другой стороны, даже простые покупатели оценивают товар не прямо, а по его „субституционной пользе“. Присутствие торговцев заставляет нас переходить вместе с последними на третий рынок, но так как и там могут оказаться торговцы, то мы должны будем перейти к четвертому, пятому и т. д. *ad infinitum*. Затем, как мы видели, сюда же выделяется данность целого ряда товарных цен и оценок по субституционной пользе. Таким образом, в результате все явление разлагается на множество элементов, из которых ни один не может быть объяснен сколько-нибудь удовлетворительно.

Мы должны остановиться еще на одном контр-возражении Бем-Баверка, которое имеет общий характер: а именно, Бем хочет сделать общий отвод упреку в том, что у него имеется порочный круг:

„Существенное для решения вопроса о порочном круге — пишет наш автор — состоит обычно в том, что те субъективные ценностные оценки, которые опираются на предполагаемое образование конкретной рыночной цены, отличны от тех, на которые опирается образование этой самой рыночной цены, и наоборот. Кажущийся круг зависит от диалектического отношения обоих употребленных здесь слов „субъективные ценностные оценки“, если при этом не выяснено и не принято во внимание, что то же самое наименование покрывает не один и тот же феномен, а различные конкретные феномены, которые только выступают под одним и тем же видовым обозначением“¹⁾.

¹⁾ Böhm-Bawerk: Kapital und Kapitalzins, B II, I, s. 403. Fussnote: „Das Wesentliche für die Zirkelfrage ist stets, dass jene subjektiven ...“

Это положение Бем иллюстрирует следующим примером: „Парламентский клуб имеет и „клубную принудительную дисциплину“: его члены должны голосовать в парламенте так, как это решило большинство общего собрания клуба. Ясно, что здесь решение клуба весьма хорошо объясняется голосованием отдельных членов клуба, а позднейшее голосование его членов в парламенте так же хорошо объясняется решением клуба, при чем в объяснении нет ни малейшего намека на порочный круг“¹⁾.

Таким образом, Бем хочет оправдаться тем, что у него одни субъективные оценки объясняются другими субъективными оценками. Мы должны добавить, что за „вторыми“ следуют „третьи“, „четвертые“ и т. д. То обстоятельство, что все они различны, несколько не спасает дела. Ведь, и теория издержек производства, против которой с таким жаром сражаются сторонники теории предельной полезности, тоже отсылала от *одних* издержек к *другим*, от *одних* цен к *другим*. Но от этого она не переставала быть сплывшим теоретическим кругом. Причина опять-таки ясна: речь идет у нас об объяснении одной категории явлений через другую категорию явлений, а вовсе не о сведении однородных явлений друг к другу. В последнем случае имеется возможность лишь бесконечного (или почти бесконечного) удаления в пространстве и времени, так что всякая данная оценка будет выводить нас далеко за пределы современности: мы будем без устали развертывать кинематографическую ленту в обратном порядке. Но это отнюдь не решение теоретической проблемы, а бесконечное отсылание от Понтия к Пилату.

schätzungen, welche sich auf die vermutete Bildung eines konkreten Marktpreises aufstützen, andere sind als diejenigen, auf welche sich die Bildung eben dieses Marktpreises selbst aufstützt, und umgekehrt. Der Anschein eines Zirkels hängt nur an dem dialektischen Gleichklang der beiderseits gebrauchten Worte «subjektive Wertschätzung», wenn dabei nicht ins Klare gestellt und nicht beachtet wird, dass derselbe Name beiderseits nicht ein und dasselbe Phänomen, sondern verschiedene konkrete Phänomene deckt, die nur unter denselben Gattungsnamen fallen.

²⁾ Ibidem: «Ein parlamentarischer Klub hat «Klubzwang»: seine Mitglieder müssen im Parlament so abstimmen, wie es die Majorität der Klubversammlung beschlossen hat. Offenbar ist hier der Klubbeschluss ganz zutreffend aus der Abstimmung der einzelnen Mitglieder des Klubs, und die spätere Abstimmung der Mitglieder im Parlament ebenso zutreffend aus dem Klubbeschluss zu erklären, ohne dass im Mindesten ein Zirkel in der Erklärung vorläge».

Данное положение дел, конечно, не случайность. Как мы указывали выше, *Бем* должен был запутаться в ложном кругу, так как в этому его с неизбежностью толкала индивидуалистическая позиция школы. „Австрийцы“ не понимают, что индивидуально-психологическое содержание личности определяется общественной средой. что „индивидуальное“ у общественного человека есть в громадной степени „социальное“, что „социальный атом“—такое же измышление австрийцев, как „болезненный пролетарий первобытных лесов“ Вильгельма Рошера ¹⁾. Поэтому дело идет сравнительно гладко, пока анализируются „мотивы“ и „оценка“ придуманных Робинзонов, и, наоборот, появляются непреодолимые затруднения, лишь только речь заходит о „современности“: от психики „изолированного субъекта“ нельзя перекинуть теоретического моста к психике человека товарного производства: если же взять психику последнего, то „объективные“ элементы экономических явлений товарного мира тем самым уже даны, а, значит, их и нельзя вывести целиком из индивидуально-психологических явлений, не впадая при этом в определения *idem per idem*.

В учении о субституционной пользе обнаруживается, таким образом, неправильность методологических основ австрийской школы, и наиболее ясно выступает ее полная теоретическая несостоятельность. *Определение субъективной ценности через объективную, которая сама выводится из субъективной—это центральная ошибка Бема*. Поэтому она в измененной форме будет встречаться и при разрешении целого ряда других проблем более частного характера ²⁾.

¹⁾ Разница здесь та, что Рошер видел в дообщественном человеке пролетария, а Бем—в пролетарии дообщественного человека.

²⁾ Попытки критики этой теории (т.-е. теории предельной полезности. П. Б.)—пашет г. *Туган-Барановский*; в большинстве случаев так слабы, что не заслуживают серьезного опровержения. Главное возражение против нее—утверждение, что величина удовлетворения, получаемого нами от хозяйственных предметов, не допускает количественного сравнения,—опровергнуто еще Кантом... (*М. И. Туган-Барановский*: „Основы полит. экономии“, 2 изд. СПб. 1911, стр. 56). Мы, однако, отнюдь не считаем этого возражения „главным“, наоборот, его можно признать одним из наименее удачных. Любопытно, что г. *Туган-Барановский* сходит совершенным молчанием другие возражения, сделанные хотя бы Штольциманом, сбе книги которого ему известны.

2. Величина предельной пользы и количество благ.

При рассмотрении вопроса о величине ценности мы выяснили, что она определяется, согласно Бем-Бавергу, высотой предельной пользы. Теперь можно поставить дальнейший вопрос относительно факторов, определяющих высоту этой последней.

«Здесь» — говорит Бем-Баверк: «мы должны указать на отношение между *потребностями и средствами их удовлетворения*». Анализируя это соотношение, Бем-Баверк находит следующий простой «закон», выражающий зависимость между «потреблением» и «благами»:

«Чем их (т.е. потребностей. Н. Б.) больше и чем они важнее, и чем меньше... количество материальных благ, которое может быть предназначено для их удовлетворения, тем выше должна стоять и предельная польза»¹⁾.

Итак, высота предельной пользы определяется двумя факторами: субъективным (потребности) и объективным (количество «благ»). Чем же определяется, в свою очередь, это количество? На последний вопрос теория австрийцев не даст никакого ответа²⁾. Она просто-на-просто предполагает количество продуктов данным, т.е. предполагает раз навсегда данную величину «редкости». Однако, такая точка зрения теоретически крайне слаба, ибо «хозяйство», явления которого анализирует политическая экономия, включает в себя *хозяйственную деятельность и, прежде всего, производство хозяйственных благ*. Самое понятие «запаса» этих благ предполагает, как совершенно правильно утверждает А. Schor, предварительный производственный процесс³⁾, явление, кото-

¹⁾ Бем-Баверк: «Основы», стр. 60.

²⁾ «Для того, чтобы исследование проблемы ценности было доведено до конца, необходимо выяснять... почему одних предметов производится мало, а других много... Однако, читатель напрасно стал бы искать у теоретиков в предельной полезности ясного ответа...» (Туган-Барановский I, с. стр. 46).

³⁾ «Wir können schon feststellen dass in den von Böhm-Bawerk gewählten Beispielen dasjenige Merkmal der Wirtschaft fehlt, welches für jede Wirtschaft notwendig ist, nämlich die *Tätigkeit des wirtschaftenden Subjektes*... Ein Vorrat von Gütern ist nicht nur für den Menschen, sondern auch für jedes lebende Wesen nur als Resultat einer gewissen Tätigkeit möglich». (Alexander Schor: «Kritik der Grenznutzentheorie» Conrad's Jahrbücher», Band 23, s. 248). См также H. Stolzmann: «Der Zweck in der Volkswirtschaft», s. 701: «Erst durch die Grösse oder durch die Kleinheit der gegebenen Vorräte, d. h. schliesslich der Produktivität der originären

рое, так или иначе, но должно оказывать громадное влияние на оценки благ. Еще более важное значение имеет производство, если мы от *статики* перейдем к *динамике*. Ясно, что теория австрийцев, которая исходит из *данного* запаса благ, не может объяснить элементарных явлений хозяйственной динамики, хотя бы такого явления, как движение цен, не говоря уже о более сложных. В связи с этим, те объяснения, которые Бем предлагает нам по вопросу о высоте ценности, сейчас же вызывают дальнейшие вопросы. «Иемчуг и алмаз», говорит, напр., Бем-Баверк: «находятся (!) в таком ограниченном количестве, что потребность в них удовлетворяется лишь в очень незначительной степени, и предельная польза, до которой простирается удовлетворение, стоит относительно очень высоко; между тем как, к нашему счастью, хлеба и железа, воды и воздуха у нас обыкновенно бывает такая масса, что удовлетворение всех более важных из соответствующих потребностей оказывается вполне обеспеченным»¹⁾.

«Находятся!» «Обыкновенно бывает!» Но что скажет Бем-Баверк о так называемых «революциях цен», когда рост производительности труда вызывает катастрофическое их падение? Тут нельзя удовлетвориться фразой: «обыкновенно бывает». Читатель, вероятно, заметил, насколько тенденциозно подбирает Бем свои примеры. Вместо того, чтобы объяснить ценность *типичных* продуктов — товаров, т.-е. продуктов, носящих на себе клеймо фабричного производства, Бем толкует о воде и о воздухе. Уже на «хлебе» видна недостаточность позиции нашего профессора: стоит вспомнить хотя бы резкое падение хлебных цен с началом сельскохозяйственного кризиса, вызванного в 80-ых гг. заокеанской конкуренцией. «Количество благ» сразу изменилось. Отчего? Да оттого, что на сцену выступили *новые условия производства*, о которых у Бем-Баверка почти ни звука²⁾. А между тем производ-

Urfaktoren, Boden und Arbeit.. ergibt sich, der Umfang des möglichen Angebots, ergibt sich die Zahl, der von jedem Gute hervorzubringenden Exemplare, damit aber erst die effektive Ausdehnung des möglichen Konsums».

¹⁾ Бем-Баверк: «Основы», стр. 49.

²⁾ По справедливому замечанию г. Железнова, австрийцы «забывают, что в своей хозяйственной деятельности люди стремятся преодолеть скудость даров окружающей их природы приложением спе-

«естественный» процесс вовсе не «осложняющее обстоятельство», «модификация» основного случая etc., как то думает Бем-Баверк. Наоборот, производство есть основа общественной жизни вообще и экономической стороны ее в частности. «Редкость» блага (за исключением некоторых случаев, от которых мы имеем полное право отвлечься) есть выражение определенных производственных условий, есть функция общественной затраты труда ¹⁾. Поэтому то, что раньше было «редким», может, при изменившихся условиях, найти себе самое широкое распространение. «Почему... хлопок, картофель и водка являются рычагами буржуазного общества? Потому что они требуют наименьшего труда для своего производства и, следовательно, обладают самой низкой ценой» ²⁾. Но такую роль эти продукты играли отнюдь не всегда. И хлопок, и картофель стали играть такую роль лишь с изменением системы общественного труда, лишь с тех пор, как издержки производства и воспроизводства этих продуктов (а также их транспорта) не достигли определенной величины ³⁾.

Итак, не отвечая на вопрос о том, чем определяется количество благ, Бем-Баверк не в состоянии дать исчерпывающий ответ и на вопрос о том, чем определяется та или иная высота предельной пользы.

До сих пор мы вместе с Бем-Баверком ставили вопрос in abstracto. Перейдем теперь к «модифицирующему влиянию» менового хозяйства. Как можно предположить заранее, объяснения Бем-Баверка будут отличаться здесь наибольшей запутанностью.

циальных усилий, благодаря которым пределы зависимости человека от материального мира становятся более эластичными и постоянно расширяются». (Железнов, «Очерки полит. экон.» М. 1912, стр. 380)

¹⁾ «... относительная редкость делает его (т.-е. товар Н.Б.) с субъективной стороны предметом оценки, в то время как объективно — с точки зрения общества — его редкость есть функция затраты труда и в величине последней находит свое объективное мерило. R. Hilferding: *Bohm-Bawerks - Marx-Kritik* S. 13.

²⁾ К. Маркс, «Низмета философия», пер. Алексева, стр. 30.

³⁾ В другой части своей книжки Бем признает значение этого момента, что лишь доказывает его непоследовательность, так как издержки производства у него зависят от предельной пользы. Получается ложный круг. Впрочем, об этом ниже, в другой связи. У Carver'a точка зрения вовсе не ограничивается рассмотрением упавших с неба метеоритов. Он анализирует в первую голову воспроизводимые блага. Ср. Carver'a, I. с. р.р. 27—31.

Итак, „существование обмена и тут порождает целый ряд усложнений. Оно дает именно возможность во всякое время расширить удовлетворение потребностей известного рода — конечно, на счет удовлетворения потребностей другого рода, которое в соответствующей степени сокращается... Благодаря этому круг факторов, оказывающих влияние на высоту предельной пользы усложняется следующим образом: во-первых, тут играет роль то отношение между потребностями и средствами их удовлетворения, которое существует для материальных благ оцениваемого рода во всем обществе, представляющем из себя одно целое благодаря существованию обмена: этим отношением... определяется высота той цены, которую нужно заплатить за новый экземпляр данного рода материальных благ, чтобы пополнить недочет в удовлетворении соответствующих потребностей“, и влияние „на величину той части материальных благ другого рода, которая оказывается необходимой для приобретения недостающего экземпляра. Во-вторых, тут играет роль то отношение между потребностями и средствами их удовлетворения, которое существует для самого производящего оценку индивидуума в той сфере, откуда берется часть материальных благ с целью пополнить недочет; от этого отношения зависит, низкого или высокого слоя нужд коснется сокращение средств удовлетворения, след., — незначительную или же значительную предельную пользу придется пожертвовать“¹⁾.

Таким образом, фактором, определяющим высоту индивидуальной субъективной оценки (resp. высоту „предельной пользы“), является, прежде всего, соотношение между общественным спросом и общественным предложением товаров, потому что этим соотношением определяются цены: чем выше цены на новый экземпляр, тем выше субъективная оценка старого.

Здесь, как нетрудно заметить, скрывается снова ряд противоречий. Прежде всего, сохраняется в силе то, что мы установили при разборе учения о субституционной пользе: субъективная оценка, из которой должна быть выведена цена, сама предполагает эту цену. Далее. В качестве последней инстанции, определяющей цену, появляется закон спроса и предложения, который, с точки зрения самих австрийцев, в свою очередь, должен быть сведен к законам, управляющим

¹⁾ Бем-Баверк, „Основы“, стр. 61.

субъективными оценками, то-есть, „в последнем счете“, к закону предельной полезности. В самом деле, если цену можно удовлетворительно объяснить *без дальнейших пояснений* одним лишь законом спроса и предложения, то к чему тогда вся теория субъективной ценности? Наконец, так как, согласно теории предельной полезности, закон спроса и предложения сам может быть понят лишь на основе законов, управляющих субъективными оценками, то те „цены“, которые у нас имеются для объяснения субъективных оценок, сами сводятся к субъективным оценкам. (Однако, при существовании обмена, и эти субъективные оценки подлежат общему закону и стоят в зависимости от цен ¹⁾). Таким образом, мы снова натываемся на знакомую мелодию. Она *должна* звучать у Бем-Баверка повсюду, так как она непосредственно вытекает из совершенно неправильного взгляда школы на отношение между „индивидуумом“ и „общественным целым“.

3. Величина ценности благ при различных способах употребления. Субъективная меновая ценность. Деньги.

До сих пор мы рассматривали те случаи, когда подлежащее оценке благо удовлетворяет какую-нибудь *одну* потребность. Теперь нам предстоит рассмотреть вместе с Бем-Баверком тот случай, когда одно и то же благо может быть употреблено для удовлетворения *различных* потребностей.

«Ответить на этот вопрос», — говорит Бем-Баверк, — «не трудно: основой для определения ценности всегда является в подобных случаях *наивысшая предельная польза*... истинная предельная польза вещи тождественна с наименьшей пользой, ради которой *с хозяйственной точки зрения еще имеет смысл употреблять эту вещь*. Если приходится делать выбор между несколькими различными, исключаящими друг друга способами употребления для одной и той же вещи, имеющейся в нашем распоряжении, то при рациональном ведении хозяйства, очевидно, должен быть

¹⁾ Любопытно отметить здесь следующее обстоятельство. Раньше (при желании выбраться из противоречий теории субституционной пользы) Бем настаивал на том, что цена не может быть руководящим принципом, потому что та цена, по которой данное лицо покупает, складывается на рынке уже при активном участии этого лица. Теперь же Бем совершенно забывает об этом.

выбран важнейший из этих способов, потому что только он один представляется при данных условиях выгодным с хозяйственной точки зрения, все же остальные, менее важные способы употребления оставляются в стороне, а потому они и не могут оказывать влияния на определение ценности вещи, которая употреблена для удовлетворения совершенно другого рода потребностей¹⁾. Отсюда Бем выводит следующую общую формулировку: *«Если материальные блага допускают несколько несовместных друг с другом способов употребления и могут при каждом из них давать неодинаково высокую предельную пользу, то величина их ценности определяется наивысшей предельной пользой, какая получается при этих способах удовлетворения»*²⁾.

Тут, прежде всего, поражает странность терминологии. «Наивысшая польза» называется «наименьшей пользой, ради которой с хозяйственной точки зрения еще имеет смысл употребить эту вещь». Почему она «наименьшая» — это остается совершенно непонятным. Однако; суть дела не в этом. Если мы попробуем приложить полученную Бем-Баверком формулу к реальной экономической жизни, то мы снова придем к обнаружению той самой ошибки, которая встречалась нам уже неоднократно, и именно, к обнаружению порочного круга, лежащего в основе бем-баверковских рассуждений. В самом деле, представим себе самый простой случай: у нас имеется благо А, продав которое, мы можем приобрести на вырученные деньги целый ряд вещей: или Х товара В, или У тов. С, или Z тов. D и т. д. Ясно, что род покупаемого товара, а, значит, и способ употребления нашего блага, будет зависеть от установленных на рынке товарных цен: мы будем покупать тот или иной товар, считаясь с тем, дорог или дешев он в данное время. Точно так же, если у нас речь идет о выборе «способа употребления» для *средств производства*, то мы сделаем этот выбор, сообразуясь с ценами на продукты различных производственных отраслей. То-есть вопрос о способах употребления, как правильно замечает G. Eckstein «предполагает уже заранее цену»³⁾.

¹⁾ Бем-Баверк: „Основы“, стр. 78.

²⁾ Ibid: курсив автора.

³⁾ См. Gustav Eckstein: „Zur Methode der politischen Oekonomie“. Neue Zeit, XXVIII, Bd. 1, s. 371.

Наибольшего напряжения эта ошибка достигает в учении о субъективной меновой ценности.

Бем-Баверк различает два вида «многосторонности» благ, которые лежат в основе двух видов их «употребления»; а именно, различные способы употребления могут быть или результатом «технической многосторонности» блага, или же результатом его способности быть вымененным на блага иного рода. Последнее обстоятельство наблюдается, конечно, тем в большей степени, чем больше развиты меновые отношения. Вот на этом двояком значении блага — как средства удовлетворения потребностей прямого или косвенного (причем под последним разумеется потребление средств производства) — с одной стороны, и как средства обмена — с другой, основывается деление субъективной ценности на субъективную потребительную ценность и субъективную меновую ценность¹⁾.

«Величина потребительной ценности» — говорит Бем-Баверк, — «определяется... величиной предельной пользы, которую извлекает собственник из оцениваемой вещи, употребляя ее непосредственно для удовлетворения своих потребностей... величина субъективной меновой ценности определяется предельной пользой вымениваемых на данную вещь материальных благ»²⁾.

А отсюда следует, что величина субъективной меновой ценности должна зависеть от двух обстоятельств: во-1-х, от объективной меновой силы (объективной меновой ценности) вещи, ибо величиной этой объективной меновой силы определяется количество материальных благ, которое можно получить в обмен на данную вещь; во-2-х, от ха-

¹⁾ Относительно «прямого» и «косвенного» удовлетворения потребностей следует заметить, что Бем отклоняется здесь от терминологии К. Менгера: «Der Wert in dem ersten (т. е. в натур. хоз. Н. Б.) und der Wert in dem zweiten Falle (субъект. меновая оценка Н. Б.) sind... lediglich zwei verschiedene Formen derselben Erscheinung des wirtschaftlichen Lebens... Was aber der Erscheinung des Wertes in jedem der beiden Falle einen besonderen Charakter verleiht, das ist der Umstand, dass die Güter für die wirtschaftenden Subjekte, welche über dieselben verfügen, in dem ersten Falle mit Rücksicht auf ihre direkte, im zweiten Falle mit Rücksicht auf ihre indirekte Verwendung jene Bedeutung erlangen, welche wir den Güterwert nennen. So nennen wir den Wert in dem ersten Falle — Gebrauchswert, im letzteren aber Tauschwert». (К. Менгер: «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre». Wien 1871, ss. 214, 215).

²⁾ Бем-Баверк: «Основы», стр. 80.

рактера и размера потребности и от имущественного положения собственника»¹⁾.

Мы привели почти полностью формулировку Бем-Баверга, потому что неопределенность и противоречивость понятия субъективной меновой ценности необыкновенно резко сформулирована самим Бем-Бавергом. Ведь, никто иной, как наш мастер, говорит нам, что «величина субъективной меновой ценности должна зависеть от... объективной меновой ценности»... (курсив наш. Н. Б.). Здесь «объективный», рыночный мир не привносится контрабандой, с заднего крыльца; наоборот, в самом определении величины субъективной меновой ценности обнаруживается крах теории, построенной на индивидуально-психологическом «песке»²⁾.

Отсюда становится понятным то обстоятельство, что наиболее ярко полнейшая бесплодность австрийской теории обнаруживается в вопросе о деньгах.

«Самым многосторонним благом» — говорит Визер — «являются деньги... Ни на каком другом благе нельзя получить такого ясного представления об идее предельной пользы»³⁾. Это утверждение одного из самых выдающихся теоретиков предельной полезности звучит весьма иронически, если его сопоставить с результатами, полученными в этой области новой школой. Как известно, деньги отличаются от всех других товаров тем, что они являются всеобщим эквивалентом товаров. И именно это их свойство — быть общим выразителем абстрактной меновой ценности — делает особенно затруднительным их анализ с точки зрения предельной полезности⁴⁾. В самом деле, при заключении всяких меновых сделок агент современного хозяйственного строя смотрит на деньги исключительно с точки зрения их «покупательной силы», т. е. с точки зрения их объективной меновой ценности. Ни одному

¹⁾ Ibidem.

²⁾ „Recht beschen“ — гов. W. Scharling — „scheint dann (при косвенных оценках. Н. Б.) auch durch diesen „subjektiven Tauschwert“ gerade die subjektive Schätzung der Beschaffenheit des Gutes das mehr Untergeordnete zu sein“. (Prof. W. Scharling, l. c., s. 29).

³⁾ „Das vielseitigste Gut ist indess das Geld... An keinem anderen Gute kann man eine so deutliche Vorstellung von der Idee des Grenznutzens gewinnen... (Fy. von Wieser: „Der natürliche Wert“. Wien. 1889, s. 13).

⁴⁾ Любопытно, что в большой, специально посвященной деньгам статье (см. „Geld“ в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, B. 4.) К. Менгер почти совершенно не дает теоретического анализа денег.

«хозяйствующему субъекту» не приходит в голову оценивать свою золотую наличность с точки зрения способности золота удовлетворять «потребность в украшениях». При раздвоившейся потребительной ценности денег ¹⁾ — как золотого товара и как денег — оценка их базируется именно на их последней функции. Если при анализе ценности обыкновенных товаров приходится констатировать присутствие общественных связей, которые исключают всякое индивидуалистическое толкование экономических явлений (см. выше разбор учения о субституционной пользе), то в деньгах эти общественные связи достигают наиболее полного выражения. Деньги являются именно тем «благам», субъективная оценка которого есть, в терминах австрийской школы, субъективная меновая ценность. Вскрывши противоречивость и логическую несостоятельность этого понятия, мы тем самым вскрыли и «основную ошибку» всей теории денег. Эту ошибку очень хорошо формулирует Густав Экштейн: «Объективная меновая ценность денег» — говорит он — «образуется, таким образом, из субъективной потребительной ценности; последняя состоит в их субъективной меновой ценности, которая, в свою очередь зависит от их объективной меновой ценности» ²⁾.. То-есть, объективная меновая ценность денег определяется через объективную ценность денег.

Теория денег и денежного обращения в известном смысле может служить пробным камнем для всякой теории ценности, ибо в деньгах как раз наиболее видимым образом происходит объективирование многосложных человеческих отношений. Именно поэтому «загадка денежного фетиша», который «слепит взор

¹⁾ „Der Gebrauchswert der Geldware verdoppelt sich. Neben ihrem besonderen Gebrauchswert als Ware, wie Gold zum Beispiel zum Ausstopfen hohler Zähne, Rohmaterial von Luxusartikeln usw. dient, erhält sie einen formalen Gebrauchswert, der aus ihren spezifischen gesellschaftlichen Funktionen entspringt“. (K. Marx: „Das Kapital“, B. I. Volksausgabe, s. 52).

²⁾ „Der objektive Tauschwert des Geldes resultiert also aus seinem subjektiven Gebrauchswert, dieser besteht in seinem subjektiven Tauschwert, welcher wieder abhängig ist von seinem objektiven Tauschwert. Das Schlussergebniss hat also eine ähnliche Stringenz und einen ähnlichen Wert wie der bekannte Lehrsatz, dass die Armut von der pauvreté komme“. (G. Eckstein: „Die vierfache Wurzel des Satzes vom unzureichenden Grunde der Grenznutzentheorie. Eine Robinsonade“, Neue Zeit, 22, II, s. 812). В русской литературе тоже указывалось на это. См. напр., А. Мануилов: „Понятие ценности по учению экономистов класс. школы“, стр. 26.

своим металлическим блеском», была до сих пор одной из самых сложных загадок для политической экономии. Классический образец анализа денег дал Маркс (в «Капитале» и «Zur Kritik») и страницы его работ, посвященные деньгам, являюся одними из самых блестящих страниц, когда-либо написанных на эту тему. Наоборот, на «теории» денег австрийской школы яснее ясного видна полная теоретическая бесполезность всей конструкции, ее полное теоретическое банкротство ¹⁾.

4. Ценность «комплементарных» благ (теория вменения).

Одним из наиболее запутанных вопросов, разрабатываемых австрийцами, является вопрос о ценности так-называемых «комплементарных» (Менгер) благ, или теория экономического вменения (Zurechnungstheorie — термин, введенный Визером).

Комплементарными благами называются у Бема блага, взаимно дополняющие друг друга: в таком случае «для получения хозяйственной пользы требуется совместное действие нескольких материальных благ, при чем, если недостает одного из них, то цель совсем не может быть достигнута, или же достигается лишь не в полной мере» ¹⁾. В качестве примера таких благ, Бем-Баверк приводит бумагу, перо и чернила, иглоу и нитки, две парных перчатки и т. п. Ясно, что такие группы комплементарных благ встречаются особенно

¹⁾ Один из новейших сторонников австрийской школы, специалист по теории денег, *Ludwig v. Mises* в своей книжке: „Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel“ (цитируем по рецензии *Гильфердинга* в *Neue Zeit*, 30. Jahrg., B. 2, ss. 10, 25 и ff.) признает неудовлетворительность теории денег, данной австрийцами. Вот что пишет он по сему поводу: „Eine Betrachtung des subjektiven Geldwertes ist ohne Eingehen auf seinen objektiven Tauschwert unmöglich; im Gegensatz zu den Waren ist beim Gelde das Vorhandensein eines objektiven Tauschwertes, einer Kaufkraft, unerlässliche Voraussetzung des Gebrauchs. Der subjektive Geldwert führt immer auf den subjektiven Wert der für das Geld im Austausch erhaltlichen anderen wirtschaftlichen Güter zurück; er ist ein abgeleiteter Begriff. Wer die Bedeutung, die eine bestimmte Summe Geldes mit Rücksicht darauf, dass er eine Bedürfnisbefriedigung von ihr abhängig weiss, abschätzen will, kann dies schlechterdings nicht anders tun als unter Zuhilfenahme eines objektiven Tauschwertes des Geldes. Jeder Schätzung des Geldes liegt so eine bestimmte Ansicht von seiner Kaufkraft zugrunde“ (S. 25). Сам Мизес стремится преодолеть ложный круг исторически, аналогично тому, как это делает Бем-Баверк в отделе о субституционной ценности и, разумеется, с таким же успехом. См. об этом у *Гильфердинга*, I. с., S. 1025 и 1026.

¹⁾ Бем-Баверк. „Основы“, стр. 84.

часто в среде благ производительных, где условия производства требуют соединенного действия целого ряда факторов, при чем выпадение одного из этих факторов часто разрушает всю комбинацию и сводит на нет действие всех остальных. Анализируя ценность комплементарных благ, Бем приходит к установлению целого ряда особых «законов», которые впрочем, «все укладываются в рамки общего закона предельной пользы». Исходным пунктом анализа Бем берет ценность *всей группы* и устанавливает следующее положение: *«Совокупная ценность целой группы материальных благ определяется в большинстве случаев величиною предельной пользы, которую могут принести все эти материальные блага при совместном действии»*¹⁾. Если три блага А, В, С. могут при совместном употреблении принести наименьшую выгодную в хозяйственном отношении пользу в 100 единиц ценности, то ценность всей группы будет равна 100. Так просто обстоит, однако, дело у Бема лишь в «общем нормальном случае». От этого «нормального случая» нужно отличать специальные случаи, когда вступает в силу закон субституции, о котором у нас шла речь выше (см. анализ учения о субституционной пользе). А именно, «если, напр., предельная польза, получаемая при комбинированном употреблении, равняется 100, а «субституционная ценность» трех членов группы в отдельности — лишь 20, 30 и 40, — всего, значит, лишь 90 — то от всех трех материальных благ, взятых вместе, будет зависеть не получение комбинированной предельной пользы в 100, а получение лишь меньшей пользы в 90²⁾. Такая «частность» (весьма «нормальная» — заметим в скобках — для капиталистического строя) не интересует Бема Баверка, и он анализирует «общий» случай, «когда предельная польза, получаемая при комбинированном употреблении, является, вместе с тем, и наличною предельною пользою, которою определяется ценность материальных благ»³⁾.

Итак, ценность всей группы предполагается данной. Вопрос состоит в том, чтобы определить то отношение, в котором эта общая ценность распределяется между отдель-

¹⁾ Ibidem 84—85.

²⁾ Ibid. 85.

³⁾ Ibidem.

ными благами, входящими в состав группы. Это и есть проблема «экономического вменения». Это экономическое вменение нужно, согласно теории австрийцев, отличать от всякого иного «вменения»: правового, морального, физического. Ошибка прежних теоретиков заключалась в том — говорит Визер — что «они хотят узнать, какую долю общего продукта, взятого физически, создал каждый фактор. Этого же узнать нельзя»¹⁾. Аналогичную позицию занимает и Бем-Баверк, который в данном вопросе вполне соглашается с Визером²⁾. При распределении ценностей между различными частями группы возникают разнообразные соотношения, которые зависят, как выражается Бем, «от казуистических особенностей данного случая». Рассмотрим вместе с Бем Баверком три основных случая.

I. *Данные блага способны приносить пользу только при совместном действии и не могут замещаться.* В таком случае каждая вещь является носителем совокупной ценности всей комплементарной группы.

II. *Отдельные члены группы могут быть употреблены иначе, вне данной комплементарной группы.* «В подобных случаях ценность отдельной вещи... колеблется уже не между «ничем» и «всем», а только между величиною предельной пользы, которую может принести эта вещь при изолированном употреблении, как минимумом, и величиною комбинированной предельной пользы за вычетом из нее изолированной предельной пользы остальных членов, как максимумом»³⁾. Пусть три блага А, В, С приносят при совместном употреблении пользу, выражаемую цифрой 100; пусть вне комплементарной группы (т.е. при другом способе употребления) их «изолированная

¹⁾ Sie wollen erfahren, welchen Anteil des gemeinsamen Productes physikalisch genommen, jeder Faktor hervorgebracht hat, oder von welchem Teile der Wirkung jeder die physische Ursache sei. Das aber nicht zu erfahren“ (Wieser: „Der nat. Wert“, s. 72). *Опыт», I. с. т. II Москва. 1916*

²⁾ См. „Основы“, стр. 91; Kapital и Kapitalzins“, В II, Teil I, s. 28; Fussnote: „der physikalische Anteil wäre meistens schlechterdings nicht zu berechnen... ist aber auch ganz gleichgültig. Dagegen lässt sich meistens ganz gut feststellen, welchen Betrag vom Nutzen oder vom Werte man hätte entbehren müssen, wenn man einen bestimmten einzelnen Faktor nicht besessen hätte—und diese durch den Besitz oder das Dasein eines Faktors bedingte Quote nenne ich den wirtschaftlichen Anteil des selben am Gesamtprodukt“.

³⁾ «Основы», стр. 86.

ценность» такова: для А—10, для В—20, для С—30. Тогда «изолированная ценность» А равна 10; наоборот, ценность А в качестве члена комплементарной группы (предполагается случай «потери» А и вызываемого этой «потерей» распада группы) будет равняться выражению $100 - (20 + 30)$, т.-е. 50.

III. Часть членов группы может замещаться. Тут вступает в силу принцип субституции. Общая формула для такого случая такова: «Ценность могущих замещаться членов комплементарной группы, независимо от их конкретного комплементарного употребления, устанавливается на определенной высоте, на которой она остается для них и при распределении общей ценности группы между отдельными членами. Распределение это совершается таким образом, что из общей ценности целой группы, ценности, определяющейся предельною пользою, получаемую при комбинированном употреблении, — выделяется прежде всего неизменная ценность могущих замещаться членов, а остаток, — колеблющийся смотря по величине предельной пользы, — приходится, в качестве их изолированной ценности, на долю тех членов, которые замещаться не могут»¹⁾.

Такова, в общих чертах, теория «экономического вменения». Несомненно, что «вменение» ценности продукта различным производственным факторам есть некоторый реально протекающий психологический процесс²⁾. Поскольку мы имеем перед собою индивидуально-психологические явления, «оценки» и т. д., постольку находит себе место и отнесение

¹⁾ Ibid. 89.

²⁾ Wenn man nach der wirtschaftlichen Praxis urteilen darf, so gibt es eine Regel der Aufteilung. Niemand bleibt praktisch dabei stehen, das der Ertrag allen erzeugenden Faktoren zusammen zu danken sei, Jeder mann versteht und handhabt, wenn auch mehr oder minder vollkommen die Kunst der Ertragsaufteilung. Ein guter Geschäftsmann muß wissen und weiss, was ihm ein guter Arbeiter erbringe, wie sich eine Maschine rentiere, wie viel er sich auf den Rohstoff zu rechnen habe, welchen Ertrag das, und welchen jenes Grundstück liefere. Wüsste er das nicht, vermöchte er nur im Ganzen, in Bausch und Bogen, Einsatz und Erfolg der Produktion zu vergleichen, so hätte er ganz und gar keine Auskunft, falls der Erfolg hinter dem Einsatz zurückbleibe. (Wieser: „Der nat Wert“, s. 70—71).

ценности продукта на счет различных „факторов“¹⁾. Другой, конечно, вопрос — может ли исследование этих явлений привести к удовлетворительному разрешению проблемы. Для нас достаточно рассмотреть наиболее типичный случай, а именно тот, когда решающим является приращение субституционных оценок. Прежде всего, *какая „ценность продукта“* вменяется комплементарной группе? Что представляет она из себя в глазах капиталиста?

Выше мы видели, что даже Бем-Баверк сводит оценки товаров их капиталистическими товаропроизводителями почти к нулю. Предельная польза товаров для капиталиста не существует, как норма его оценки. С другой стороны, нелепо говорить о какой-нибудь „социальной“ предельной полезности²⁾. То, о чем может говорить в данном случае капиталист (и о чем он говорит в действительности), то, что он „относит“ то к одной, то к другой части своего производственного капитала, есть не что иное, как *цена продукта*. Значит, введение того или иного производственного фактора, того или другого члена комплементарной группы зависит, прежде всего, от *цены продукта, а вовсе не от его предельной пользы*, как это утверждает Бем-Баверк. Далее. В нашем типичном случае члены комплементарной группы могут замещаться, т. е. их можно во всякое время купить на рынке. Нашему капиталисту опять-таки отнюдь не безразлично, за сколько он может купить ту или иную машину, за сколько он может нанять рабочего и т. д. Другими словами, его очень интересует *рыночная цена средств производства* и в зависимости от нее он то вводит новые машины, то предпочитает нанимать добавочные рабочие руки, то расширяет, то сокращает производство. Наконец, сюда

¹⁾ Оговариваясь, что это верно лишь постольку, поскольку мы описываем индивидуальную психологию товаропроизводителя. Вопрос стоит совершенно иначе, если мы становимся на общественную точку зрения. Тогда все «экономическое вменение» может касаться лишь общественного труда. Эти две точки зрения отчетливо различались Марксом (ср., напр., расчеты прибыли на *весь* капитал, а не на его переменную часть). Нам кажется, что *Т. Н. (Parvus)* в своей остроумной критике теории прибыли Бема это различие упускает. См. его: „Ökonomische Taschen-Rechnerei“, Neue Zeit, Jahrg. X.

²⁾ ... allein in der Verkehrswirtschaft gibt es nicht, was einem solchen sozialen Grenznutzen entspräche“. [*J. Schumpeter*: „Bemerkungen über das Zurechnungsproblem“. Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung“, Band. 18 (1909), s. 102].

приводит иногда и иная категория: объективно-данных экономических величин, а именно, высота процента. В самом деле, как, напр., оценивает землевладелец свою землю? По Бем-Баверку, эта оценка совершается таким образом: „из общей суммы дохода вычитаются прежде всего „издержки производства“ („расходы на способные замещаться производительные средства данной субституционной ценности“¹⁾). Остаток землевладелец „относит“ на счет своей земли²⁾. Это есть то, что называют рентой, капитализацией которой дается цена земли. Что именно так, т. е. путем капитализации ренты, оценивается каждый участок—не приходится доказывать: любой практический случай подтверждает эту мысль. Однако, подобная расценка предполагает данной *высоту процента*, от которой всецело зависит результат капитализации.

Мы видим, таким образом, что Бем-Баверк неверно описывает даже фетишистскую психологию «производителя», исключая из нее «объективные» моменты, которые в ней даны всякий раз, как мы предполагаем товарное производство и—в еще большей степени—капиталистическое товарное производство.

Теория «экономического времени» служит у представителей австрийской школы непосредственным переходом к теории распределения. Поэтому мы оставляем здесь ряд затрагиваемых Бем-Баверком вопросов, чтобы вернуться к ним при разборе его теории прибыли³⁾.

5. Ценность производительных благ. Издержки производства.

Классическая школа политической экономии, равно как и Маркс, при анализе составных частей ценности продуктов

¹⁾ Бем-Баверк: „Основы“, стр. 90.

²⁾ Там же.

³⁾ Разногласия между Визером и Бем-Баверком в вопросе о «вмещении» основаны, гл. образом, на том различии, которое разделяет обоих теоретиков в их взгляде на *ценность суммы благ* и о котором мы упоминали выше, в соответств. месте. Об этом смотри Böhm-Bawerk: „Kapital und Kapitalzins“, B. II, Teil II, Exkurs VII. Аналогичную критику Визера, в связи с критикой понятия „Gesamtwert“, дает также J. Schumpeter в уже цитированных нами „Bemerkungen über das Zurechnungsproblem“. (Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung, Band. 18).

потребления сводила эту ценность в значительной мере к ценности затраченных средств производства; какие конкретные формы ни принимал этот анализ, все же общей мыслью, лежавшей в основе его, была та мысль, что определяющим фактором ценности *свободно воспроизводимых* благ является ценность средств производства. Наоборот, по учению австрийских теоретиков «их (т. е. произв. благ.) ценность равна <ожидаемой ценности ожидаемой>», выраженной в потребительных благах. И в этом, собственно, заключается действительная основная мысль новой системы политической экономии в противоположность к классической. Она заключается в том, что мы, исходя из ценности потребительных благ, базируем на этом теорию образования цены объясняя ценность производительных благ (что необходимо в данном случае) таким образом, что выводим ее из ценности потребительных благ? ¹⁾ Изложим более подробно эту «основную мысль». Бем-Баверк, по примеру Менгера (вернее, Госсена) делит все блага, вообще, на разряды по степени их большей или меньшей близости к процессу потребления. Таким образом, у нас имеются, во-1, *потребительные* блага; во-2, те *производительные* блага, которые непосредственно соприкасаются с данными потребительными благами, или «*производительные блага первого разряда*»; затем следуют средства производства благ первого разряда, или «*производительные блага второго разряда*», и т. д. Последние блага называются благами «*высшего*» или «*отдаленного порядка*». Чем же определяется ценность этих благ «*высшего порядка*»? Бем рассуждает следующим образом. Всякое благо—а, следовательно, и любое благо «*высшего порядка*», т. е. любое средство производства—может приобретать ценность только в том случае, если оно (прямо или косвенно) удовлетворяет какую-нибудь потребность. Предположим, что у нас имеется потребительное благо А, которое является в результате приме-

¹⁾ ... Ihr Wert ist gleich dem „erwarteten Werte des erwarteten Ertrages“ an Genussgütern. Und darin nun liegt der wahre Grundgedanke des neueren Systems der Oekonomie im Gegensatz zu dem der Klassiker. Er liegt darin, dass wir, vom Werte der Genussgüter ausgehend, die Theorie der Preisbildung darauf basieren und uns den Wert der Produktgüter, den wir bei diesem Vorgehen ja auch brauchen, dadurch verschaffen, dass wir ihn aus dem der Genussgüter ableiten“. J. Schumpeter, „Bemerkungen“..., s. 83).

ния ряда производительных благ (G_2, G_3, G_4 (цифры 2, 3, 4 обозначают «разряд» благ, т. е. степень их удаленности от потребительного блага А). Ясно, что от блага (G^1 зависит получение предельной пользы продукта А. «Стало-быть, от группы (G_2 зависит, точно так же, как и от самого заключительного продукта А, предельная польза этого последнего» ¹⁾). Рассуждая аналогичным образом, Бем-Баверк приходит к следующему заключению:

«От всех переходящих одна в другую групп производительных средств более отдаленного порядка зависит одна и та же выгода, в смысле благополучия, именно, предельная польза их заключительного продукта» ²⁾.

Таким образом, «прежде всего и непосредственно величина предельной пользы отпечатывается в ценности заключительного продукта. Ценность заключительного продукта служит основой для определения ценности той группы материальных благ, непосредственным продуктом которой он является, ценность этой группы — основой для ценности группы материальных благ третьего порядка, а эта последняя — для ценности группы четвертого порядка. Таким образом, от одной группы к другой изменяется название элемента, которым определяется ценность, но под различными именами действует одна и та же сущность: это — предельная польза заключительного продукта» ³⁾. Так обстоит дело, если мы не привикаем во внимание того обстоятельства, что одно и то же средство производства может служить (и обыкновенно служит) для изготовления различных потребительных ценностей. Предположим, что производительное благо (G^2 может быть употреблено в трех производственных отраслях, при чем получаются продукты А, В, С с соответственной предельной полезностью в 100, 120, 200 единиц ценности. Рассуждая точно так же, как и при анализе ценности потребительных благ, Бем-Баверк строит вывод, что потеря одной группы производительных благ категории G^2 приводит к сокращению той отрасли производства, которая дает продукт с наименьшей предельной полезностью. Отсюда выводится следующее положение:

«Ценность единицы производительных средств определяется предельною пользою и ценностью продукта.

¹⁾ Бем-Баверк, Основы стр., 95—96).

²⁾ Ibid., стр. 96.

³⁾ Ibid., стр. 97.

имеющего наименьшую предельную пользу среди всех продуктов, на производство которых хозяйственный расчет позволил бы употребить эту единицу производительных средств¹⁾. Это закон объясняет, по мнению Бем-Баверка, и „классический“ закон издержек производства. А именно, ценность тех благ, предельная полезность которых не является наименьшею предельной полезностью (в нашем примере группы В и С) будет определяться не их предельною полезностью, а ценностью средств производства („издержки производства“), которая, в свою очередь, определяется ценностью и предельной полезностью «предельного продукта» („Grenzprodukt“), т. е. продукта, предельная польза которого оказывается наименьшею. Здесь действует, таким образом, принцип субституции, о котором мы говорили выше. Итак, для всех видов „родственных по производству“²⁾ благ, за исключением „предельного продукта“ определяющим фактором являются издержки производства („определяющим элементом является ценность производительных средств, а определяемым — ценность продукта“ — см. стр. 105); но эта последняя величина, т. е. ценность средств производства, сама определяется ценностью предельного продукта, его предельной полезностью. „В последнем счете“ определяющей величиной является предельная полезность, а закон издержек производства — „частным законом“, так как „издержки производства являются не окончательным, а всегда лишь промежуточным фактором, которым определяется ценность материальных благ“³⁾.

Таким образом в общих чертах теория ценности производительных благ, развиваемая новой школой. Перейдем к критике этого построения, начиная с его «основной мысли» о зависимости ценности средств производства от ценности продукта⁴⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 103.

²⁾ „Produktionsverwandte Güter“ так называет Бем-Баверк блага, которые производятся при помощи одинаков. средств производства.

³⁾ Ibid., 106—107.

⁴⁾ Мы будем иметь здесь ввиду воспроизводимые „блага“. Теория невоспроизводимых благ (их цены, а не ценности, если держаться терминологии Маркса) потребовала бы специальной разработки. По нашему мнению, важна именно теория ценности свободно воспроизводимых благ, т. к. здесь лежит линия всего общественного развития, а вскрыть законы последнего — и есть основная задача политической экономии. Образцом теории цены невоспроизводимых благ является марксова теория ренты в связи с вопросом о цене земли.

Самым важным эмпирическим фактом, легшим в основу «старой» теории, гласившей, что издержки производства являются фактором, определяющим ценность (resp. цену) продукта, был факт падения товарных цен, в связи с техническим прогрессом. Связь между сокращением издержек производства и падением товарных цен казалась совершенно ясной. И это явление необходимо прежде всего предъявить Бем-Баверку в качестве пробного камня его собственной теории.

По этому поводу Бем-Баверк рассуждает следующим образом.

Предположим, — говорит он — что открыты новые залежи медной руды. Тогда это обстоятельство влечет за собой (если не предполагать соответственно большого роста спроса) падение ценности продуктов, изготавливаемых из меди. Толчок исходит, таким образом, из сферы производительных благ. Но это не значит — утверждает Бем — что первопричиной является падение ценности меди. По Бему дело происходит так: увеличивается количество меди, что влечет за собой увеличение количества продуктов, изготавливаемых из нее; последнее обстоятельство сопровождается падением ценности этих продуктов, а это падение ценности продукта имеет следствием падение ценности производительного блага (меди) ¹⁾.

Рассмотрим это положение более подробно. Прежде всего, совершенно ясно, что всякое производительное благо до тех пор может иметь ценность (в каком бы смысле мы ни употребляли последнее понятие: в смысле ли объективной цен-

¹⁾ Приведем это интересное место полностью: „Ich habe indes oben absichtlich von „Ursachen“ gesprochen, „die auf Seite der Produktivgüter einsetzen“, und nicht von „Ursachen, die auf Seite des Wertes der Produktivgüter einsetzen“. Denn mir scheint, dass, wenn auch der kausale Anstoß von Umständen ausgegangen ist, die sich auf Seite der Produktivgüter zutragen, die weitere kausale Verkettung eine solche ist, dass der Wert der Produktivgüter in derselben nicht vor, sondern hinter dem Wert der Produkte steht. Die größere Häufigkeit eines Produktivmittels ist (indirekt) Ursache des geringeren Wertes des Produktes; aber der eben falls indirekt hieraus entspringende geringere Wert des Produktivmittels ist trotzdem nicht Ursache, sondern Folge des geringeren Wertes der Produkte. Die Verkettung ist nämlich die folgende: Die vergrößerte Menge von (Kupfererzen und) Kupfer führt zu einer größeren Menge von Kupferprodukten. Diese bewirkt eine stärkere Sättigung der nach Produkten dieser Art bestehenden Bedürfnisse; dadurch rückt ein minder wichtiges Bedürfnis in die Stelle der «abhängigen Bedürfnisse», dadurch wird der Grenznutzen und Wert der Kupferprodukte, und weiterhin endlich der durch ihn vermittelte Grenznutzen und Wert des Produktivgutes Kupfer herabgedrückt. (Böhm-Baверк, *Kapital und Kapitalzins*, II, Teil, II, Exkurs VIII, s. 257).

ности Маркса, или в смысле субъективной ценности Бем-Баверка), пока оно является действительно производительным благом, т.-е. средством для производства какого-либо полезного предмета. Только в этом смысле можно говорить о ценности продукта, как о „причине“ ценности производительного блага ¹⁾. Совсем другое получается, если мы под «причиной» будем разуметь именно „kausaler Anstoss“ (см. своску).

Этот kausaler Anstoss идет, как мы видели, из сферы производительных благ. Возникает вопрос, идет ли речь здесь—как думает Бем—только о количестве средств производства, или же наряду с увеличением этого количества тем самым дано и уменьшение ценности средств производства (в последнем случае ценность продукта была бы определяемой величиной). Несомненно, что *противопоставлять* количество средств производства ценности их нет ровно никаких оснований ²⁾. Прежде всего, бросается в глаза то обстоятельство, что падение ценности (т.-е., в сущности говоря, *цены*; об этом ниже) производительных благ происходит хронологичеки ранее, чем падение ценности продуктов потребления. На рынке всякий появляющийся товар представляет не только известное

¹⁾ Точно выражаясь, это—не причина, а *условие*. Непонимание этого влечет за собою такую же путаницу, какую в области социологии влечет теория взаимодействия. Ср. напр., у Дитцеля: «Diese Alternative (т.-е. что является причиной, ценность ли издержек производства, или ценность продукта Н. Б.) aber besteht nicht Sondern Wert der Produktivgüter und Wert der Genussgüter bedingen sich wechselseitig. Kein Produktivgut hat wirtschaftlichen Wert, dessen Produkte (Genussgüter) wertlose—nutzlose und in Ueberfülle vorhandene Objekte... waren. So erscheint der Wert des Produktes als Ursache des Wertes des Produktivguts. Kein Produkt (Genussgut) hat wirtschaftlichen Wert, dessen Produktivgut (oder dessen Produktivgüter) wertlose—nutzlose und in Ueberfülle vorhandene Objekte... wären. So erscheint der Wert des Produktivguts als Ursache des Wertes des Produktes». (Heinrich Dietzel. «Zur klassischen Wert- und Preistheorie» Conrads Jahrbücher, 3. Folge, I. Band, s. 694)

²⁾ Böhm-Bawerk... meint, nicht der Wert, sondern die Häufigkeit des Produktivmittels setze in solchen Fällen (indirekt) den Wert des Produktes herab. Das ist sehr fein gedacht. Aber es ist jedenfalls nicht wahrer als der Satz: Nicht der Wert des Produktes, sondern das Bedürfniss nach dem Produkt wirkt auf den Wert der Produktivmittel zurück. Gewiss ist der Gegensatz; nicht der Wert, sondern die Häufigkeit, nicht zwingend: Die Häufigkeit der Produktivgüter wirkt nur dann auf den voraus sichtlichen Wert des Produktes, und zwar auf dessen voraussichtliche Menge, wenn sie zuvor auf den Wert des Produktivmittels 'gewirkt' hat oder doch diese Wirkung voraus zuschen ist. Sie wirkt nicht, wenn diese Wirkung auf den Wert des Produktivmittels durch ein Kartell oder durch eine gesteigerte Nachfrage in einem anderen Zweige der Verwendung des Produktivmittels ausgeschaltet ist» (Dr. Karl Adler: «Kapitalzins und Preisbewegung». Verl. von Dunker und Humblot, München u. Leipzig, 1913, s. 13—14, Fussnote).

количество предметов, но известную ценностную величину. И выброшенная в избыточном количестве медь повышается в цене еще задолго до того, как повызятся цены на выделяемые из меди продукты. Правда, и на это у Бем-Баверка имеется возражение. А именно, он указывает на то обстоятельство, что ценность благ «высшего порядка» управляется не той ценностью благ «высшего порядка», какую они имеют в данный момент, а той, которую они *будут иметь* при увеличившемся количестве вступивших в производственную сферу средств производства ¹⁾. Однако, если вообще расстояние между средствами производства и продуктами потребления настолько велико, что даже сами сторонники теории предельной полезности сомневаются в правильности положения о зависимости ценности производительных средств от ценности продукта ²⁾, то в данном случае, при изменении количества производительных средств, выброшенных на рынок, совершенно очевидно, что установить такую зависимость, о которой говорит Бем, нельзя. Здесь мы можем противопоставить утверждениям Бем-Баверка его же собственные положения, вполне достаточные для того, чтобы выяснять данный вопрос... «Если мы исследуем» — пишет Бем — «какую ценность имеют... производительные средства, то найдем, что ценность эта определяется прелестью пользою предельного продукта А. Впрочем, в очень многих случаях нам не представляется необходимости заниматься такого рода исследованием. В очень многих случаях мы уже заранее знаем ценность производительных средств, не выводя ее шаг за шагом из ее источника»... В примечании к этому месту мы находим следующее добавление: «В особенности существование разделения труда и обмена много способствуют тому, что и ценность промежуточных продуктов нередко (!) устанавливается самостоятельно» ³⁾.

К сожалению, Бем-Баверк не развивает своей мысли и не показывает нам, почему разделение труда и обмен оказывают такое решающее влияние на установление «самостоятель-

¹⁾ Ср. *Lehrkurs VIII* (Wert und Kosten), s. 258, Fussnote.

²⁾ *Schäffling*: „Grenznutzentheorie und Grenzwertlehre“. Conra's Jahrbücher, III F., Bd. 27, s. 25: „Die ganze Kette wird zu lang, als dass man diese Berechnung durchführen könnte“.

³⁾ *Бем-Баверк*, „Основы“, стр. 105—106; примеч. на стр. 106. Курсив наш.

ности» ценности производительных благ. В действительности, дело происходит следующим образом: современное общество есть огнюдь не гармонически-развитое целое, где производство планомерно приспосабливается к потреблению; производство и потребление оторваны теперь друг от друга, это два различных полюса экономической жизни; оторванность производства от потребления выражается, между прочим, и в таких хозяйственных потрясениях, как кризисы. Сами агенты производства огнюдь не ставят оценок своих продуктов в зависимость от «предельной полезности» — так обстоит дело, как мы видели выше, даже с продуктами потребления; еще ярче проявляется та же черта в сфере производства средств производства. Анархически построенное общество, связность отдельных производственных частей которого огнюдь не есть *планомерная* связность, в конечном счете регулируемая общественным потреблением, ведет неизбежно к тому положению вещей, которое можно условно охарактеризовать, как «производство для производства». А последнее обстоятельство, в свою очередь, формирует психику агентов капиталистического производства (анализ которой и составляет задачу Бем-Баверка) совершенно иначе, чем предполагает этот последний. В самом деле, начнем с оценок продавцов средств производства. Это — капиталисты, капиталы которых вложены в те отрасли производства, которые занимаются изготовлением средств производства. Чем определяется оценка производимых средств производства со стороны владельца данного предприятия? Конечно, он оценивает свой товар («производительные блага») огнюдь не по предельной полезности продукта, производимого при помощи этого товара; он оценивает свой товар в зависимости от той *цены*, которую он может получить за него на рынке; другими словами, он оценивает его в терминах Бэма, по субъективной *меновой* ценности ¹⁾. Предположим теперь, что у данного «производителя» вводится новая техника и расширяется производство; теперь он в состоянии будет выбросить большую массу своего товара — средств производства — на рынок. В какую сторону изменится при этом оценка единицы товара? Она,

¹⁾ «Высотой рыночной цены, какую может получить, каждый производитель за свой продукт, определяется высота субъективной (менной ценности), какую он придает продукту»... (Бем-Баверк. Основы, стр. 208).

конечно, понизится. Но понизится она в его глазах не потому, что падут цены на продукты, изготавливаемые из его товара, а потому, что он будет стремиться понизить эти цены, чтобы путем пониженных цен отбить покупателей у своих конкурентов и тем самым получить большую массу *прибыли*.

Обратимся теперь к другой стороне, к покупателям. В нашем случае покупателями будут капиталисты из того подразделения промышленности, которое производит средства потребления при помощи средств производства, покупаемых у капиталистов первого подразделения (производство средств производства). Оценка их будет, конечно, *считаться* с предполагаемой ценой продукта; но эта предполагаемая цена продукта может, в крайнем случае, служить лишь верхней границей; практически оценка средств производства всегда ниже, и та величина, на которую понижается оценка средств производства со стороны покупателей, в нашем примере есть не что иное, как некоторый корректив к прежней цене, вызванный появлением на рынке большего количества этих средств производства.

Такова действительная, а не выдуманная психология агентов товарного производства. На деле, следовательно, ценность средств производства устанавливается более или менее самостоятельно, и изменение ценности средств производства происходит хронологически ранее, нежели изменение ценности продуктов потребления. Анализ, следовательно, необходимо вести так, чтобы исходным пунктом были именно ценностные изменения в сфере производства средств производства.

Здесь следует отметить одну очень важную логическую ошибку. Выше мы видели, что ценность средств производства определяется, по Бем-Баверку, через ценность продукта; «в конечном счете» решающим моментом является предельная полезность предельного продукта. Чем же определяется высота этой предельной пользы? Мы знаем уже, что высота предельной пользы находится в обратном отношении к количеству оцениваемого продукта; чем больше единиц данного рода благ, тем ниже падает оценка каждой единицы «запаса» и обратно. Естественно возникает вопрос о том, чем же определяется, в свою очередь, это количество. А на это наш профессор отвечает: «Масса предназначенных для продажи товаров сама... определяется... в особенности *высотой издержек произ-*

водства. Чем выше издержки производства данного товара... тем относительно ниже число экземпляров этого товара¹⁾. Таким образом, получается следующее «объяснение»: ценность производительных благ («издержки производства») определяются через ценность продукта; последняя зависит от количества продукта; количество продукта определяется издержками производства. Короче, издержки производства определяются издержками производства, а мы снова видим перед собой одно из «важущихся объяснений», которыми так богата теория австрийской школы. Бем-Баверк попадает в тот самый ложный круг, в котором, по его совершенно справедливому утверждению, находится до сих пор старая теория издержек производства²⁾.

В заключение скажем еще несколько слов об общей формуле, которую Бем дает для ценности средств производства. Как мы знаем, «ценность единицы производительных средств определяется предельною пользою и ценностью продукта, имеющего наименьшую предельную пользу среди всех продуктов, на производство которых *хозяйственный расчет* позволил бы употребить эту единицу производительных средств». Если мы возьмем теперь капиталистическое производство, то тотчас же увидим, что «хозяйственный расчет», о котором говорит Бем-Баверк, предполагает уже заранее данной категорию *цены*³⁾. Это опять-таки ошибка, «имманентная» всей австрийской школе, и вытекающая, как мы подробно доказывали выше, из непонимания роли общественных связей в образовании индивидуальной психологии современного «экономического человека».

Б. И т о г и.

Мы можем подвести итог разбору теории субъективной ценности, вкратце разобрав ту теорию *цены*, которая пред-

¹⁾ «Основы», стр. 183—184.

²⁾ (р. с этим Н. Шапошников. Теория ценности и распределения», стр. 37, 38. Там же ссылка на Stolzmann'a и Мануилова.

³⁾ Ср. G. Eckstein, в «Neue Zeit», XXVIII Bd. I. s. 371. Бем сам пишет: «Лесоторговец желающий купить лесу на клепки для бочек, очень быстро справится с определенным ценностью, какую имеет для него лес: он высчитает, сколько клепок можно из него сделать, а что стоят клепки... в данный момент на рынке, это ему уже известно; об остальном ему беспокоиться нечего». (Б. м. Баверк, Основы, стр. 97—98). Лесоторговец, конечно, «справится» и «беспокоиться ему нечего». Но вот Беме сказать этого отнюдь нельзя.

лагается нам со стороны австрийской школы. В самом деле, ведь, цена рассматривается Бем-Баверком, как некоторая результирующая субъективных оценок, сталкивающихся в процессе обмена на рынке. При выводе этой равнодействующей Бем-Баверку приходится насчитывать ряд факторов, принимающих участие в ее образовании, которые касаются, главным образом, *содержания* ч. т.-е. числовой определенности, субъективных оценок, борющихся на рынке покупателей и продавцов. Вскрывая противоречивость и негодность утверждений Бема относительно этих «факторов», мы кратко суммируем те критические замечания, которые были подробно развиты в предыдущем изложении.

Но предварительно нам следует несколько остановиться на том изображении *механизма* менового процесса, которое дает Бем-Баверк. Бем-Баверк рассматривает процесс обмена в порядке возрастающей сложности его условий; здесь у него получается 4 случая: во 1-х, изолированный обмен; во 2-х, одностороннее соперничество между *покупателями*; в 3-х, одностороннее соперничество между *продавцами* и, наконец, в 4-х, «обоюдное соперничество», т.-е. тот случай, когда налицо имеется и конкуренция между продавцами, и конкуренция между покупателями.

Для первого случая (изолированный обмен) получается очень простая формула; а именно, «при изолированном обмене между двумя лицами цена устанавливается в пределах между субъективной оценкой товара со стороны покупателя, как максимумом, и оценкою товара со стороны продавца, как минимумом»⁽¹⁾.

Для второго случая (конкуренция между одними покупателями) Бем Баверк дает такую формулу: «При одностороннем соперничестве между покупателями продаваемую вещь покупает наиболее сильный конкурент, то-есть тот, который оценивает вещь, по отношению к предлагаемому в обмен товару, всего выше, а цена движется между оценкой вещи купившим ее конкурентом, как максимумом, и оценкой ее самым сильным из остальных побитых конкурентов, как минимумом, — при чем сохраняет свое значение и другой,

⁽¹⁾ «Основы», стр. 145.

второстепенный минимум цены, заключающийся в оценке продаваемой вещи самим продавцом²⁾.

Аналогичное положение имеется и в третьем случае, т. е. при одностороннем соперничестве между продавцами: а именно, здесь пределы, в которых будет колебаться цена, определяются *наименьшей* оценкой со стороны самого сильного (или, как выражается Бем, обладающего «наибольшей обменоспособностью») продавца и той оценкой, которая имелаась у наиболее сильного из *побитых* конкурентов.

Наибольший интерес представляет, конечно, четвертый случай, т. е. конкуренция и между продавцами, и между покупателями. Этот случай играет роль типичного примера меновых сделок при сколько-нибудь развитом меновом хозяйстве. Для этого случая Бем дает схему, где имеется десять покупателей, из которых каждый хочет купить одну лошадь, и восемь продавцов, из которых каждый хочет продать одну лошадь. Цифры обозначают числовую величину соответствующей оценки.

Покупатели: Продавцы:

A ₁ оценивает лошадь в 300 флор.	B ₁ оценив свою лошадь в 100 фл.
A ₂ " " " " 260 " "	B ₂ " " " " 110 " "
A ₃ " " " " 260 " "	B ₃ " " " " 150 " "
A ₄ " " " " 240 " "	B ₄ " " " " 170 " "
A ₅ " " " " 220 " "	B ₅ " " " " 200 " "
A ₆ " " " " 210 " "	B ₆ " " " " 215 " "
A ₇ " " " " 200 " "	B ₇ " " " " 250 " "
A ₈ " " " " 180 " "	B ₈ " " " " 260 " "
A ₉ " " " " 170 " "	
A ₁₀ " " " " 150 " "	

Пусть покупатели начинают с цены в 130 флоринов. Ясно, что по такой цене могли бы купить лошадей все 10 покупателей, тогда как со стороны продавцов только двое (B₁ и B₂) могли бы согласиться на подобную сделку. При таких условиях очевидно, что меновой акт не может реализоваться, ибо продавцы неминуемо будут пользоваться конкуренцией между покупателями, и цена должна будет идти вверх; точно так же и конкуренция между покупателями не позволила бы только *двум* покупателям совершить сделку на 130 фл. При дальнейшем повышении цены число конкурентов со стороны покупателей должно сокращаться. В самом

²⁾ Ibid., 146—147.

деле, при цене в 150 фл. отпадает покупатель A_{10} , при цене в 170 фл. отпадает A_9 и т. д. Но, с другой стороны, чем более сокращается число покупателей, тем более возрастает число продавцов, которым возможно, с точки зрения хозяйственного расчета, принять участие в меновом акте. При цене в 150 фл. может продать лошадь и B_3 ; при цене в 170 фл. — B_4 и т. д. При цене в 200 фл. конкуренция между покупателями еще продолжает действовать. Положение дел принимает, однако, другой оборот при дальнейшем повышении. Пусть цена поднимается выше 210 фл. Тогда спрос и предложение взаимно уравниваются. Выше 220 цена подняться не может, ибо тогда был бы исключен покупатель A_5 , и конкуренция между продавцами заставила бы цену понизиться; в нашем конкретном случае цена не может, в сущности, подняться и до 215, так как тогда на 6 продавцов приходилось бы всего 5 покупателей. Таким образом, цена устанавливается в границах между 210 и 215 флоринами.

Отсюда следует: во-1-х, что «совершить меновую сделку, т. е. купить или продать, действительно удастся с той и с другой стороны конкурентам, обладающим наивысшей обменоспособностью, а именно, — тем из покупателей, которые оценивают товар всего выше, ($A_1—A_5$), и тем из продавцов, которые оценивают товар всего ниже ($B_1—B_5$)»¹⁾.

Во-2-х, «В меновую сделку фактически вступает с той и с другой стороны столько лиц, сколько получается пар., если разместить попарно желающих купить и продать по степени их обменоспособности, в нисходящем порядке, — пар., из которых в каждой покупатель оценивает товар, по отношению отдаваемой в обмен на него вещи, выше, нежели продавец»²⁾.

В-3-х, «При обоестороннем соперничестве гравиллы, в пределах которых устанавливается рыночная цена, определяются

¹⁾ «Основы», стр. 154.

²⁾ Ibid, стр. 155—156. Под «обменоспособностью» (Tauschfähigkeit) Бем-Баверк разумеет отношение между оценками получаемой и отдаваемой вещи. «Так, образом, вообще говоря, наивысшей обменоспособностью обладает тот из участников, который оценивает свою собственную вещь всего ниже по отношению к другим обмениваемым вещам» или: «что то же самое, — который оценивает нужную вещь всего выше по отношению к предлагаемой за нее собственной вещи». (Основы, 143)

сверху — оценками последнего из фактически вступающих в меновую сделку покупателей и наиболее сильного по своей обменоспособности из устраненных конкуренцией с рынка продавцов, а снизу — оценками наименее сильного по обменоспособности из фактически заключающих меновую сделку продавцов и наиболее сильного по обменоспособности из не имеющих возможности вступить в меновую сделку покупателей»¹⁾. Если назвать выше определенные пары «предельными парами», то получится такая формулировка закона цен: *«Высота рыночной цены ограничивается и определяется высотой субъективных оценок товара двумя предельными парами»*²⁾.

Таков механизм конкуренция, т.-е. процесс образования цен, взятый с его формальной стороны. По существу дела, это не что иное, как развернутая формулировка давно известного закона спроса и предложения. Поэтому нас интересует гораздо более не эта формальная сторона дела, а самое содержание его, т.-е. количественная определенность менового процесса. Но предварительно еще одно небольшое замечание. Определяя «общие правила», которыми будут руководствоваться агенты обмена, Бем-Баверк формулирует три таких «правила»: «во-1, он (т.-е. участник меновой сделки. Н. Б.) вступает в меновую сделку вообще только в том случае, когда обмен приносит ему выгоду; во-2, он предпочтет скорее совершить сделку с большей, нежели с меньшей выгодой; в-3, наконец, он предпочтет совершить меновую сделку с меньшей выгодой, нежели совсем отказаться от обмена»³⁾. Из этих трех «общих правил» первое неверно. А именно, могут быть случаи, когда продавцы вступают в обмен, терпя убыток, и действуют по «правилу»: лучше меньший убыток, чем больший убыток. Это бывает в тех случаях, когда капиталисты вынуждены рыночной конъюнктурой продавать свой товар по цене, более низкой, чем издержки производства. Сам Бем-Баверк говорит в другом месте, что только «сентиментальный глупец» (sentimentaler Tor) отказался бы при таких условиях от продажи своего товара. Здесь первоначальная оценка продавца, с которой он является

¹⁾ Ibid., 156.

²⁾ Ibid., 157.

³⁾ Ibid., 140.

на рынок, отступает перед стихийной силой рыночной конъюнктуры и заставляет его заключать сделку с явным ущербом для его предприятия.

Перейдем теперь к факторам, определяющим—в рамках вышеописанного формального «закона цен»—высоту этих цен. Таких факторов Бем-Баверк насчитывает шесть: 1) число желаний или требований, относящихся к товару; 2) абсолютная величина объективной ценности *товара* для покупателей; 3) абсолютная величина субъективной ценности *денег* для покупателей; 4) количество товара, предполагаемого для продажи; 5) абсолютная величина субъективной ценности *товара* для продавцов; 6) абсолютная величина субъективной ценности *денег* для продавцов. Рассмотрим, чем, в свою очередь, определяется по Бем-Баверку каждый из этих факторов в отдельности.

1. *Число желаний, направленных на товар*. По поводу этого фактора Бем пишет: «Огносительно этого фактора мало можно сказать такого, что не разумелось бы само собою. На него оказывают, очевидно, влияние, с одной стороны—размеры рынка, с другой—характер данной потребности... Впрочем,—и это единственное замечание теоретического характера, которое нам придется здесь сделать,—не всякий желающий *обладать* товаром, в силу своей потребности в нем,—является вместе с тем и человеком, *желающим купить* этот товар... Бесчисленное множество людей, нуждающихся в известных материальных благах и желающих обладать ими, тем не менее добровольно (!) устраниаются от участия в обмене, так как у них оценка денег, при *предполагаемом состоянии цен на рынке* (наш курсив. Н. Б.), настолько превышает оценку товара, что они заранее оказываются лишены экономической возможности заключить меновую сделку»¹⁾. Таким образом, «число желаний» определяется, как число желаний вообще минус число заранее самоустраниющихся; а это последнее определяется в зависимости от *рыночных цен*, определение которых должно быть дано, в свою очередь, в зависимости от «числа желаний».

2. *Оценка товаров покупателями*. «Высота ценности» — пишет по данному пункту Бем-Баверк — «определяется, вообще,

¹⁾ Ibidem., 175

величиною предельной пользы¹⁾. Выше мы подробно разбирали это положение и нашли, что покупатели отнюдь не оценивают товаров по их предельной пользе. Корректив же самого Бем-Баверка — его теория *субституционной ценности* — есть не что иное, как теоретический круг.

3. *Субъективная ценность денег для покупателей.* Замечания Бем-Баверка по этому вопросу сводятся к тому, что, „вообще говоря, в глазах более богатых людей субъективная ценность денежной единицы будет меньше, в глазах более бедных — больше“²⁾. По существу же теория денег состоит в том, что субъективаная ценность денег — и для продавцов, и для покупателей — есть их субъективная *меновая* ценность, которая опять-таки зависит от слагающихся на рынке товарных цен. Таким образом, и этот „фактор образования цен“ объясняется через цены.

4. *Количество товара, предназначенного для продажи.* Здесь действуют, по Бем-Баверку, следующие причины: а) естественные условия (напр., ограниченное количество земли); б) социальные и правовые отношения (монополии всякого рода; с) „в особенности“ же — *высота издержек производства*. Но эта высота издержек производства не находит себе, как мы видели выше, никакого объяснения в теории Бем-Баверка, так как, с одной стороны, она *определяется* предельной полезностью продукта, а с другой стороны, она *определяет* эту последнюю.

5. *Субъективная ценность товара для продавцов.* Тут у Бема имеются две формулировки: первая — „непосредственная предельная польза и затем субъективная потребительная ценность, какую имеет один экземпляр в глазах продавца, в большинстве случаев бывают крайне низки“³⁾. Эта формулировка, как мы подробно доказывали выше, не соответствует действительности, т. к. оценка продаваемых товаров по полезности отсутствует совершенно, т. е. математически равна нулю. С другой стороны, очевидно, что продавцы *оценивают* свой товар, и оценивают вовсе не „крайне низко“. Тут выступает вторая формула Бема: „Высотой рыночной цены“ — пишет он в другом месте: „какую может по-

¹⁾ Ibid., 176.

²⁾ Ibid., 183.

³⁾ Ibid., 184—185.

лучить каждый производитель за свой продукт, определяется высота субъективной (меновой) ценности, какую он придает продукту¹⁾. Но эта формулировка теоретически еще менее состоятельна, так как уже самое понятие субъективной меновой ценности противоречиво: будучи основой для выведения цен, оно эти цены предполагает данными.

6. *Субъективная ценность денег для продавцов.* «К этому фактору» — гов. Бем-Баверк: «приложимо в общем все, что мы говорили выше относительно субъективной ценности денег для покупателей. Только у продавцов еще чаще, чем у покупателей, наблюдается то явление, что ценность, какую имеют в их глазах деньги, определяется не столько общим имущественным положением их, сколько специальными нуждами в наличных деньгах²⁾. Здесь следует, таким образом, различать два момента: во-1, оценку денег в зависимости от «общего имущественного положения»; она складывается, в свою очередь, из двух факторов: количества денег, имеющегося у их владельца и *товарных цен*; во-2, оценку денег в зависимости от «специальных нужд», т.-е. рыночной конъюнктуры, которая опять-таки есть не что иное, как известное состояние *рыночных цен*. Таким образом, специфическая природа денег, как меновой ценности, не позволяет объяснить явления денег с точки зрения полезности, и теория Бема должна неминуемо вертеться в ложном кругу.

«В продолжении всего процесса образования цены» — пишет Бем Баверк: «... нет ни одной фазы, нет ни одной черты, которая не сводилась бы, как к своей причине, к размерам субъективных оценок вещи участниками обмена, и потому мы с полным правом можем назвать рыночную цену *равнодействующей сталкивающихся на рынке субъективных оценок товара и той вещи, в которой выражается его цена*»³⁾. Однако, как мы видели в первой главе, такая точка зрения принципиально недопустима: она игнорирует основной факт общественной связи между индивидуумами. связи, которая дана заранее и которая формирует индивидуальную психику, заполняя ее общественным содержанием. Поэтому всякий раз, как теория Бема берет индивидуальные

¹⁾ Ibid., 205.

²⁾ Ibid., 185.

³⁾ Ibid., 159.

мотивы, чтобы из них вывести социальное явление, этот социальный элемент, в более или менее скрытом виде, вводится уже заранее, и все построение становится ложным кругом, сплошной логической ошибкой, которая только по видимости может служить объяснением, в действительности же демонстрирует лишь полную бесплодность новейшей буржуазной теории. В самом деле, при разборе теории цены выяснилось, что из шести „факторов“ образования ее ни один не получал у Бем Баверка удовлетворительного объяснения. Теория ценности Бем Баверка оказалась бессильной объяснить явление цены. Своеобразный фетишизм австрийской школы, который привязывает ее сторонникам индивидуалистические шоры и делает невидимыми для них диалектическую связь явлений, те общественные нити, которые тянутся от одного индивидуума к другому и только одни делают из человека „общественное животное“, — этот фетишизм убивает в корне всякую возможность познать „структуру современного общества“. Разработка этой проблемы по прежнему остается за школой Маркса.

Г Л А В А IV.

Теория прибыли.

1. Значение проблемы распределения. Постановка вопроса. 2. Понятие капитала. „Капитал“ и „прибыль“ в „социалистическом государстве“.
3. Общая характеристика капиталистического производственного процесса; образование прибыли.

Если, вообще, всякому отделу политической экономии суждено развиваться в различных направлениях в зависимости от того, кто разрабатывает данный отдел, то это положение особенно ярко и непосредственно видно на учении о распределении, в частности на теории прибыли. Вопрос этот почти непосредственно соприкасается с „практикой“ борющихся классов, он наиболее сильно затрагивает их интересы, и неудивительно, что как раз здесь свила себе прочное гнездо та весьма грубая, то, наоборот, удивительно утонченная, во все же легко отрываемая, апология современного общественного строя. С логической стороны, вопрос о распределении, который еще Рикардо считал за самый важный вопрос политической экономии¹⁾, имеет несомненно, первостепенное значение. Невозможно понять законы общественного развития, не анализируя—если брать современное общество—процесса воспроизводства общественного капитала, простого и расширенного. Одна из первых попыток понять движение капитала—мы разумеем знаменитую „Экономическую таблицу“ Кенэ—должна была поэтому отвести весьма значительное место проблеме распределения. Но даже если и не задаваться такими задачами, как познание механизма всего капиталистического производства в его целом и в его „полном общественном масштабе“, все же вопрос о распределении, взятый даже *an und für sich*, представляет громадный теоретический интерес. Каким законам подчиняется процесс распределения

¹⁾ См. Давид Рикардо: «Начала полит. экон.», пер. Н. Рязанова, предисловие.

ненностей между различными общественными классами; каковы законы прибыли, ренты, заработной платы; каково соотношение между этими категориями; от чего зависит в каждый момент их величина; и каковы тенденции общественного развития, определяющие эту величину, — вот основные вопросы, которые ставит себе теория распределения. Если теория *ценности* дает анализ основного и всеохватывающего явления товарного производства, то теория *распределения* должна дать анализ антагонистических социальных явлений капиталистического мира, классовой борьбы, которая облекается теперь в специфические формы, присущие товарному хозяйству. Как эта классовая борьба получает свою капиталистическую формулировку, т. е. другими словами, как проявляется она в форме экономических законов, — показать это и является задачей теории капиталистического распределения ¹⁾. Конечно, далеко не все так понимают задачи теории распределения. Уже в самой постановке вопроса можно различать два основных направления. „Здесь существуют“ — пишет один из новейших исследователей, Н. Шапошников — „две диаметрально противоположные точки зрения, из которых может быть правильной только какая-нибудь одна“ ²⁾. Это различие состоит в том, что одна группа экономистов ищет происхождения так-называемых „нетрудовых доходов“ в вечных и „естественных“ условиях человеческого хозяйствования, другая, наоборот, считает их следствием специфически-исторических отношений, говоря конкретно, видит здесь результат частной собственности на средства производства. Впрочем, однако, можно поставить шире, в более общей формулировке, так как речь идет, во-первых, не только о „нетрудовых“ доходах, но и доходах вполне «трудовых» (ибо, напр., понятие „заработной платы“ коррелятивно с понятием „прибыли“, оно логически возникает и падает вместе с ним); во-вторых,

¹⁾ Г. Струве из этой трудности делает невозможность. См. его статьи: «К критике основных понятий... пол. экон.», в «Жизни». См. также Н. Шапошников, в с. пред. словие. Подобный научный скептицизм по отношению к теории распределения можно найти уже в произведениях Берштейна («Die Verteilung des gesellschaftlichen Reichtums war zu allen Zeiten eine Frage der Macht und Organisation» — только; или: «Das Lohnproblem ist ein soziologisches Problem, das sich niemals rein ökonomisch wird erklären lassen»). Е. Bernstein «Theorie und Geschichte des Sozialismus», IV. Aufl., s. 75, 76, цит. у Lenin'a, I, с. 92.

²⁾ Н. Шапошников, I, с. 80.

можно поставить вопрос о формах распределения вообще, т. е. рассматривать не только капиталистическую форму распределения, но и общую зависимость форм распределения от форм производства. Если мы поставим этот последний вопрос, то анализ его обнаружит следующее. По своему функциональному значению процесс распределения есть не что иное, как процесс воспроизводства самих производственных отношений, и каждая исторически определенная форма производственных отношений имеет адекватную себе форму распределения, которая воспроизводит данное производственное отношение. Так обстоит дело и с капитализмом. "...Капиталистический процесс производства есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих этих отношений производства" ¹⁾. Составной частью, определенной стороной этого процесса капиталистического производства, взятого в его целом, и является процесс капиталистического распределения, протекающего точно также в совершенно определенных исторических формах (покупка-продажа рабочей силы, уплата ее ценности капиталистами, получение прибавочной ценности). Таким образом, если основным производственным отношением капиталистического мира является отношение между капиталом и рабочим, то формы капиталистического распределения — категории заработной платы и прибыли — воспроизводят это основное отношение. Поэтому, если не смешивать процесса производства и распределения „вообще“ с теми историко-экономическими формами, которые этот процесс принимает и которые только и образуют „экономическую структуру общества“, то-есть тот или иной тип отношений между людьми; если не смешивать этих двух категорий, — тогда получается ясный вывод: при объяснении какой-либо конкретной общественной структуры мы должны брать ее, как своеобразный, исторически сложившийся, т. е. имеющий исторические границы и только ему принадлежащие „особенности“ тип отношений. Буржуаз-

¹⁾ К. Маркс. «Капитал», т. III, ч. II, стр. 347.

ная политическая экономия, в силу своей ограниченности, не выходит как раз из *общих* определений. „Политико-экономы“, правильно замечает Родбертус: „перепутали естественный процесс производства с социальным, обусловленным правом собственности на землю и капитал и, вследствие этого, они пришли к такому понятию капитала, которое в действительной национально-экономической жизни не имеет себе ничего подобного“¹⁾. Но и сам Родбертус — в противоположность необыкновенно выдержанной и последовательной точке зрения Маркса — создал очень удобную лазейку, выделив „логическое“ понятие капитала, как категории, общей всем и всяким хозяйственным структурам, тогда как это совершенно излишне с терминологической точки зрения (для соответствующего понятия имеется термин: „средства производства“) и вредно по существу, ибо очень часто под влиянием рассуждения о средствах производства („капитале“) отбрасывается решение совершенно иных по существу проблем социального характера.

Таким образом, если перед нами стоит задача анализировать природу распределения в современном обществе, мы можем достигнуть желательных результатов только тогда, когда примем во внимание особенности капитализма. Это блестяще сформулировано Марксом в короткой фразе: „Как капитал, так и наемный труд и земельная собственность суть исторически определенные общественные формы: одна — труда, другая — монополизированной земли, и притом обе суть формы, соответствующие капиталу и приваллежащие одной и той же экономической формации общества“²⁾.

Бем-Баверк идет в своей теории прибыли, как и следовало ожидать из рассмотрения его теории ценности, всецело по пути тех экономистов, которые считали возможным „выводить“ прибыль из *общих*, а не исторических условий социального производства. Этим самым, в сущности, предпринята оценка его „нововведений“³⁾, ибо про *всех* экономистов,

1) К. Родбертус: «Капитал». Пер. А. Давыдова, стр. 152.

2) К. Маркс: «Капитал», III Д, 345.

3) О своей теории Бем-Баверк говорит так: „Während ich in den übrigen Teilen dieses Werkes (т. е., «Капитала» Н. Б.) wenigstens im grossen und ganzen den Spuren der bisherigen Theorie zu folgen in der Lage war, habe ich für die Erscheinung des Kapitalzinses eine Erklärung vorzutragen, die sich in vollständig neuen Bahnen bewegt“ („Positive Theorie“, I Halbband, s. XVII).

которые рассматривают прибыль, ренту и заработную плату, как „логические“, а не исторические категории. можно сказать, что они „сбились с правильного пути“¹⁾. Мы уже видели, к каким результатам привела Бем-Баверка неисторическая постановка вопроса в области теории ценности. К еще большему конфликту с действительностью, к еще большим противоречиям приводит она в теории распределения, в частности—в теории прибыли.

2. Понятие капитала. „Капитал“ и „прибыль“ в социалистическом „государстве“:

Анализ понятия капитала Бем-Баверк начинает с того, что заставляет своего излюбленного „изолированного человека“ поочередно рабствовать то „голыми руками“, то при помощи орудий производства, которые изготовляются тем же самым „индивидуумом“. Отсюда получается вывод, что существуют, вообще говоря, два метода производства: или мы непосредственно идем к цели, или же предпринимаем некоторые предварительные операции (производство средств производства), пользуемся, как выражается Бем-Баверк, „окольными путями“ производства²⁾. Так как в последнем случае человек приобретает помощь сил природы, которые „сильнее человеческой руки“, то пользование „окольными путями“ сопровождается большим успехом, чем в случае работы „голыми руками“.

Эти общие положения дают Бем-Баверку достаточный материал для определения капитала и капиталистического производства:

«Производство, которое пользуется рациональными окольными путями, есть не что иное, как то, что политико-экономы называют капиталистическим производством, точно так же, как производство, которое идет непосредственно к

¹⁾ Шапошников, I. с. стр. 81. Правильно поставив вопрос, г. Шапошников сейчас же сбивается на совершенно эклектическую позицию: «Не разделяя—пишет он—их (т.е. названных экономистов. Н. Б.) основной точкой зрения, мы признаем, однако (1), что в принципе воздержания, вменения и предельной производительности ими выдвинуты такие аргументы, с которыми необходимо серьезно считаться. Г. Шапошников не видит, что эти „принципы“ неразрывно связаны с неисторической постановкой вопроса. А в этом все дело и есть.

²⁾ „Entweder... werfen wir unsere Arbeit ganz knapp vor dem Ziele ein, oder wir schlagen absichtlich einen Umweg ein“ (Böhm-Bawerk „Positive Theorie“, s. 15)

цели при помощи голых рук, является некапиталистическим производством. Капитал же есть не что иное, как совокупность промежуточных продуктов, которые возникают на отдельных этапах... окольного пути.¹⁾ Мы приведем еще несколько определений Бем Баверка «Капиталом вообще» — пишет он — «мы называем совокупность продуктов, которые служат, как средства добывания благ. Из этого общего понятия капитала вытекает, как более узкое понятие, понятие социального капитала. Социальным капиталом мы называем совокупность продуктов, которые служат, как средства социально-хозяйственного добывания благ; или... так как социально-хозяйственное добывание благ находит себе место не иначе, как путем производства... кратко говоря, совокупность промежуточных продуктов»²⁾.

Вышеприведенных определений вполне достаточно для того, чтобы видеть «основы» бем-баверковского теории прибавки; она скрывает исторический характер современного способа производства, она скрывает его характер — и это в данном случае более важно — как производства капиталистического в настоящем значении этого слова, т.-е. как производства, основанного на наемном труде, на монополизации средств производства определенным общественным классом: классовая структура общества, раздираемого внутренними противоречиями, ожесточенной классовой борьбой, — эта характерная черта со-

¹⁾ „Die Produktion, die kluge Umwege einschlägt, ist nichts anderes, als was die Nationalökonomien die kapitalistische Produktion nennen, sowie die Produktion, die geradeaus mit der nackten Faust auf das Ziel zugeht, die kapitallose Produktion darstellt. Das Kapital aber ist nichts anderes als der Inbegriff der Zwischenprodukte, die auf den einzelnen Etappen des aussholenden Umwegs zur Entstehung kommen“ (ibidem, 21).

²⁾ „Kapital überhaupt nennen wir einen Inbegriff von Produkten, die als Mittel des Gütererwerbs dienen. Aus diesem allge. d. n. Kapitalbegriff löst sich als engerer Begriff d. r. des Sozialkapitals ab Sozialkapital nennen wir einen Inbegriff von Produkten die als Mittel sozialwirtschaftlichen Gütererwerbs dienen; oder... da sozialw. Gütererwerb nicht anders als durch Production statifindet... oder, kurz gesagt einen Inbegriff von Zwischenprodukten“ (ibid., 54). Капитал „вообще“ называется у Б.-Б. также „Erwerbskapital“ или „Privatkapital“; das Sozialkapital dagegen kann man auch gut und bündig „Produktivkapital“ nennen (ibid. 55). Таким образом, социальный капитал оказывается более узким понятием, чем индивидуальный капитал (Erwerbskapital=Privatkapital); сюда же присоединяется то обстоятельство, что понятие „Gütererwerb“ в обоих случаях означает нечто разное. О последнем см. Stolzmann: Der Zweck etc., s. 335. Мы отмечаем эту путаницу, хотя для текста она не имеет существенного значения.

вершенно исчезает. Какие логические основания могут быть для такой конструкции? Бем-Баверк рассуждает так: на всех ступенях общественного развития имеется производство при помощи «окольных путей» («Produktionsumwege»); с этим связаны некоторые явления в области конечных *результатов* производства. Вышеописанные явления могут принимать различную *форму*, в зависимости от конкретных исторических условий (напр., частная собственность). Но следует отличать «существо дела» («das Wesen») от «формы проявления» («Erscheinungsform»). Поэтому именно основательность научного исследования требует анализа «капитала», «прибыли», «капиталистического производства» etc. in abstracto, а не в их *современной* формулировке. Так приблизительно смотрит на дело Бем-Баверк ¹⁾. Это, впрочем, *все*, что, вообще, можно сказать в защиту позиции Бем-Баверка и всякой аналогичной попытки рассматривать капитал и прибыль, как «вечные» категории хозяйства. Как ни правильно само по себе разграничение «сущности вещей» и «формы проявления» ²⁾, однако, в данном случае оно приведено просто не к месту. В самом деле, ведь с понятием «капитал», «капиталистический», и т. д. соединяется представление не о социальной гармонии, а о классовой борьбе. Сам Бем-Баверк очень хорошо знает это. Критикуя взгляд некоторых экономистов, которые включают рабочую силу в понятие капитала, Бем-Баверк пишет: «Наука и народ давно привыкли трактовать некоторые великие социальные проблемы, пользуясь термином „капитал“, и имели в виду при этом понятие, не охватывающее понятие труда, а стоящее в *противоречии* к нему». И дальше: «Капитал и труд, капитализм и социализм, прибыль на капитал и заработная плата, конечно, не являются невинными синонимами; наоборот, это — термины, обозначающие наиболее сильные мыслимые социальные и экономические контрасты» ³⁾.

¹⁾ См. напр., „Positive Theorie“, 587, Anmerkung, где В. Б. жалуется на Stolzmanna, который не отличает сущности от Erscheinungsform и «прибыли вообще» от *теперешней* прибыли.

²⁾ «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» (К. Маркс: «Капитал», III, II, 346). Г. Струве, не поняв в чем дело, увидит здесь, наверное, метафизику.

³⁾ „Wissenschaft und Volk haben sich längst gewöhnt, gewisse grosse soziale Probleme unter dem Schlagworte des Kapitals abzuhandeln und haben dabei nicht einen die Arbeit mitumfassenden Begriff, sondern

Очень хорошо. Но если это так, то нужно идти дальше: нужно не останавливаться на «привычке народа» и даже «науки», а сознательно поставить во главу угла классовые противоречия в товарно-капиталистическом хозяйстве. А это значит признать в понятии „капитал“ за его существеннейший, за его конститутивный признак классовую монополизацию средств производства в условиях товарного хозяйства. Для бем-баверковского понятия капитала останется старое понятие средств производства (ср. его *«Zwischenprodukte»*), формой проявления которых будет в современном обществе «капитал». Таким образом, монополизированные капиталистами средства производства суть не „форма проявления“ капитала, свойственный современному обществу, а самый капитал; но они суть „форма проявления“ средств производства вообще, безотносительно к конкретной исторической формации.

Можно подойти к вопросу и с другого конца. Если всякие „промежуточные продукты“ являются капиталом, то как же выделить „промежуточные продукты“ в современном хозяйственном строе? Допустим на минуту—несмотря на всю нелепость этого допущения по существу—что и в „государстве социалистов“ есть прибыль; все же эта «прибыль» по Бему поступает в руки всего общества, а в современном строе хозяйства—в руки одного класса. Разница—более чем существенная. А термина для «теперешней» прибыли у Бем-Баверка нет. Посмотрим, однако, как строго судит Бем-Баверк о своих противниках и как он критикует их как раз за то, в чем он сам виноват. Протестуя против наименования „капитал“ по отношению к земле и ссылаясь на принцип «терминологической экономии» (*«terminologischer Oekonomie»*), он замечает: «Если мы будем применять название капитала ко всем вещественным средствам приобретения, то более узкое из конкурирующих понятий и соответствующая ему отрасль

einen Gegensatz zu ihr im Auge gehabt. Kapital u. Arbeit, Kapitalismus u. Sozialismus, Kapitalzins u. Arbeitslohn wollen wahrhaftig, keine harmonischen Synonyma sein; sondern sie sind Schlagworte für die denkbar stärksten sozialen und ökonomischen Kontraste“ (*„Positive Theorie“*, s. 82) Курсив мой. Н. Б. Такая же по существу постановка вопроса у американцев. Ср. J. B. Clark; „The Distribution of Wealth“, N. J. 1908; Carver. I. с. Однако, конкретное решение вопроса о прибыли у них совершенно иное.

дохода останутся, несмотря на свою важность, без названия»¹⁾. Ясно, однако, что различие между «прибылью» в социалистическом государстве, которое предполагает отсутствие классов, и теперешней «прибылью» гораздо больше и важнее, чем различие между прибылью и рентой: в первом случае дело идет о различии между классовым и безклассовым обществом, во втором — только о различии между двумя классами одного и того же общества, принадлежащими, по существу, к одной — владельческой, собственнической — категории классов.

Неясность бем-баверковской терминологии усугубляется еще тем обстоятельством, что его понятию «некапиталистического» производства не соответствует никакого реального факта экономической действительности: производство при помощи «голых рук» принадлежит к одной из многочисленных фикций, вводимых Бемом, о нем можно говорить лишь как о теоретической предельной величине при постоянно уменьшающейся доле мертвого труда в производстве. И, наоборот, лизарь, ковыряющий палкой землю, превращается в «капиталиста», ведущего «капиталистическое» хозяйство и даже получающего «прибыль»!.. Но если *всякое* производство (т. е. производство *без* средств производства *нет*) является «капиталистическим», то в рамках этого «капиталистического» производства нужны же подразделения, ибо — как никак — нужно отличать «капиталистическое» — капиталистическое производство и «капиталистическое» социалистическое, «капиталистическое» первоначально-коммунистическое и т. д. производства. А у Бем-Баверка и то, и другое и третье — «капиталистическое производство», один термин для совершенно разнородных понятий.

Прекрасной иллюстрацией той огромной путаницы, которую вносят Бем-Баверк, может служить параграф о «прибыли в государстве социалистов» (*Der Zins im Sozialistenstaat*). Оказывается, что и в этом «государстве» сохранится во всей силе принцип *прибыли*, который теперь считают результатом эксплуатации. Эта «социалистическая эксплуатация» поясняется Бем-Баверком следующим образом: пусть, говорят он, име-

²⁾ Ibidem, 87: „Wenden wir nämlich den Namen Kapital *allen* sachlichen Erwerbsmitteln zu, so bleibt der engere der konkurrierenden Begriffe und auch der mit ihm korrespondierende Einkommenszweig trotz ihrer Wichtigkeit ganz namenlos“.

ются две отрасли производства: работа пекаря—с одной стороны, работа по разведению лесов—с другой. В результате дневной работы пекаря получается продукт—хлеб—ценность которого Бем определяет в 2 флорина (по Бему «в социалистическом государстве» остаются даже флорины); дневная же работа лесоразводчика заключается в том, что он сажает сто молодых дубков, которые через 100 лет превращаются, без приложения добавочного труда, в большие деревья, ценностью каждое в 10 флоринов; таким образом, общая сумма производимой лесоразводчиком ценности будет 1000 флоринов. Вот это-то обстоятельство—разница во времени производства (общая оценка всех относящихся сюда соображений будет дана нами в последующем изложении)—и служит основой для образования прибыли. «Если—говорит Бем-Баверк и лесоразводчикам платят точно так же, как и пекарям, ежедневно только 2 флорина, то по отношению к ним применяют ту же самую „эксплуатацию“, какую теперь практикуют капиталистические предприниматели»¹⁾. За столетний промежуток времени совершается прирост ценности, и эту «прибавочную ценность» («Mehrwert») общество «кладет себе в карман», отнимая ее у произведших ее работников; плодами работы пользуются, таким образом, „другие люди и в тому же, как и теперь (!) не на основе труда, а на основе собственности, или участия в собственности“²⁾.

Все это рассуждение неверно от начала до конца. Процесс произрастания ценности из земли не происходит даже в социалистическом обществе³⁾. Для последнего труд, затраченный

¹⁾ „Zahlt man aber auch den Aufforstungsarbeitern geradeso wie den Bäckern nur 2 fl. täglich; dann begeht man ihnen gegenüber dieselbe „Ausbeutung“, die heute die kapitalistischen Unternehmer ausüben“ („Positive Theorie“, s. 583).

²⁾ „In der Verteilung bekommen ihn (т.е. Zins. H. Б.) ganz andere Leute als jene, an deren Arbeit und Produkt er verdient wurde... andere Leute, und zwar ganz wie heute (!), nicht aus dem Titel der Arbeit, sondern aus dem Titel des Eigentums, beziehungsweise des Miteigentums“ (ibidem, s. 584).

³⁾ Мы оговариваемся, во избежание недоразумений, что если у нас речь идет о «ценности» в соц. обществе, то под этим понятием следует разуметь особую категорию, отличную от категории ценности в товарном хозяйстве. Определяющим фактором и там и тут является труд. Но в то время, как в социалистич. обществе трудовая оценка есть сознательный общественный процесс, в современном обществе это стихийный основной закон цен, где элемент собственно оценки (трудовой) отсутствует.

на непосредственное производство предметов потребления, и труд, затрачиваемый на „отдаленную цель“ имеет одинаковую важность, так как имеется заранее составленный хозяйственный план, и отдельные категории труда рассматриваются, как части совокупной общественной работы, которая необходима для того, чтобы непрерывно шел процесс производства, воспроизводства и потребления. Как непрерывно и одновременно потребляются продукты различно удаленных единиц труда, точно так же непрерывно и одновременно идут различные по отдаленности своей цели трудовые процессы. Все части совокупного общественного труда связаны в единое неразрывное целое, где для определения доли каждого важно только одно (за вычетом в фонд средств производства): количество доставляемого труда. Это видно и из примера самого Бем-Баверка: когда он говорит о пекарях, продукты которых — хлеб, то он забывает совершенно, что хлеб вовсе не продукт труда только пекарей, а всех работников, начиная с тех из них, которые когда-то были заняты в сельском хозяйстве; труд пекарей — только заключительное звено. Таким образом, если наши лессоразводчики получают продукты сообразно своему труду, то они получают общественные трудовые единицы различной степени удаленности, т. е. находятся по отношению к остальным членам общества в точно таком же положении, как и всякая другая категория работников, ибо — повторяем — при данном хозяйственном плане важность работы не зависит от отдаленности ее цели ¹⁾.

Вопрос имеет, однако, и другую — более важную сторону. Предположим, что социалистическое общество в данный производственный цикл получает некоторый избыток «ценности» (нам в данном случае все равно, почему оно его получает и на основе какой «теории ценности» оно производит расценки продукта). Бем-Баверк соглашается, что эта «прибавочная ценность» служит *«zu einer allgemeinen Aufbesserung der Lohnquote (!) der Volksgesamtheit»*. Этим, казалось бы, подрывается всякое основание для того, чтобы трактовать полученный излишек, как прибыль. Но Бем-Баверк выставляет здесь такое возражение. Прибыль — говорит он — не перестает

¹⁾ Мы уже не говорим о том, что соц. общество предполагает уничтожение «узкой специализации».

быть прибылью в зависимости от той цели, на которую ее, в конце-концов, употребляют; ведь, никто — поясняет Бем — не отважится утверждать, что капиталист перестает быть капиталистом, а его прибыль — прибылью, если какой-либо предприниматель «накапливает миллионное состояние и затем распоряжается им в общественно-полезных целях»¹⁾.

Вот это «возражение» сразу вскрывает всю внутреннюю фальшь позиции Бем-Баверка. В самом деле, почему в данном случае никто «не отважится утверждать», что прибыль уничтожается в зависимости от благотворительных устремлений капиталиста? Да потому, что это единичный случай, не имеющий никакого влияния на общую структуру общественно-экономической жизни: классовая природа прибыли отнюдь не уничтожается; не уничтожается категория дохода, поступающая в распоряжение *классу* на основе монополизации этим классом средств производства. Совсем другое получилось бы, если капиталисты, как *класс*, стали бы отказываться от прибыли и отдавать ее на общепользные цели. В этом — практически совершенно невозможном — случае, категория прибыли исчезла бы, и самая экономическая структура общества приняла бы иной, отличный от капиталистического, вид. Монополизация средств производства потеряла бы всякий смысл даже с частно-предпринимательской точки зрения, и капиталисты перестали бы быть капиталистами. Таким образом, мы снова наталкиваемся на *классовую* природу капитализма и его категории, — прибыли²⁾. И только благодаря невероятному дальтонизму, не

¹⁾ ...ein Vermögen von Millionen anhäuft und über dieses dann zu gemeinnützigen Zwecken verfügt¹⁾ („Positive Theorie“, s. 583.

²⁾ Любопытно, что даже экономисты, различающие «чисто-экономическое» понятие капитала и «исторически правовое» его понятие, видят в последнем лишь *частный* капитал (Privatkapital) и не видят факта *классовой* монополизации. До известной степени это можно видеть и у Родбергуса, Адольф Вагнер так определяет капитал: „Kapital als rein ökonomische Kategorie, unabhängig betrachtet von den geltenden Rechtsverhältnissen für den Kapitalbesitz, ist ein Vorrat solcher wirtschaftlicher Güter... welche als technische Mittel für Herstellung neuer Güter in einer Wirtschaft dienen können: es ist Produktionsmittel-Vorrat oder „National-Kapital“, bezw. Paräkel davon. Kapital im historisch-rechtlichen Sinne oder Kapitalbesitz ist derjenige Teil des Vermögensbesitzes einer Person (курсив наш. Н. Б.), welcher derselben als Erwerbsmittel zur Erlangung eines Einkommens aus ihm (Rente, Zins) dienen kann, also zu diesem Zwecke von ihr besessen wird: ein „Rentenfonds“, „Privatkapital“. (Ad. Wagner: „Grundlegung“, II Aufl. s. 39; цит. у Бема, стр. 124, 125). Вообще у Бем-Баверка прямо поражает его легкомысленное отношение к исторической постановке вопроса: на стр. 125 он, напр.,

позволяющему видеть этой *классовой* природы, возможны утверждения вроде того, что «даже в уединенном хозяйстве какого-нибудь Робинзона должны иметься налицо основные черты явления процента»¹⁾. Чем же объясняется этот дальтонизм? Бем-Баверк сам дает нам очень верное объяснение... «Между нами (т.е. среди буржуазных экономистов. Н. Б.) очень любят замазывать неудобные противоречия, затушевывать мучительные проблемы». (Auch unter uns liebt man es so sehr, unbequeme Gegensätze zu verkleistern, dornige Probleme zu vertuschen²⁾). Это откровенное признание лучше всего рисует нам ту психологическую подкладку, которая заставляет уходить от познания полной противоречий социальной действительности к искусственно придуманным, вымученным конструкциям, которые должны служить *оправданием* действительности. «Теория прибыли Бем-Баверка», пишет Г. Дитцель: «которая имеет своим источником теорию предельной полезности, должна (по замыслу Бема. Н. Б.) не только объяснить явление прибыли, но и доставить наряду с этим материал для опровержения тех, кто нападает на институт прибыли»³⁾. Эта апологетическая струна заставляет Бем Баверка предполагать прибыль даже там, где нет ни классов, ни даже товарообмена (Робинзон, «социалист. государство»); она заставляет его выводить насквозь социальное явление прибыли из «общих свойств человеческой психики». К анализу этой удивительной теории, которая может иметь успех только благодаря глубокому упадку буржуазной политической экономии, мы и переходим.

3. Общая характеристика капиталистического производственного процесса; образование прибыли.

Как мы уже знаем, капиталистическим производством Бем-Баверк называет всякое производство, которое ведется при

делает примечание, что конечно, все мол исторично; машины появились не раньше 18 столетия, книги стали появляться не раньше изобретения книгопечатания и т.д. Бем-Баверку и невдомек, что речь идет о совсем различных типах экономической структуры. В марксовой точке зрения Бем видит только то, что у Маркса капитал „Ausbeutungsmittel“ — и больше ничего (см. 90 стр.).

¹⁾ Böhm-Bawerk, Positive Theorie, s. 507: „Sogar in der einsamen Wirtschaft eines Robinson könnte der Grundzug des Zinsphänomens... nicht fehlen“.

²⁾ „Auch Böhm-Bawerks Kapitalzinstheorie, welche aus der Grenznutzentheorie geflossen ist, soll nicht bloss das Zinsphänomen erklären, sondern daneben auch Material zur Wiederlegung derer beitragen, welche Zinsinstitution angreifen“ (H. Dietzel, Theoretische Sozialökonomik, S. 211).

помощи орудий производства или, в терминах Бем-Баверка, при помощи «окольных производственных путей» («Produktionsumwege»). Этот «капиталистический» производственный метод имеет свою выгодную и свою невыгодную сторону: выгодная сторона состоит в том, что здесь получается большее количество продукта: невыгодная—в том, что эта получа сопровождаются потерей времени; благодаря предварительным операциям (производство орудий производства и всех вообще «Zwischenprodukte») продукты потребления начинают поступать не сразу, а через сравнительно большой промежуток времени: «Минус, который связан с капиталистическим методом производства, заключается в *пожертвовании временем*. Капиталистические окольные пути доходны, но они похищают время; они доставляют большее количество или лучшее качество потребительных благ; но они доставляют эти блага только в хронологически более поздний момент. Это положение принадлежит к основным положениям всего учения о капитале» ¹⁾. Из «фатальной разницы во времени» («fatale Zeitdifferenz») вытекает необходимость *ожидания*: «в громаднейшем большинстве случаев мы должны прибегать к окольным путям производства при таких технических условиях, что нам необходимо ждать некоторое, а весьма часто очень долгое, время получения готового для потребления, окончательного продукта» ²⁾. Эта особенность «капиталистического производства» служит, по Бем-Баверку, основой хозяйственной зависимости рабочих от предпринимателей: рабочие не могут «ждать», пока начнут поступать продукты потребления при длинных «окольных путях» ³⁾; наоборот, капиталисты не

¹⁾ „Der Nachteil, der mit der kapitalistischen Produktionsmethode verbunden ist, liegt in einem Opfer an Zeit. Die kapitalistischen Umwege sind ergiebig, aber zeitraubend; sie liefern mehr oder bessere Genussgüter, aber sie liefern sie erst in einem späteren Zeitpunkt. Dieser Satz gehört... zu den Grundpfeilern der gesamten Lehre vom Kapitale“ (Bem-Bauerk, Positive Theorie, s. 149. Последний курсив принадлежит нам Н. Б.)

²⁾ In der überwältigenden Mehrzahl der Fälle müssen wir die Produktionsumwege unter solchen technischen Bedingungen beschreiten, dass wir eine Zeit lang und oft sehr lange Zeit auf die Erlangung der genussreifen Schlussprodukte warten müssen“ (ibid., 149).

³⁾ Nur weil die Arbeiter nicht warten können, bis der von ihnen mit Rohstoffgewinnung und Werkzeugsbau begonnene Umweg seine reife Genussfrucht liefert, kommen sie in wirtschaftliche Abhängigkeit von denjenigen, die die genannten Zwischenprodukte schon im fertigen Zustand besitzen, von den „Kapitalisten“ (ibid., 150).

только могут сами ждать, но могут, при известных условиях, авансировать продукты потребления—прямо или косвенно—рабочим, в обмен на имеющуюся у последних товарную величину, а именно *труд*. Весь процесс в целом происходит таким образом: предприниматели покупают блага «отдаленного порядка» (сырой материал, машины, пользование землей и, главным образом, *труд*) и путем производственного процесса превращают их в блага первого порядка, т.е. в блага, готовые для потребления *genussreife Güter*). При этом у капиталистов остается, за вычетом вознаграждения их собственного труда etc., некоторый остаток ценности, обычно по своей величине пропорциональный сумме вложенного в предприятие капитала. Это и есть «первоначальный процент на капитал» (der «ursprüngliche Kapitalzins») или прибыль («Profit»¹⁾. Как же объясняется происхождение прибыли? На этот вопрос Бем отвечает: объяснение прибыли заключается в указании на то, что «блага отдаленного порядка суть... по своей хозяйственной природе *будущие блага*, хотя вещественно они являются настоящими благами»²⁾. Здесь следует несколько остановиться на понятии «настоящих» и «будущих» благ, которое вводится Бем-Баверком и играет крайне важную роль во всей его «системе». Потребности, которые определяют ценность блага, могут быть расположены в различных промежутках времени; они относятся или к настоящему времени, и тогда они чувствуются непосредственно и наиболее остро («*aktuell empfundene Gefühle*») или же они относятся к будущему времени (прошедшее, по понятным соображениям, здесь не рассматривается). Блага, которые удовлетворяют настоящие потребности, т.е. потребности, относящиеся к настоящему времени, Бем Баверк и называет *настоящими благами* («*Gegenwartsgüter*»); наоборот, блага, удовлетворяющие «будущие потребности», носят у него название «*будущих благ*» («*Zukunftsgüter*»). Если, например, у меня сейчас имеется известная сумма денег, и, след., я могу удовлетворять при ее помощи мои текущие потребности, то эта сумма

¹⁾ Cp. *Positive Theorie*, s. 502.

²⁾ Ich muss die Erklärung (прибыли Н. Б.) mit der Feststellung einer wichtigen Tatsache einleiten. Die Güter entfernterer Ordnung sind nämlich, obschon sie körperlich gegenwärtig sind, ihrer wirtschaftlichen Natur nach *Zukunftsgüter* (ibid., 503).

денег будет являться, по Бем-Баверку, настоящим благом: если же я могу получить такую же точно сумму, но только через определенный промежуток времени, то эта сумма не может служить средством удовлетворения моих теперешних потребностей; она пойдет на удовлетворение будущих потребностей, она есть «будущее благо». Будущие и настоящие потребности, в каких бы различных отрезках времени они ни фигурировали, соизмеримы между собой, а потому и ценности настоящих и будущих благ могут быть сравниваемы. При этом сравнении устанавливается следующий закон: „*Настоящие блага постоянно обладают большей ценностью, чем будущие блага того же вида, находящиеся в таком же количестве*“ ¹⁾. Вот этот-то закон Бем-Баверк и считает за основной закон своей теории прибыли ²⁾. В самом деле. Вернемся к описанию отношений между капиталистами и рабочими. Капиталисты покупают, в числе прочих средств производства, также и *труд*. Труд же, как и всякое средство производства, есть „по своей хозяйственной природе“, *будущее благо*, а следовательно он должен иметь меньшую ценность, чем те блага, которые производятся при его помощи. Предположим, что из X единиц труда можно получить Y единиц товара а, ценность которого в *настоящем* равна А; тогда ценность (Y_a) в *будущем*, отдаленном от настоящего на весь период производственного процесса, будет *меньше* А: этой „*будущей* ценности“ продукта и равняется *настоящая* ценность труда.

Поэтому, когда труд покупают *теперь*, при чем ценность его выражается в «*настоящих* гульденах», то его покупают за меньшее число гульденов, чем то число последних, которое поступит предпринимателю при продаже продукта, т. е. после окончания производственного процесса. «Это, и ничто другое, является причиной «дешевой» закупки средств производства и в особенности *труда*, которую социалисты правильно считают за источник прибыли на капитал, но неправильно... объявляют результатом эксплуатации рабочих со стороны владе-

¹⁾ Gegenwärtige Güter sind in aller Regel mehr wert als künftige Güter gleicher Art und Zahl (ib. 426).

²⁾ „Dieser Satz ist der Kern- und Mittelpunkt der Zinstheorie, die ich vorzutragen habe“, (ibid.).

ющих (классов)> ¹⁾. Таким образом, обменом настоящих благ на будущие начинается тот процесс, который приводит к образованию прибыли ²⁾. Из самого акта обмена прибыль, впрочем, еще не вытекает, потому что предприниматель купил труд по его полной настоящей ценности, т. е. по ценности будущего продукта. Но в процессе производства *«его будущий товар... постепенно во время хода производства вызревает в настоящий товар и вырастает таким путем в полную ценность настоящего товара»* ³⁾. Вот этот-то прирост ценности, который получается в процессе превращения будущих благ в настоящие, средств производства в предметы потребления, и есть прибыль на капитал. Таким образом, основная причина прибыли коренится в различной оценке настоящих и будущих благ, что является следствием «элементарных фактов человеческой природы и производственной техники», а отнюдь не социальных отношений, свойственных современной общественной структуре.

Такова, в основных своих чертах, теория прибыли предложенная Бем Баверком. Ее существеннейшая часть — это обоснование теории ценности будущих благ сравнительно с настоящими; эта часть подробно разработана Бем Баверком, и мы займемся ее изложением и разбором ниже. Здесь же мы сделаем ряд предварительных замечаний общего свойства.

Мы видели, что к положениям, которые принадлежат «к основам всего учения о капитале» относится также положение о необходимости *ожидания*, отсрочки потребления, в силу того, что «капиталистическое производство» откладывает полочку готового продукта на сравнительно долгое время; на этом Бем обосновывает и «хозяйственную зависимость» рабочих от капиталистов. В действительности же не прихо-

¹⁾ „Dies und nichts anderes ist der Grund des „billigen“ Einkaufs von Produktivmitteln und insbesondere von Arbeit, den die Sozialisten mit Recht für Quelle des Kapitalgewinnes, aber mit Unrecht für die Frucht einer Ausbeutung der Arbeiter durch die Besitzenden erklären.“ („Positive Theorie“, s. 504).

²⁾ Исходя из этого, Меншерлен предложил назвать теорию прибыли Бем-Баверка, теорией обмена („Exchange theory“); — сам Бем Баверк считает более подходящим название *«теории лавжа»* („Agio-Theorie“). См. Бем-Баверк: «Капитал и прибыль». История и критика теории процента на капитал. Пер. под ред. Тул.-Варановского, стр. 567.

³⁾ Seine Zukunftsware reift nämlich während des Fortschreitens der Produktion allmählich zur Gegenwartsware aus, und wächst damit in den Vollwert der Gegenwartsware hinein. („Posit. Theorie“, s. 505).

дится ни „ждать“, ни откладывать потребления по той простой причине, что, какой бы производственный цикл мы ни взяли, если у нас имеется уже ход общественного производственного процесса, то общественный продукт потребления находится одновременно на всех стадиях своей выработки. Еще Маркс выяснил, что разделение труда заменяет „последовательность во времени“. „последовательностью в пространстве“. Родбертус так описывает этот процесс: „Труд совершается одновременно и непрерывно во всех „предприятиях“ всех отраслей на всех производственных ступенях. В то время, как в производственных хозяйствах отраслей, производящих сырье, добывается из земли новый сырой продукт, в это же самое время в производственных хозяйствах отраслей, производящих полуфабрикаты сырой продукт предыдущего периода перерабатывается в полуфабрикат, а в производственных хозяйствах, производящих орудия, производятся новые орудия на замену потребленных, и т. д. В то же самое время, наконец, на последней производственной ступени продукты для непосредственного потребления снова подвергаются окончательной отделке“¹⁾. Таким образом, как непрерывно идет производственный процесс, непрерывно выталкивающий из своей сферы уже готовый к потреблению продукт, точно также непрерывно может идти и процесс потребления. „Откладывать потребление“ в современном обществе не приходится из-за „окольных путей“, так как производственный процесс не начинается изготовлением сырых материалов и всякого рода „Zwischenprodukte“ и не кончается изготовлением продуктов потребления; он есть единство этих процессов, расположенных один возле другого. Когда мы рассматриваем современное народное хозяйство, мы рассматриваем, конечно, уже сформировавшуюся систему общественного производства; а этим самым мы уже предполагаем разделенный общественный труд и одновременное сосуществование различных фаз производственного процесса. „Если мы рассматриваем, — пишет Маркс во II томе, „Капитала“: „годовое воспроизводство — хотя бы даже простое воспроизводство, т. е. абстрагируя от всякого накопления — то мы начинаем не аб

¹⁾ К. Родбертус: „Капитал“, пер. Давыдова, стр. 170. Мы несколько изменяем перевод за полной негодностью перевода г. Давыдова.

ово; это — один год в потоке многих, это не первый год рождения капиталистического производства¹⁾. Весь процесс, выясненный Марксом, происходит следующим образом. Пусть (мы предполагаем простое воспроизводство) постоянный капитал равен 3 с, из которых ежегодно превращается в средства потребления $\frac{1}{3}$, т.е. с; пусть ежегодно оборачивающийся переменный капитал — v ежегодно нарастающая прибавочная ценность — m . Тогда ежегодно производимый продукт по своей ценности будет равняться $c+v+m$; но ежегодно производимая новая ценность будет лишь $v+m$; с вовсе не репродуцируется, оно просто переносится на продукт, будучи само продуктом *прошлого* производства, т.е. производства в предыдущий год или даже предыдущие годы. Часть C , таким образом, ежегодно „созревает“ в „потребительное благо“, но ежегодно из количества $(v+m)$ трудовых часов с часов должно идти на производство средств производства. Итак, в каждый данный производственный цикл мы имеем *одновременное* производство и средств производства, и предметов потребления: потребление не „откладывается“, производство средств производства не носит характер предварительных операций, процесс производства, потребления, воспроизводства течет непрерывно. Идея Бем-Баверка о необходимости „выжидания“ родственная идеям теории воздержания²⁾, не выдерживает, таким образом, никакой критики.

Нам остается только выяснить значение этой идеи в связи с оценкой Бем-Баверком социальной природы прибыли. Выше (примеч. 259) мы видели, что Бем-Баверк считает причиной хозяйственной зависимости рабочих от предпринимателей *необходимость ожидания*: „Только потому“ — пишет Бем — „что рабочие не могут ждать, пока начатый ими с добывания сырых материалов и производства инструментов окольный путь доставит свой готовый для потребления продукт, они попадают в хозяйственную зависимость от тех, которые владеют названными промежуточными продуктами уже в готовом состоянии, т.е. от „капиталистов“. Однако,

¹⁾ К. Маркс: „Das Kapital“. В. II, с. 451.

²⁾ Один американский сторонник теории воздержания, Маккен, предложил даже зачесть слово воздержание терминем «выжидание» (waiting). См. Бем-Баверк: «Капитал и прибыль», приложение, стр. 572. Сам Бем-Баверк старательно отгораживается от сближения его теории с теорией воздержания.

как мы знаем, „ожидать“ рабочим вовсе бы и не пришлось: они могли бы свободно, не дожидаясь получения „готового продукта“ (т.-е. „потребительного блага“), продавать свои „Zwischenprodukte“ и не попадать ни в какую хозяйственную зависимость. Суть дела не в том, что им приходится „отлаживать потребление“ в никквинско-бем-баверкском смысле, а в том, что рабочие лишены теперь возможности самостоятельного производства. И это по двум основаниям: во-первых, „ganz kapitallose Produktion“ есть в условиях капиталистического хозяйства *техническая* неспособность. Для изготовления при помощи голых рук хотя бы даже простого плуга потребовался бы период, значительно больший maximum'a человеческой жизни (из этого обстоятельства какой-нибудь Бем-Баверк № 2 мог бы вывести, пожалуй, заключение, что основа хозяйственной зависимости рабочих и появления прибыли есть кратковременность человеческой жизни); во-вторых, что даже „ganz kapitallose Augenblicksproduktion“ („абсолютно лишенное капитала моментальное производство“) напр., собирание кореньев для пищи или что-либо в этом роде, тоже невозможно, так как в капиталистическом обществе земля отнюдь не res nullius, а очень прочно связана узами частной собственности. Таким образом, *монополизация средств производства* (в том числе и земли) *классом капиталистических собственников* есть основа „хозяйственной зависимости“ и явления прибыли, а вовсе не „ожидание“. Теория же „ожидания“ скрывает историчность современных отношений, скрывает классовую структуру современного общества и социально-классовую природу прибыли.

Переходим теперь к другому пункту теории. «Der Kern und Mittelpunkt der Zinstheorie» («ядро и центр теории прибыли») заключается в указании Бема на недооценку будущих благ по сравнению с настоящими. Знаменитый дикарь В. Рошера за данные займы 90 рыб дает через месяц 180 и имеет еще почтенный остаток в 720 рыб ¹⁾. Таким образом, он оценивает «настоящих» 90 рыб выше, чем 180 «будущих». То же самое происходит приблизительно и в современном обществе. „Только—говорит Бем-Баверк—разница

¹⁾ Имея запас в 90 рыб, он делает сети и увеличивает тем производительность своей рыбной ловли. Кстати, Бем-Баверк, как и полагается раньше, категорию прибыли называет «процентом». („Zins“)

в ценности будет не так велика. Но чем же, вообще, определяется величина этой разницы? На последний вопрос Бем-Баверк отвечает: «она больше всего для тех людей, которые едва сводят концы с концами... эта разница меньше... для людей, которые владеют все же некоторым запасом благ»¹⁾. А так как подобных людей очень много („eine ausserordentlich lange Reihe von Lohnarbeitern“), и так как благодаря их «числовому перевесу», цена на настоящие блага слагается таким образом, что в результате субъективных оценок получается некоторый лаг, образующий прибыль²⁾, то ясно следующее обстоятельство: даже, если признать за одну из посредствующих причин образования прибыли переоценку настоящих благ по сравнению с будущими, все же в основе этого «факта» лежало бы различие в имущественном положении различных классов. „Разница в оценке“ даже и здесь обязательно предполагает «разницу социальную»³⁾. Однако, Бем-Баверк всячески старается вытравить мысль о социальных основаниях прибыли. «Конечно», говорит он: «может случиться, что кроме развитых в тексте оснований дешевой по видимости закупки (закупки труда. Н. Б.) действуют в отдельных случаях также и другие основания действительно ненормально дешевой закупки; напр., ловкое использование благоприятной конъюнктуры, ростовщическое угнетение продавца, в особенности рабочего» и т. д.⁴⁾. Но это все следует рассматривать — продолжает Бем — как ненормальные случаи; получаемый здесь доход есть «*Extragewinn*», который следует отличать от разбираемой основной

¹⁾ Sie (die Wertdifferenzen. Н. Б.) sind am grössten für Leute, die von der Hand in den Mund leben... Geringfügiger... ist die Differenz... bei Leuten, die schon einen gewissen Gütervorrat besitzen“ („Positive Theorie“ 471—472).

²⁾ См. стр. 539 и сл. der „Positiven Theorie“. Подробно об этом ниже.

³⁾ B. Stolzmann, „Der Zweck“, s. 288: „... Denn was ist die „Detaxation“, das „Agio“ des Kapitalgewinnes anderes als die Ausnutzung eines Vorteils, der den Kapitalisten vermöge des „glücklichen Besitzes“, d. i. vermöge des durch die Eigentumsordnung gewährleisteten Besitz—und Verteilungsstatus zufällt, und worauf dann nach von Böhm's eigenen Worten die Bezeichnung *Mehrwert* sogar „in vollere Masse zutrifft, als die Sozialisten bei ihrer Namengebung es wohl ahnten“.

⁴⁾ Natürlich kann es vorkommen dass ausser den im Texte entwickelten Gründen eines scheinbar billigen Einkaufs im einzelnen Falle auch noch andere Gründe eines wirklich abnorm billigen Einkaufs wirksam werden: Z. B. geschickte Ausnutzung einer günstigen Konjunktur, wucherische Bedrückung des Verkäufers, insbesondere des Arbeiters. („Positive Theorie“, s. 505, Note).

категории дохода: он вытекает из других причин и имеет другое социально-политическое значение. Однако, при внимательном рассмотрении, видно, что никаких принципиальных отличий здесь не имеется. И там, и тут «прибыль» или «процент» получается из обмена настоящих благ на будущие, из покупки *труда*; и там, и здесь играет роль *переоценка* настоящих благ по сравнению с будущими; и там, и здесь эта переоценка обусловлена *социальной позицией* продавцов и покупателей; «использование благоприятной конъюнктуры» никаким отличительным признаком быть, ясное дело, не может, равно как — в данном случае — «ростовщическое угнетение продавца»; ибо *всегда* капиталисты стремятся к использованию конъюнктуры, которая *всегда* складывается «благоприятно» для них и «неблагоприятно» для рабочих; с другой стороны, совершенно неизвестно, что считать «ростовщическим» и что «неростовщическим» угнетением; *экономических* оснований, как мы видим, для этого нет никаких; почему в одном случае покупку труда нужно считать «дешевой» лишь «по видимости», а в другом — «действительно», остается совершенно неясным; в случае «ростовщического угнетения» по теории Бема дело происходит точно так же, как и в «нормальном» процессе получения прибыли, разница только та, что в первом случае рабочий переоценивает настоящие блага, скажем, на 150% по сравнению с будущими, а во втором случае — лишь на 10 или на 5; никакой *принципиальной* разницы нет. И если Бем-Баверк утверждает, что «социальная категория» ни при чем в его «нормальных случаях», то, отказываясь от этого положения при объяснении «ненормальных отклонений», он обнаруживает лишь свою собственную непоследовательность; но, с другой стороны, он руководствуется при этом верным инстинктом: ибо признать отсутствие социального давления даже в «ненормальных случаях» — это значило бы привести самым явным образом всю теорию *ad absurdum*.

Мы разобрали общие положения теории прибыли Бем-Баверка, поскольку он стремится избежать всякого соприкосновения с социальной стороной подлежащей объяснению действительности; мы хотели осветить здесь лишь тот *теоретический фон*, на котором Бем-Баверк рисует свои узоры. При этом выяснилось, что основные посылки

его теории либо прямо противоречат действительности («ожидание»), либо социальный момент вводится контрабандой и всячески завуалируется (оценка будущих благ в зависимости от социального положения оценивающего). «Последним обстоятельством» — говорит G. Charasoff — «факт прибавочного труда несколько не отрицается, ему придается только логически несостоятельное объяснение, или, вернее, видимость оправдания¹⁾». Другой автор, Parvus, весьма остроумно высмеивает этот же мотив: «Настоящая ценность и будущая ценность, чего этим нельзя доказать?! Если кто-либо, угрожая насилием, отнимает у другого его деньги — что это такое? Разбой? Нет, — должен был бы сказать Бем-Баверк — это только правомерная меновая сделка: разбойник предпочитает настоящую ценность денег будущей ценности небесного блаженства, а ограбленный предпочитает будущую пользу сохраненной жизни настоящему значению своих денег²⁾».

Однако, увы! Даже при помощи хитроумных соображений о настоящей и будущей ценности Бем-Баверку не удалось выяснить проблему. И если уже в основе его построения обнаруживаются элементы, которые совершенно недопустимы в научной теории прибыли и распределения вообще, то и в рамках уже принятой им и разобранной нами постановки вопроса не могут не обнаруживаться те же недостатки; в той или иной форме они *должны* выплыть на поверхность.

Мы переходим поэтому к критике, так сказать, внутренней стороны бем-баверковской теории, в первую очередь в критике его доказательств перевеса ценности настоящих благ.

¹⁾ G. Charasoff: „Das System des Marxismus“, s. XXII: „...die Arbeit (no Bemy) stets weniger Wert besitzt als der gegenwärtige Lohn. Hiermit wird die Tatsache der Mehrarbeit keineswegs geleugnet, es wird ihr nur eine logisch unhaltbare Erklärung, oder vielmehr der Schein einer Rechtfertigung gegeben“.

²⁾ I. H. (Parvus): „Ökonomische Taschenspielerlei Eine Böhm.-Bawerkia-de“. Neue Zeit, 10. Jahrg., Band I, s. 556: „...gegenwartswert und Zukunftswert, was liesse sich damit nicht beweisen? Wenn jemand unter Drohung von Gewalttätigkeiten einem Anderen sein Geld wegnimmt, was ist das? Raub? Nein, sollte Böhm Bawerk sagen, es ist nur rechtmässiger Tausch: der Räuber zieht den Gegenwartswert des Geldes dem Zukunftswert der Seligkeit vor, der Beraubte zieht den Zukunftsnutzen des erhaltenen Lebens der Gegenwartsbedeutung seines Geldes vor!“

ГЛАВА V.

Теория прибыли. (Продолжение).

1. Две причины переоценки настоящих благ: а) различное отношение между потребностями и средствами их удовлетворения в разное время; б) систематическая недооценка будущих благ. 2. Третья причина переоценки настоящих благ: техническое их превосходство. 3. „Фонд существования“ (der „Subsistenzfonds“). Спрос на настоящие блага и их предложение. Образование прибыли.“

1. Две причины переоценки настоящих благ: различное отношение между потребностями и средствами их удовлетворения; систематическая недооценка будущих благ.

В предыдущей главе мы видели, что реализация прибыли происходит в процессе продажи капиталистом его товара; *потенциально* же прибыль возникает в процессе покупки труда. Обычно субъективные оценки настоящих благ превышают субъективные оценки будущих благ. А так как субъективные оценки определяют объективную меровую ценность и цену, то обычно настоящие блага превышают будущие блага того же вида не только по субъективной ценности но и по цене¹⁾. Разница же между ценами, уплаченными капиталистом при покупке будущих благ и, в первую очередь, труда²⁾, и ценами, полученными при продаже товара, полученного в результате производственного процесса („вызревание“ будущих благ в настоящие), образует прибыль на капитал. Мы должны, таким образом, проследить образование этой прибыли, начиная с анализа субъективных оценок, из которых складывается объективная ценность, а в каждом конкретном случае — цена.

¹⁾ „In aller Regel haben gegenwärtige Güter einen höheren subjektiven Wert als künftige Güter gleicher Art und Zahl. Und da die Resultante der subjektiven Werthschätzungen den objektiven Tauschwert bestimmt, so haben in aller Regel gegenwärtige Güter auch einen höheren Tauschwert und Preis als künftige Güter derselben Art und Zahl.“ (Positive Theorie“, 439).

²⁾ В конечном счете, затраты на покупку средств производства сводятся, по Б.-Б., к затратам на покупку пользования землей (Boden-nutzungen) и труда: от первого он абстрагирует „для простоты“.

Бем-Баверк выставляет *три* причины, по которым настоящие блага ценятся выше будущих: во-1-х, различное отношение между потребностями и средствами их удовлетворения в разное время; во-2-х, систематическая недооценка будущих благ; в-3-х, техническое превосходство настоящих благ. — Разберем один за другим аргументы Бем-Баверка. Начнем с первой «причины». «Первая основная причина» — пишет Бем — «которая способна вызвать различие в ценности настоящих и будущих благ, заключается в различном отношении между спросом и предложением (Bedarf und Deckung) в различные промежутки времени»¹⁾. Эта «причина» переоценки настоящих благ встречается обычно в двух типичных случаях: во-первых, во всех тех случаях, когда люди испытывают затруднительное положение; во-вторых, в оценках тех лиц, которые в будущем рассчитывают иметь обеспеченное существование (начинающие врачи, адвокаты etc.). Для этих двух категорий «настоящие» 100 рублей гораздо важнее, чем «будущие», так как в будущем «соотношение между потребностями и средствами их удовлетворения» у тех и других имеет все шансы установиться на более благоприятном уровне. Однако, имеется ряд лиц, для которых, действительно, как раз обратное отношение между потребностями и благами, а именно, относительно хорошее положение теперь и худшее положение в будущем. В этом случае — говорит Бем — необходимо обратить внимание на следующее: настоящее благо, скажем, настоящий гульден, может быть употреблен или в настоящем же времени, или в будущем. Это в особенности следует сказать о деньгах, так как деньги могут быть сохранимы. При этом отношение между настоящими и будущими благами будет таково: будущие блага могут удовлетворять *только* будущие потребности; настоящие же блага могут удовлетворять *и эти будущие, и сверх того* настоящие потребности, равно как и те будущие потребности, которые расположены в хронологически более близкий отрезок времени. Здесь, вообще говоря, могут быть два случая: 1) *настоящие и близ лежащие будущие потребности*

¹⁾ Böhm-Bawerk: „Positive Theorie“, S. 440: „Ein erster Hauptgrund der gegignet ist, eine Verschiedenheit im Werte gegenwärtiger und künftiger Güter herbeizuführen, liegt in der Verschiedenheit des Verhältnisses von Bedarf und Deckung in den verschiedenen Zeiträumen“.

менее важны, чем будущие потребности, о которых идет речь,—в этом случае настоящее благо сохраняется, идет на удовлетворение будущих потребностей; его ценность будет определяться важностью этих последних; здесь, таким образом, настоящее благо будет по своей ценности равно будущему благу¹⁾; 2) настоящие потребности более важны,—тогда настоящее благо по своей ценности превышает будущее благо, так как последнее может заимствовать свою ценность только от будущих потребностей и ни в коем случае не может заимствовать ее от настоящих. Отсюда вытекает, что настоящие блага могут быть равны, но не могут быть меньше по ценности, чем блага будущие. Но даже и случай равенства ослабляется, по мнению Бем-Баверка, благодаря тому, что всегда имеется возможность относительного ухудшения в материальном положении в близком будущем: эта возможность дает настоящему благу некоторые шансы на более выгодное употребление, которых будущее благо не имеет. „Настоящие блага, таким образом, в худшем случае равны по своей ценности благам будущим, обычно же в силу своей применимости в качестве резервного запаса, они обладают преимуществом“²⁾. Исключение по Бем-Баверку, составляют лишь те случаи, когда сохранение настоящих благ сопряжено с трудностями или вообще невозможно. Таким образом, имеется три разряда лиц. 1) те, очень многие лица, которые в настоящем находятся в худших условиях, чем в будущем,—они ценят настоящие блага выше; 2) те, также очень многие, лица, которые имеют возможность настоящие блага держать в качестве резервного фонда и употребить их на удовлетворение будущих потребностей,—они ценят настоящие блага или одинаково с будущими, или немного выше; и, наконец, 3) очень немногочисленный слой лиц, у которых *„die Kommunikation von Gegenwart und Zukunft durch besondere Umstände gehindert oder bedroht ist“*,—эти лица ценят настоящие блага ниже будущих.

¹⁾ „...dann wird das gegenwärtige Gut auch den letzteren (будущим Н. Б.) vorbehalten werden und von ihnen den Wert abtun; dann steht es also im Werte einem künftigen Gute, das derselben Verfügung dienstbar könnte, eben gleich.“ („Posit. Theorie“, s. 442).

²⁾ *Ibidem*, 443 „Die gegenwärtigen Güter sind also den künftigen im schlimmsten Falle an Wert gleich, in der Regel um die Verwendbarkeit als Reservevorrat im Vorteil“.

В общем и целом, субъективные оценки имеют, таким образом, тенденцию, быть выше, когда речь идет о настоящих благах, и ниже, когда речь идет о таком же количестве тех же благ в будущем.

Такова «первая причина» переоценки настоящих благ.

Обратимся к разбору этой «причины». Прежде всего следует отметить, что, вообще, подобная постановка вопроса ограничена *исторически*. А именно, она возможна лишь для менового хозяйства и абсолютно немыслима для всех видов хозяйства натурального. И при том последнее положение годится не только по отношению к плохо сохраняемым продуктам, но — как правильно замечают Pierson и Bortkiewicz — и по отношению к другим. «Тот, кому давы были бы в распоряжение такие количества угля, вина и т. д., которые нужны ему в продолжение всей его жизни, весьма бы благодарил за это — замечает при обсуждении бем-баверковской теории *Пирсон*, который, впрочем, в существенном разделяет эту теорию. С леньгами, во всяком случае, дело другое»¹⁾.

Далее. Мы видели, что переоценка настоящих благ по сравнению с будущими вытекает по Бем-Баверку в значительной степени благодаря тому, что настоящее благо может удовлетворять и более важные будущие потребности, от которых оно и заимствует свою ценность. Пусть у нас имеется субъект, относительно хорошо обеспеченный в настоящем и не рассчитывающий на такое же будущее. 10 гульденов, которые имеются у него сейчас, удовлетворяют *теперь* потребность в 100 единиц; так как в будущем гульденов у нашего субъекта будет меньше, то ценность этих 10 гульденов повысится, скажем, до 150. Из этого можно было бы заключить, что будущие 10 гульденов ценятся нашим субъектом выше, чем настоящие 10 гульденов. Однако, Бем, как мы видели, выводит иное заключение. А именно, так как настоящие 10 гульденов — говорит он — могут быть сохраняемы и употребляемы и для *будущего*, то они уже в на-

¹⁾ L. von Bortkiewicz. „Der Kardinalfehler der Böhm-Bawerkschen Zins-theorie“. Schmollers Jahrbücher, Band 20., s. 947. „Jemand, dem solche Mengen Kohlen, Wein usw. zur Verfügung gestellt würden, als er voraussichtlich in seinem ganzen Leben nötig haben wird, würde sich dafür schon bedanken, bemerkt bei der Resprechung der Böhm-Bawerkschen Theorie Pierson, der übrigens dieser Theorie im wesentlichen beipflichtet. Mit dem Geld sei es allerdings eine andere Sache“.

стоищем имеют ценность будущих гульденов. Таким образом, здесь будущая ценность проецируется в настоящее время. Эта предпосылка — возможность перенесения ценности будущего блага на благо настоящее, противоречит, на наш взгляд, основной мысли Бем-Баверка о происхождении прибыли. В самом деле, приложим рассуждение Бема к средствам производства. Всякое средство производства — будь то машина или труд — можно рассматривать двояко: и как будущее благо, и как благо настоящее (последнее постольку, поскольку имеется возможность реализации ценности уже и в настоящем, а также наличность вещной формы, напр. машины etc.). Мы можем реализовать ценность данного средства производства в настоящем — продать его и выручить, скажем, 100 единиц ценности; мы можем пустить его в производственный процесс и по истечении определенного времени выручить 150 единиц ценности. Таким образом, будущая ценность средства производства равна 150, настоящая его ценность — 100. Если теперь предположить, как это делает Бем-Баверк, возможность оценки настоящих благ по их будущей ценности, то ясно, что как раз по отношению к средствам производства подобное предположение недопустимо, ибо тогда исчезла бы разница между тем, что капиталист платит сам, и тем, что он выручает, исчез бы „лаж“, который по Бему является причиной прибыли. Ошибка Бема заключается в том, что он исключает для *будущего* блага возможность *настоящего* употребления ¹⁾. Конечно, воображаемые „будущие блага“ не могут реализовать своей ценности в настоящем. Но как раз средства производства, существующие уже в настоящем в своей материальной сущности, не подходят под категорию „воображаемых гульденов“. Одно из двух: или настоящие блага не могут заимствовать своей ценности от будущей пользы (в пределах разбираемой нами первой причины, конечно) — тогда нет места факту переоценки настоящих благ, ибо отпадает равенство оценок настоящих и будущих благ; или же настоящие блага *могут* заимствовать свою ценность от будущей пользы — тогда не (откуда взяться прибыли (опять-таки пока в пределах «первого случая»). И в том,

¹⁾ „Das künftige Gut, das den seinigen (Wert. N. B.) nur von einer künftigen (мой курсив Н. Б.) Verwendung herleiten kann.“ (Böhm-Ba-
werk: „Positive Theorie“, S. 442

и в другом случае результат для Бем-Баверка получается неутешительный.

Взглянем теперь на дело с точки зрения современной капиталистической действительности, т.-е. с точки зрения капиталистов и рабочих. Начнем с рабочих. Последние продают свой товар — труд, который покупается капиталистом в качестве средства производства, т.-е. будущего блага, в обмен на «настоящие» гильдены. Рабочий «соглашается» продавать свой труд (будущее благо) за ценность, меньшую, чем та, которую будет иметь продукт труда. Но это происходит отнюдь не потому, что рабочий может надеяться на лучшее отношение von Bedarf und Deckung, а в силу относительно слабой социальной позиции рабочего¹⁾. Последний к тому же лишен всякой надежды «выйти в люди», и именно этим обстоятельством объясняется позиция пролетариата всех стран. Таким образом, «первая причина» переоценки настоящих благ совсем не касается оценочных мотивов рабочего. Но она совершенно не годится и для объяснения оценок капиталистических предпринимателей. По этому поводу никто иной, как сам Бем-Баверк, говорит следующее:

«Если бы капиталисты реализовали весь свой имущественный запас, как настоящее благо, то-есть, если бы они их непосредственно потребляли, тогда, конечно, потребности настоящего времени были бы с избытком покрыты, в то время, как потребности будущего остались бы совершенно без удовлетворения. Поскольку речь идет не о чем ином, как об отношении между потребностями и средствами их удовлетворения в настоящем и будущем, настолько для владельца имущественного запаса, превосходящего потребности настоящего времени, настоящие блага, как таковые, имеют даже меньшую ценность, чем блага будущего»²⁾.

¹⁾ Stolzmann, I. c., s. 306—307.

²⁾ Böhm-Bawerk: „Positive Theorie“, s. 510 (Курсив наш): „Würden die Kapitalisten ihren ganzen Vermögensstamm, als gegenwärtige Güter verwerten, das ist, in gegenwärtigem Genusse verzehren, so würde augenscheinlich der Bedarf der Gegenwart überflüssig und versorgt, während der Bedarf der Zukunft ganz unbedeckt bliebe. So weit es auf nichts anderes ankommt als auf die Verhältnisse von Bedarf und Deckung in Gegenwart und Zukunft, sind für Besitzer eines den Bedarf der Gegenwart übersteigenden Vermögensstammes gegenwärtige Güter als solche sogar weniger wert als künftige“.

Для капиталиста настоящие блага, превышающие его собственные потребности, полезны постольку, поскольку он их *производително* потребляет, т.-е. поскольку он превращает их в *будущие* блага. Это обстоятельство способствует „переоценке“ *не настоящих*, а как раз *будущих* благ, в нашем случае труда. Итак, и на стороне спроса, и на стороне предложения, «первая причина» оказывается абсолютно недействительной.

Переходим теперь ко «второй причине». Она заключается в том, что «мы систематически недооцениваем наши будущие потребности и средства, которые служат для их удовлетворения» ¹⁾. Бем-Баверк несколько не сомневается в самом факте; он говорит только, что этот факт имеется лишь в различной степени, смотря по нации, возрасту, личности; особенно ярко—говорит Бем—проявляется он у детей и дикарей („ganz krass tritt sie uns bei Kindern und Wilden entgegen“). Бем Баверк приводит три основания, которые вызывают это явление: 1) неполнота (Lückenhaftigkeit) представлений о будущих потребностях; 2) «порок воли», который заставляет предпочитать настоящее, несмотря даже на сознание невыгодности такого действия; 3) «соображения о краткости и непрочности нашей жизни» («die Rücksicht auf die Kürze und Unsicherheit unseres Lebens»).

Нам кажется, что эта «вторая причина» настолько же недостаточна, как и первая. Поскольку имеется хозяйство, постольку имеется определенный хозяйственный план, принимающий во внимание потребности не только настоящего, но и потребности будущего. «Дикарей» и «детей», о которых говорит Бем-Баверк, никоим образом нельзя брать, как пример. Какое влияние может оказать «неполнота представлений о будущем», «порок воли» или «соображение о краткости и непрочности нашей жизни» на бухгалтерские расчеты современного крупного предпринимателя? Хозяйство имеет свою логику, и мотивы хозяйственной деятельности, хозяйственный расчет, как небо от земли, далеки от мотивов дикарей и детей. Наоборот, сбережение денег—если оно выгодно,—выжидание конъюнктуры, сложные планы относительно будущего etc.

¹⁾ „Wir unterschätzen systematisch unsere künftigen Bedürfnisse und die Mittel, die zu ihrer Befriedigung dienen“. (Ibid., s. 445).

суть отличительные признаки капиталистического хозяйства: если капиталист и бывает «ребенком», то он поступает так лишь с своими «карманными деньгами»; основные же ценности, операции предпринимательского характера ведутся на основе самого строгого расчета. По этому поводу совершенно правильно замечает Визер: «Мне кажется, что в условиях цивилизации всякий хороший хозяин, а по сути дела также и все средние элементы научились в некотором отношении преодолевать эту слабость человеческой природы» (т.е. недооценку будущих благ. Н. Б.)... Необходимость забот о будущем здесь особенно велика, и не было бы никакого чуда в том, если бы она тут особенно резко проявлялась»¹⁾.

Кроме того, привлекать для объяснения прибыли на капитал риск, связанный с «будущим», нельзя даже с точки зрения Бема, ибо, как говорит Борткевич, «в бем-баверковской теории речь идет об объяснении процента на капитал в собственном смысле, т.е. чистого процента, а не валового, который, среди прочих составных частей содержит и премию на риск, при чем последняя считается с моментом неустойчивости и выключается из рассмотрения, поскольку вопрос касается чистого процента»²⁾.

Перейдем теперь к рабочим и капиталистам. Бем-Баверку представляется, что рабочий мог бы сам выступить в роли предпринимателя и получить в будущем продукт своего труда. Но он предпочитает получить хоть часть его в настоящем, так как он «систематически недооценивает» будущие блага. На самом же деле происходит совсем не то, что предста-

¹⁾ Wieser: „Natürlicher Wert“, s. 17. „Es scheint mir... dass im Stande der Civilisation jeder gute Wirtschafter und der Hauptsache nach auch alle mittelmässigen gelernt haben, in einer gewissen Beziehung die Schwäche der menschlichen Natur Herr zu werden... Die Aufforderung zur Vorsorge ist in dieser Beziehung eine besonders starke, und es dürfte nicht Wunder nehmen, wenn sie hier vor allem wirksam geworden wäre“. См также Борткевича: Kardinalfehler der Böhm-Bawerskschen Zinstheorie; ... spricht gegen die v. Böhm-Bawersksche Behauptung, dass eine Neigung zur Unterschätzung des Wertes künftiger Güter allgemein verbreitet sei, der Umstand, dass Fälle entgegengesetzter Art durchaus nicht zu den Seltenheiten gehören“ (s. 949). То же у Stölzmann'a, I, c. S. 308—309.

²⁾ Борткевич, I, c. 7. 950: „... bei der Böhm-Bawerskschen Theorie handelt es sich um die Erklärung des Kapitalzinses im eigentlichen Sinne, d. h. des Nettozinses nicht aber des Bruttozinses, der unter anderen Bestandteilen die Risikoprämie enthält, welche, letztere dem Moment der Unsicherheit Rechnung trägt und für die Frage des Nettozinses aus der Betrachtung ausscheidet“.

вается Бем-Баверку. А именно, рабочий продает свою рабочую силу не потому, что он «недооценивает» будущее благо, а потому, что у него нет возможности получать какие бы то ни было блага иначе, чем путем продажи своей рабочей силы (труда у Бем-Баверка); выбора между собственным производством и производством на фабрике капиталиста для него просто не существует; он не имеет никакой возможности превратить будущее благо „труд“ в настоящее благо; поэтому он *вовсе* не оценивает своего труда, как будущего блага — такая точка зрения ему абсолютно чужда. Это обстоятельство настолько ясно, что его видят даже буржуазные экономисты из тех, которые не возводят апологии капитализма в систему, или, по крайней мере, прodelьывают это не с таким усердием, как Бем. «Промышленный рабочий» — пишет проф. Лексис — «теперь не может вообще реализовать свою рабочую силу самостоятельно; для этого он нуждается в новых могучих средствах производства, которые находятся в обладании капитала и делаются доступными для него только на условиях, поставленных капиталом... Рабочий не ведет собственного производительного хозяйства, продукт его труда ему, не принадлежит и для него безразличен; хозяйствование состоит для него в добычании и расходовании его заработной платы»¹⁾.

Так обстоит дело на стороне рабочего. Посмотрим, что происходит на стороне капиталистов. Относительно этого пункта сам Бем-Баверк признает, что для капиталистов, поскольку они выступают именно, как капиталисты, а не моты („Verschwender“), переоценка настоящих благ не играет роли²⁾. Таким образом, и здесь, как на стороне „проса“, так и на стороне предложения «вторая причина» оказывается такой же недействительной, как и первая.

¹⁾ W. Lexis: „Allgemeine Volkswirtschaftslehre“, s. 7: „Der industrielle Arbeiter — konnte jetzt aus eigenen Mitteln seine Arbeitskraft überhaupt nicht verwerten, er bedurfte dazu der neuen mächtigen Produktionsmittel, die sich im Besitz des Kapitals befanden und ihm nur unter den vom Kapital gestellten Bedingungen zugänglich waren... Der Arbeiter führt seine eigene Produktionswirtschaft, das Produkt seiner Arbeit gehört ihm nicht und ist ihm gleichgültig, das Wirtschaften besteht für ihn in dem Erwerben und Veräußern seines Lohnes“. Курсив наш. Ср. Parvus, I. c., s. 500: „Der Gegenwartswert der Arbeit für den Arbeiter ist eine Fiktion, man kann höchstens von ihm nur mathematisch sprechen als von einer Grösse, die gleich Null ist“.

²⁾ „Positive Theorie“ s. 520—521.

«Из трех моментов... оба первых, таким образом, для массы капиталистов (мы видели, что это относится и к рабочим Н. Б.) не проявляются в действительности. Наоборот, здесь может проявить свое действие хорошо знакомый нам третий момент: *техническое превосходство настоящих благ*; или то, что иногда называют «производительностью капитала»¹⁾.

Мы должны разобрать, таким образом, последнюю «причину», техническое превосходство настоящих благ.

2. Третья причина переоценки настоящих благ: техническое их превосходство.

Этот третий довод, которому Бем-Баверк придает исключительное значение, состоит в том, что «обычно настоящие блага в силу технических причин являются лучшими средствами для удовлетворения наших потребностей и поэтому гарантируют нам более высокую предельную пользу, чем будущие блага»²⁾. Здесь мы должны сделать оговорку и попросить пока читателя запомнить следующее: до сих пор везде у Бем-Баверка предполагалось, что под настоящими благами разумеются *Genussgüter*, блага первого порядка, в худшем случае — «настоящие» гильдены, которые легко трансформируются в потребительные блага, уже совсем непосредственно удовлетворяющие человеческие потребности. Именно гильденами расплачивался наш капиталист, как настоящим товаром, который он отдавал в обмен на «будущее благо» — труд. Совсем не о том, однако, речь идет в разбираемом случае. Тут Бем-Баверк сравнивает уже не средства производства в их противоположности со средствами потребления, а средства производства *между собой*, различные категории этих средств производства. Это влечет за собой целый ряд последствий, о которых ниже.

¹⁾ *Ibidem*, 521: „Von den drei Momenten... treten also für die Masse der Kapitalisten (мы видели, что это действительно и для рабочих Н. Б.) die beiden ersten nicht in Wirksamkeit. Dagegen kann hier das uns wohl bekannte dritte Moment wirksam werden: die technische Ueberlegenheit der gegenwärtigen Güter, oder das, was man sonst die „Produktivität des Kapitals“ nennt“.

²⁾ *Ibidem*, 454: „in aller Regel gegenwärtige Güter aus technischen Gründen vorzüglichere Mittel für unsere Bedürfnisbefriedigung sind und uns daher auch einen höheren Grenznutzen verbürgen als künftige“.

Возвращаемся к теме. Из предыдущей главы мы знаем, что производственный процесс по Бем-Баверку тем успешнее, чем он длиннее. Если мы возьмем какую-нибудь единицу средств производства, напр., месяц труда, вложенный в технически-неодинаковые производственные процессы, то результат будет различен в зависимости от различной *длины* производственного процесса. Бем-Баверк приводит следующую таблицу:

Таблица I.

Месяц труда, затраченный в году.

	1909	1910	1911	1912	
Дает для хозяйственного периода (т. е. к концу года)	1909	100	—	—	единиц продукта
	1910	200	100	—	
	1911	280	200	100	
	1912	350	280	200	
	1913	400	350	280	
	1914	440	400	350	
	1915	470	440	400	
	1916	500	470	440	400

Для удовлетворения потребностей 1909 г. — говорит Бем — месяц труда, затраченного в 1910 или 1911 году не дает нам ровно ничего; месяц труда, затраченного в 1909 г. — дает 100 единиц продукта; для удовлетворения потребностей 1914 года месяц труда 1911 г. дает 350, 1910 — 400, 1909 — 440 единиц продукта.

„С точки зрения какого промежутка ни сравнивать, всегда старшая (настоящая) группа средств производства в техническом отношении обладает преимуществами сравнительно с равновеликой младшей (будущей) группой“¹⁾. Но это преимущество — продолжает Бем Баверк — не только техническое, но и *экономическое*: полученный продукт в отрасли „более капиталистической“, т. е. с более длинным производственным путем, превосходит продукт в отрасли „менее ка-

¹⁾ Ibid-m, s. 457: „Mag also der Vergleich vom Standpunkte was immer für eines Zeitraumes aus gezogen werden, so zeigt sich überall die ältere (gegenwartige) Produktivitätsmenge der gleich grossen jüngeren (künftigen) technisch überlegen“.

питалистической" не только по числу полученных единиц, но и по общей *ценности*.

„Но имеет ли она (старшая группа средств производства. Н. Б.) преимущество также и в смысле высоты своей предельной пользы, в смысле своей *ценности*? Конечно, да. Ибо, если оно дает в наше распоряжение больше средств удовлетворения потребностей для любой сферы этих потребностей, ради удовлетворения которых мы можем или хотим ее применить, то она имеет и большее значение для нашего благополучия“¹⁾.

Для одного лица в один и тот же момент времени — говорит Бем — большее количество продукта будет иметь и большую ценность. Так обстоит дело с ценностью *продукта*. Как же обстоит дело с ценностью средств производства? Как мы знаем из соответствующего отдела главы о ценности, ценность средств производства при различных способах употребления определяется максимумом ценности продукта, т. е. ценностью продукта, произведенного в наиболее выгодных производственных условиях.

„У благ, которые допускают альтернативно различные способы употребления с равновелякой предельной пользой, решающим моментом является *высшая* предельная полезность. Следовательно, в нашем конкретном случае, тот продукт, который представляет *наивысшую сумму ценностей*“²⁾.

Отсюда следовало бы, повидимому, заключение, что ценность средств производства определяется максимальным количеством *продукта*, т. е. максимальным удлинением производственного процесса. Но — и это положение мы просим читателя особенно твердо запомнить — в действительности теория Бем Баверка *дает иной ответ*. Высшая сумма ценности — говорит наш автор — „не должна совпадать с тем продуктом, который содержит наибольшее число единиц: наоборот, она

¹⁾ *Ibidem.*, s. 457: „Ist sie (Produktivmittelmengen, Н. Б.) aber auch in der Höhe ihres Grenznutzen und ihres Wertes überlegen? Ganz gewiss ist sie es. Denn wenn sie uns für jeden denkbaren Bedürfnisskreis zu dessen Gütern, wie sie verwandt können oder wollen, mehr Befriedigungsmittel zur Verfügung stellt, so muss sie doch auch eine grössere Bedeutung für unsere Wohlfahrt haben“.

²⁾ *Ib. id.*, 458: „Bei Gütern, die alternativ eine verschiedene Verwendung mit verschiedenem Gossen Grenznutzen zulassen ist der höchste Grenznutzen der massgebend. Also in unserem konkreten Falle dasjenige Produkt, das die höchste Wertsumme darstellt“.

редко или никогда с ним не совпадает. Ибо наибольшее количество единиц (продукта) мы достигли бы путем необыкновенно долгого производственного процесса, который длился бы 100 или 200 лет: но блага, которые будут готовы лишь к то времени наших правнуков и праправнуков, в наших теперешних оценках не имеют вовсе никакой ценности¹⁾. Поэтому наибольшая сумма ценности будет соответствовать тому продукту, сумма единиц которого, умноженная на ценность единицы, дает максимальную величину, при чем принимаются в расчет «отношение между потребностями и средствами удовлетворения в соответствующий хозяйственный период и... имеющаяся для будущих благ перспективная редукция» (т.е. уменьшение ценности Н.В.)²⁾.

Пусть у нас имеется лишь «первая причина», т.е. «*zunehmend - verbessernde Versorgungsverhältnisse*»; пусть соответствующая (уменьшающаяся) ценность единицы продукта, которую Бем-Баверк называет «истинной ценностью», будет для продукта 1909 г.—5; 1910 г.—4; 1911 г.—3.3; 1912 г.—2.5; 1913 г.—2.2; 1914 г.—2.1; 1915 г.—2; 1916 г.—1.5. Тогда соответствующие цифры при действии второй причины, т.е. при *perspektivische Reduktion*, — будут: 5; 3.8; 3; 2.2; 1.8; 1.5; 1. Мы предполагаем, таким образом, вместе с Бем-Баверком уменьшение ценности «будущих благ» по сравнению с «настоящими» в силу двух ранее нами разобранных причин. На основании этого Бем составляет следующие таблицы:

¹⁾ „Dieses muss nicht mit demjenigen Produkt zusammenfallen, welches die grösste Stückzahl enthält im Gegenteil, es fällt selten oder nie damit zusammen. Denn die grösste Stückzahl würden wir durch einen unmässig langen, vielleicht 100 oder 200 Jahre dauernden Produktionsprozess erlangen, Güter aber die erst zu Lebzeiten unserer Urenkel und Ururenkel zur Verfügung gelangen, haben in unserer heutigen Schätzung so gut wie gar keinen Wert. (Positive Theorie*, s. 460).

²⁾ *Ibidem*: „das Verhältniss von Bedarf und Deckung in der betreffenden Wirtschaftsperiode und... Rück-icht auf die bei künftigen Gütern eintretende perspektivische Reduktion“. Ср стр. 461 того же сочин. Здесь, между прочим, Бем-Баверк определяет ценность суммы, как ценность единицы, помноженной на число единиц, что противоречит его же с собственной теории. Из этого противоречия он тщетно пытается вывернуться в прим. на стр. 461 и 462. Впрочем, данный вопрос лежит в иной области и был уже нами разобран в соответствующем месте I отдела.

Таблица II.

Один месяц труда, затрачиваемый в 1909 г., дает:

Для хозяйства периода.	Число единиц продукта.	Истинная пред. пол. единицы	Перспект. уменьш. ценности ед.	Ценностная сумма всего продукта
1909	100	5	5	500
1910	200	4	3.8	760
1911	280	3.3	3	840
1912	350	2.5	2.2	770
1913	400	2.2	2	800
1914	440	2.1	1.8	792
1915	470	2	1.5	705
1916	500	1.5	1	500

Таблица III.

Один месяц труда, затрачиваемый в 1912 г., дает:

Для хозяйства периода.	Число единиц продукта.	Истинная пред. пол. единицы.	Перспект. уменьш. ценности ед.	Ценностная сумма всего продукта
1909	—	5	5	—
1910	—	4	3.8	—
1911	—	3.3	3	—
1912	100	2.5	2.2	220
1913	200	2.2	2	400
1914	280	2.1	1.8	504
1915	350	2	1.5	525
1916	400	1.5	1	400

Из этих таблиц видно, что максимум ценности для труда, затрачиваемого в 1909 году (840 единиц ценности), выше максимума ценности, полученной в результате более позднего труда 1912 г. (525). Если мы сделаем необходимые вычисления и для 1910 и 1911 г. и составим сводную таблицу, аналогичную нашей таблице I-й, то получим следующие результаты ¹⁾:

¹⁾ Отличие табл. IV от табл. I будет заключаться лишь в том, что в I счет вкиселя в продукты, в IV — в ценности.

Т а б л и ц а IV.

Месяц труда, затраченный в году:

	1909	1910	1911	1912
1909	500	—	—	—
1910	780	380	—	—
1911	840	600	300	—
1912	770	616	440	220
1913	800	700	560	400
1914	792	720	630	504
1915	705	660	600	525
1916	500	470	440	400

Дает для хозяйственного периода.

Единица ценности

„Таким образом, в действительности, настоящий месяц труда имеет преимущество перед всеми будущими не только в смысле (большей) технической продуктивности, но и в смысле (большей) предельной полезности и ценности“¹⁾.

*) „Positive Theorie“, s. 465. „Es ist also in der Tat der gegenwärtige Arbeitsmonat allen künftigen nicht bloss an technischen Produktivität, sondern auch an Grenznutzen und Wert überlegen.“ Для уяснения позиции Вем-Баасерка следует отметить, что его понятие «производственного периода» („Produktionsperiode“) существенно отличается от обычного. Это вовсе не сумма времени, последовательно затрачиваемая на все операции, начиная с подготовительных, ибо „in unserer Zeit, in der die kapitalistische Produktion fast ganz verschwunden ist... würde nach jener strengen Berechnung die Produktionsperiode fast jedes Geaussgutes ihren Anfang in lang vergangene Jahrtausende zurückverlegen dürfen“ (s. 156). „Wichtiger und richtiger ist es vielmehr, auf den Zeitraum zu sehen, der durchschnittlich zwischen dem Aufwand der sukzessive in ein Werk verwandelten originären Produktivkräfte, Arbeit und Bodennutzungen, und der Fertigstellung der schliesslichen Genussgüter vergeht. Diejenige Produktionsmethode ist stärker kapitalistisch, welche den in ihr vollzogenen Aufwand an originären Produktivkräften durchschnittlich später lohnt.“ (157). Если производство единицы благ стоит, в общем, 100 рабочих дней, и если один раб. день был затрачен до окончания процесса за 10 лет, каждый из следующих за 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2 и 1 год, а все остальные (90) дней, непосредственно перед окончанием всего процесса, то первый раб. день вознаграждается через 10, второй через 9 и т. д. лет. А все 10 дней durchschnittlich вознаграждают себя через

$$10+9+8+7+6+5+4+3+2+1 = 55$$

$$100 \div 55 = 1,818$$

т.е. приблизительно, через полгода. Это и есть Produktionsperiode. Т. о., „единица средств производства в 100 дн. употреблена в производительном процессе, где период производства равен полугоду. Чем больше этот производственный период, тем „ergiebiger“ производство, тем выше „Produktivität des Kapitals“. О полной нелепости и пу-

Итак, здесь доказано, по Бем-Баверку, не только техническое, но и экономическое превосходство (т.-е. превосходство при ценностных расчетах) настоящих производительных благ над будущими производительными благами. К собственно настоящим благам, т.-е. к настоящим потребительным благам Бем-Баверк переходит путем такого рассуждения: обладание известным запасом настоящих потребительных благ позволяет затрачивать средства производства в наиболее производительных процессах; если средств существования мало, то ждать получения продукта в течение долгого времени нельзя. При данной величине средств существования дан и возможный производственный период. При этом, чем скорее имеем мы средства производства, тем лучше мы можем использовать их. Если у нас имеется запас настоящих потребительных благ на 10 лет, то настоящее производительное благо может быть затрачено в течение всех этих 10 лет; всякое же будущее благо будет находиться в производственном процессе меньшее количество времени: если мы получим средство производства лишь через 3 года, то максимум производственного процесса будет 10—3, т.-е. 7 лет и т. д. ¹⁾ Таким образом, „зависимость здесь следующая. Распоряжение некоторой суммой настоящих потребительных благ покрывает наши потребности в текущий хозяйственный период, и этим самым освобождает имеющиеся как раз в данный период средства производства (труд, земля, капитальные блага) для технически более продуктивного применения ради будущего“ ²⁾. Другими словами:

стоте этого понятия очень хорошо говорит *Levin*: „Es ist vor allem unverständlich wie und warum Böhm-Bawerk bei der Berechnung der Produktionsperiode zu jenem Durchschnitt gelangt. Das Werkzeug, das im obigen Beispiel vor 10 Jahren erzeugt wurde und zur Herstellung des nunmehr fertigen Genussgutes notwendig war, gehört im ganzen und nicht etwa in seinem zehnten Teile zur Produktion dieses Gutes, die weiteren Zwischenprodukte dürfen ebensowenig als Bruchteile in Anrechnung gebracht werden. Für Kostenberechnung kommt nur ein entsprechender Teil der Produktionsmittel in Betracht, für die Bestimmung der Produktionsdauer muss dagegen jedes Produktionsmittel als Ganzes in Anrechnung kommen: (1. c., s. 201) Таким образом, самое понятие производственного периода, лежащее в основе вычислений Бема, лишено всякого смысла. Впрочем, Бем-Баверк далеко не везде выдерживает это свое определение.

¹⁾ Аналогичное толкование этого пункта дает и *Шапошников*, 1. с., стр. 120; собственно у Б.-Б. зависимости между длиной произв. процесса и величиной запаса более сложна (ср. *Posit. Theorie*, s. 532—536); но в данном случае это не имеет для нас значения.

²⁾ *Böhm-Bawerk, Positive Theorie*, s. 469: Der Zusammenhang ist der folgende. Die Verfügung über eine Summe gegenwärtiger Genussmittel

так как настоящие производительные блага ценнее будущих и так как этому способствует наличие настоящих потребительных благ, то эти последние получают некоторый лаж. Повышенная ценность настоящих производительных благ влечет за собою повышение ценности настоящих потребительных благ.

Такова „третья причина“. Прежде чем перейти к критике этого важнейшего и, как нам кажется, наиболее схоластического аргумента Бем-Баверка, мы сформулируем вкратце весь ход его рассуждений по этому пункту.

Во-1. Настоящие производительные блага дают большее количество *продукта*, чем будущие производительные блага.

Во-2. Ценность этого продукта во всякий данный момент, а также *максимум ценности* больше у настоящих производительных благ.

Во-3. Поэтому ценность настоящих *средств производства* выше ценности будущих средств производства.

Во-4. Так как настоящие потребительные блага позволяют вкладывать средства производства в наиболее производительные операции, т.-е. пускать их теперь же в дело на долгий срок, то настоящие потребительные блага получают более высокую оценку по сравнению с будущим.

Обратимся теперь к критическому разбору всей этой аргументации.

Ad 1. Настоящие производительные блага дают большее количество продукта, утверждает Бем-Баверк. В доказательство приводится наша таблица I. Для того, чтобы аргументация Бема имела какой-нибудь смысл, необходимо, чтобы здесь было устранено все то, что связано с вышеразобранными двумя первыми „причинами“ переоценки настоящих благ. Количество получаемого продукта должно браться независимо от того, *когда* оно получается. В таблице же Бем Баверка производственные ряды обрываются на одном и том же году. В самом деле, если мы предположим, что срок получения продукта нам безразличен, то получим, как это указал Борткевич, существенно иной результат.

deckt unsere Subsistenz in der laufenden Wirtschaftsperiode, macht da durch unsere in eben dieser Periode verfügbaren Produktivmittel (Arbeit, Bodennutzungen, Kapitalgüter) für den technisch ergiebigeren Dienst der Zukunft frei“.

Таблица I

Месяц труда, затраченного в году

	1909	1910	1911	1912
1909	100	—	—	—
1910	200	100	—	—
1911	280	200	100	—
1912	350	280	200	100
1913	400	350	280	200
1914	440	400	350	280
1915	470	440	400	350
1916	500	470	440	400

Таблица Ia.

Месяц труда, затраченного в году

	1909	1910	1911	1912
1909	100	—	—	—
1910	200	100	—	—
1911	280	200	100	—
1912	350	280	200	100
1913	400	350	280	200
1914	440	400	350	280
1915	470	440	400	350
1916	500	470	440	400
1917	500	500	470	440
1918	—	—	500	470
1919	—	—	—	500

А именно, если мы предположим, что производственные ряды 1909, 1910, 1911 и 1912 годов одинаково длинны, то и количество продукта будет тем же самым, что и в 1909 году; никакой разницы между количествами продуктов не будет. Разница — и при том единственная — будет заключаться лишь в том, что это одинаковое количество продукта будет получаться не в одно и то же время, а именно чем дальше от „настоящего“ данное производительное средство, тем позднее будет получаться одинаковый по своей абсолютной величине результат. В то время, как месяц труда

затраченного в 1909 году, принесет 500 единиц продукта уже в 1916 году, месяц труда, затраченного в 1910 г., принесет эти же 500 единиц не в 1916, а в 1917 году; месяц труда, затраченного в 1911 г.— в 1918 и т. д. Итак, если мы не привнесем различной оценки для получения более поздней и менее поздней, то количество продукта окажется одинаковым.

Ad II. Переходим теперь к вопросу о ценности продукта и о максимуме ценности. Выше мы видели, что, если последовательно проводить точку зрения Бем-Баверка, то максимум ценности должен был бы получиться при максимальном удлинении производственного процесса и, следовательно, при максимальном увеличении количества продукта. Однако, Бем-Баверк отрицает это, ссылаясь на тот факт, что продукты, полученные ко временам наших правнуков для нас не имеют почти никакой ценности. Эта предпосылка, лежащая в основе его вычислений, является методологически недопустимой. В самом деле, если мы уже заранее ссылаемся на действие недооценки будущих благ (вызывается ли она „первой“ или „второй“ причиной), то мы делаем невозможным анализ „третьей причины“, т. е., именно, того вопроса, который нас интересует сейчас. В действительности, Бем-Баверк контрабандой вводит действие первого или второго фактора, и только благодаря этому у него получаются результаты, которые бы приписывает действию третьего фактора. В самом деле, почему у него получился различный максимум ценности для продукта различных по времени средств производства? Да просто потому, что он дважды уменьшал ценность продукта в зависимости от времени.

1909 — 5	1913 — 2.2	1909 — 5	1913 — 2
1910 — 4	1914 — 2.1	1910 — 3.8	1914 — 1.8
1911 — 3.3	1915 — 2	1911 — 3.2	1915 — 1.5
1912 — 2.5	1916 — 1.5	1912 — 2.2	1916 — 1

Первые два столбца — уменьшение ценности благ под влиянием „zunehmend-verbessernde Verhältnisse“, второе — уменьшение ценности их под влиянием соображений о непрочности человеческой жизни и т. п., т. е. под влиянием второй причины. Если бы этого не было, то для всех годов была бы одна и та же цифра, а именно 5. Составляя таблицу, аналогичную табл. IV, и принимая одинаковое для всех ве-

тикальных рядов уменьшение ценности с ростом количества продуктов, получаем ¹⁾:

Таблица IV.

Месяц труда, затраченный в году.

год для хозяйств. периода	Месяц труда, затраченный в году.			
	1909	1910	1911	1912
1909	500	—	—	—
1910	760	380	—	—
1911	840	600	300	—
1912	770	616	440	220
1913	800	700	560	400
1914	792	720	630	504
1915	705	660	600	525
1916	500	470	400	400

Таблица IVa.

Месяц труда, затраченный в году.

год для хозяйств. периода	Месяц труда, затраченный в году.			
	1909	1910	1911	1912
1909	500	—	—	—
1910	760	500	—	—
1911	840	760	500	—
1912	770	840	760	500
1913	800	770	840	760
1914	792	800	770	840
1915	705	792	800	770
1916	500	705	792	800
1917	—	500	705	792
—	—	—	500	705
—	—	—	—	500

Сравнивая таблицу IV и таблицу IVa, убеждаемся, что максимум ценности различен в таблице IV (840, 720, 630, 525) и одинаков в таблице IVa (840). И получилось это различие *единственно* потому, что в таблице IV уменьшение

¹⁾ Для простоты берем ту же степень уменьшения, которая у Б.-Б. получалась под влиянием обеих первых причин, т.е. ряд: 6, 3.8, 3.2, 2.2, и т. д.

ценности бралось в зависимости от времени, так что второй вертикальный столбец начинался уже с иной цифры (380, а не 500), в то время как в таблице IVа уменьшение ценности бралось в зависимости лишь от количества продуктов, и начальные цифры всех четырех рядов оказывались одинаковыми, потому что и количество продуктов было одинаково ¹⁾. Таким образом, ясно, что выводы о большей экономической производительности настоящих средств производства получились лишь в силу того, что в вычисление были введены оба прежние момента. Разумеется, тот же результат, но лишь ослабленный количественно, мы получим, если оставим действовать один из двух моментов, все равно, будет ли то первый или второй. Ясно во всяком случае, что пресловутая „третья причина“, как самостоятельный фактор, *просто не существует*. Этим решается и вопрос о ценности настоящих и будущих средств производства (пункт 3).

Ad IV. Но если бы даже признать правильность трех первых „причин“ „третьей причины“, то все же Бем-Баверку не удалось бы сделать перехода от производительных благ к благам потребительным. Здесь, как мы знаем, он приводит такое рассуждение: так как настоящие производительные блага ценнее будущих, то и настоящие потребительные блага ценнее будущих потребительных благ. Таким образом, тут потребительные блага рассматриваются, если так можно выразиться, как средства производства средств производства, при чем фактором определяющим являются производительные блага, а определяемым — блага потребительные. Это положение, однако, противоречит основной точке зрения всей школы, для которой потребительные блага есть нечто первичное, а производительные блага — блага более отдаленных порядков — по своей ценности суть производная величина. Мы видим и здесь, что объяснение вращается в кругу ²⁾. Ценность продукта определяет ценность

¹⁾ Между прочим, в своих таблицах Бем-Баверк не принимает во внимание уменьшения ценности продукта с ростом его количества, т. е. абстрагирует от важнейшего положения теории предельной полезности.

²⁾ Ср. Borkiewicz, l. c. s. 957—958: „Ja, die technische Ueberlegenheit der gegenwärtigen Produktivgüter soll indirekt ein Wertagio zugunsten der gegenwärtigen Genussgüter herbeiführen, indem nämlich die Verfügung über die letzteren gewisse Produktivmittel „für den technisch ergiebigeren Dienst der Zukunft“ frei mache. Hier dreht sich die Argumentation im Kreise. Denn in Wirklichkeit kann ein Wertüberschuss ge-

средств производства, ценность средств производства определяет ценность продукта. Это уже само по себе является противоречием. Но, кроме того, непонятно соотношение между определением ценности настоящих благ под влиянием их предельной полезности и определением, слагающимся под действием большей технической и экономической производительности настоящих средств производства. Пусть, в самом деле, предельная полезность известного запаса настоящих благ равна 500; если две первые причины вообще не действуют, а влияние третьей пока тоже не проявляется, то и будущий запас тех же благ равен 500. Предположим теперь, что в результате наиболее выгодного производственного периода, который обязан своим возникновением наличности нашего запаса, мы получаем 800 единиц ценности, а при запоздании на год (т.-е. при более коротком производственном процессе) лишь 700 единиц. Тогда, по Бему, должен установиться перевес ценности настоящих потребительных благ над будущими. Это может произойти (берем два *главные* случая) или тогда, когда ценность настоящих благ поднимется выше 500, или тогда, когда ценность будущих упадет ниже 500. Первое не может произойти, потому что это было бы явным нарушением закона предельной полезности. Может ли произойти второе? Тоже нет. Как, в самом деле, могут уменьшаться в ценности блага только потому, что при их помощи *нельзя* сделать чего-нибудь, такого, что абсолютно не входит в «скалу» потребностей? Это, конечно, абсурд. Дело объясняется довольно просто. Искусственное построение Бем-Баверка предполагает здесь, что потребительные блага зависят в своей ценности от производительных; потребительные блага рассматриваются до известной степени как средства производства для производства средств производства. Таким образом, окончательно тервется всякая устойчивость *основного* построения. Основы теории опирались на предельную полезность потребительного блага, которая являлась первопрichинной всякой ценности. Поскольку же потребительные блага сами рассматриваются, как

gegenwärtiger Produktivgüter über künftige Produktivgüter nicht anders als nach Massgabe einer verschiedener Bewertung zeitlich auseinanderliegenden Genussgüter bestehen, und nun soll diese Verschiedenheit der Bewertung ihrerseits durch das Wertverhältniss zwischen gegenwärtigen und zukünftigen Produktivgütern erklärt werden.

средства производства, постольку должна терять всякий смысл и теория предельной полезности.

Кроме того, вся аргументация Бем-Баверка, касающаяся «третьей причины», покоится на предположении, что имеются производительные процессы различной длины: ведь, именно, из преимущества более длинных производственных процессов выводится в данном случае прибыль. И так как сам Бем-Баверк, как мы видели выше, признает несостоятельность двух первых доводов, то «техническое преимущество настоящих благ» является, в сущности, *единственной* причиной явления прибыли. Однако, не может быть ровно никакого сомнения в том, что даже при предположении совершенно одинаковых по своей длине производственных процессов прибыль не перестает существовать. Если (выражаясь в терминах Маркса) органический состав капитала одинаков во всех производственных отраслях, — другими словами, если органический состав капитала в каждой отдельной отрасли производства будет равняться среднему общественному составу капитала, то этим отнюдь не уничтожается прибыль; отличие от конкретной «действительности» будет состоять лишь в том, что средняя норма прибыли будет реализоваться непосредственно, не вызывая перехода капиталов из одной отрасли в другую. С другой стороны, та «дифференциальная прибыль», которая получается в индивидуальном предприятии, где имеется улучшенная техника, еще не сделавшаяся всеобщим достоянием, не может служить примером *прибыли вообще*, ибо последняя получается и при совершенно одинаковой технике, как специфический доход *класса* капиталистов, а не того или иного индивидуального предпринимателя. «Если все капиталисты в состоянии получать одинаковую выгоду из повышенной производительности, то исчезает какое-бы то ни было средство барыша, «прибавочная ценность» не может быть более выведена из различия той группы продуктов, которая произведена без окольных капиталистических путей, и той группы, которая произведена *при помощи этих способов*»¹⁾.

¹⁾ Stolzmann, l. c., 320: „Wenn alle Kapitalisten in Stande sind gleichen Vorteil aus der erhöhten Produktivität zu ziehen, so bleibt kein Mittel des Mehrgewinns, der Mehrwert kann nicht mehr aus der Divergenz der Produktenmenge, die ohne den kapitalistischen Umweg, und der Produktenmenge, die mit seiner Einschlagung hergestellt wird, abgeleitet werden“. См. также Berthieritz, l. c. 943 ff.

Если мы обратимся теперь к мотивам капиталистов и рабочих, то увидим следующее. Для рабочего, вообще, не может быть речи относительно выбора тех или иных производственных путей просто потому, что, как мы уже говорили и раньше, для него, поскольку он рабочий, не существует возможности самостоятельного производства. Самая постановка вопроса по отношению к рабочему неуместна. Что же касается капиталистов, то здесь можно обратить против Бема его же собственное оружие. А именно, труд, как средство производства, позволяет капиталисту применять, вообще, какие бы то ни было «окольные пути»; настоящие гульдены будут «мертвым капиталом», если они не будут оплодотворены трудом. Другими словами, «настоящие блага» капиталиста имеют для него смысл лишь постольку, поскольку он может превратить их в труд (абстрагируя от других средств производства). Поскольку, таким образом, речь идет о противопоставлении денег (не говоря уже о предметах потребления, которые капиталисту, как таковые, абсолютно не нужны) *труду, с точки зрения капиталистов труд имеет более высокую субъективную ценность.* Это видно из самого акта обмена: если бы капиталисту не было выгодно покупать труд, т. е. если бы он не ценил его субъективно выше своих гульденов, он бы его не покупал вовсе. Ибо капиталист *заранее учитывает* ту прибыль, которую он может получить, и этот учет оказывает свое влияние на каждую данную оценку.

Поставим теперь вопрос в более общей формулировке. Пусть перед нами настоящие 1000 гульденов и будущие 1000 гульденов. Может ли капиталист ценить настоящие выше будущих? Может. Почему? Да потому, что «деньги рожают деньги». Более высокая оценка «наличных» покоится на основе кредитных операций, а следовательно, в конечном счете на базисе прибыли. Такого рода *типический* для капиталистического общества случай не может быть привлечен для объяснения «нетрудовых доходов», ибо он сам их предполагает. С другой стороны, легко показать и иным путем, что перевес ценности настоящих благ не может объяснить прибыли. Мы видели, что при анализе «третьей причины» Бем-Баверк в качестве основного аргумента в пользу переоценки настоящих благ и для объяснения прибыли приводил тот факт, что настоящие блага дают возможность применять более про-

изводительные методы. Согласимся на время с таким преимуществом настоящих благ. Представим теперь себе, что капиталист, не имеющий денег и лишенный возможности применять более длинные производственные процессы, занимает деньги, платит за них известный процент. Ясно, что его *прибыль* не может быть объяснена здесь преимуществом *настоящей* суммы над будущей. Таким образом, «третья причина» оказывается не при чем.

Мы подходили с разных сторон к оценке важнейшего аргумента Бем-Баверка, и все пути привели в один и тот же Рим: этот аргумент построен целиком на схоластических, крайне вымученных положениях, которые или противоречат действительности (оценки рабочего и капиталиста), или внутренне противоречивы (напр., третья причина, которая якобы независима от первых двух, определение ценности потребительных благ ценностью производительных и обратно, и т. д.). В стремлении вывести прибыль из разнообразия техники в различных предприятиях (более длинные и менее длинные производственные пути) ясно видно желание скрыть *общие причины* прибыли, вытекающие из *классовой* позиции буржуазии, прибыли, происхождение которой всячески затемняется своеобразной терминологией и схоластически хитроумной манерой аргументации.

3. „Фонд существования“ („der Subsistenzfonds“).

Вопрос на настоящие блага и их предложение. Образование прибыли

Теперь нам предстоит рассмотреть вопрос, что же представляют из себя «настоящие блага», обмен которых на будущее благо — труд — служит причиной образования прибыли. Это разрешается Бем-Баверком в его учении о «фонде существования».

«Предложение авансов на существование в народном хозяйстве, за немногими исключениями, представлено — если мы отвлечемся от земли — общей суммой существующей в нем имущественной наличности. Функция этой имущественной наличности состоит в том, чтобы поддерживать существование населения в течение промежутка, который проходит между затратой его основных производительных сил и получением

готовых для потребления продуктов, т.е. в течение среднего общественного периода производства; а общественный период производства может быть тем длиннее, чем больше накопленная имущественная наличность»¹⁾.

«Таким образом, в действительности, весь накопленный имущественный запас общества — за весьма маленьким исключением тех имущественных запасов, которые потребляются их же собственниками — выносится на рынок в качестве предлагаемых авансов для поддержания существования»²⁾.

«Вся имущественная наличность (запас) народного хозяйства служит в качестве фонда существования или фонда авансов, из которого общество черпает свое существование в течение общественно обычного периода производства»³⁾. Несмотря на то, что весь «имущественный запас» (Vermögensstock) общества включает в себя также и средства производства, т.е. вещественные элементы постоянного капитала, непригодные для непосредственного потребления, Бем-Баверк все же считает этот «запас» фондом существования, так как в обществе имеется постоянное «вызревание» будущих благ в настоящее.

Теперь необходимо выяснить позиции сторон, покупателей и продавцов, торгующих настоящими и будущими благами. На стороне предложения настоящих благ Бем-Баверк отмечает следующие.

Объем (Umfang) предложения зависит от величины всех накопленных запасов (durch den ganzen aufgehäuften Vermögensstamm) отвлекаясь от земли и за вычетом тех благ,

1) „Positive Theorie“, s. 525: „...das Angebot an Subsistenzvorschußen in einer Volkswirtschaft mit einer geringfügigen Ausnahme repräsentiert durch die Gesamtsumme des — abgesehen von Grund und Boden in derselben existierenden Vermögensstockes. Die Funktion dieses Vermögensstockes besteht darin, das Volk während der Zwischenzeit, die zwischen dem Einsatz seiner originären Produktivkräfte und der Gewinnung ihrer genuinen Früchte vergeht, also während der durchschnittlichen gesellschaftlichen Produktionsperiode zu erhalten; und die gesellschaftliche Produktionsperiode kann desto länger gegriffen werden, je größer der angesammelte Vermögensstock ist“.

2) Ibid., 527: „Es wird also in der Tat der ganze aufgesammelte Vermögensstock der Gesellschaft mit der höchst geringfügigen Ausnahme jener Vermögensstämme die Eigentümer selbst verzehren als Angebot von Subsistenzvorschußen auf den Markt gebracht“.

3) Ibid., 528: „Der ganze Vermögensstock der Volkswirtschaft dient als Subsistenzfonds oder Vorschussfonds, aus dem die Gesellschaft ihre Subsistenz während der gesellschaftlich üblichen Produktionsperiode bezieht“.

которые потребляются „с одной стороны беднеющими, с другой стороны самостоятельно производящими владельцами имущества“¹⁾.

„Интенсивность предложения“ (die Intensität des Angebotes²⁾) такова, что „для капиталистов субъективная потребительная ценность настоящих благ не больше, чем субъективная потребительная ценность будущих благ. Они поэтому были бы готовы, в крайнем случае, дать за десять гульденов, употребляемых в течение двух лет, или, что то же, за одну неделю труда, которая приносит им десять гульденов в два года, почти полных десять настоящих гульденов“³⁾.

Спрос на настоящие блага предъявляют:

1. Многочисленные наемные рабочие. Часть их оценивает свой труд в 5, часть даже в $2\frac{1}{2}$ флорина: (1!).

2. Небольшой ряд лиц, ищущих потребительного кредита, которые готовы заплатить точно также некоторый лаж на настоящие блага.

3. Ряд самостоятельных мелких производителей, ищущих производительного кредита, нужного им для удлинения „производственных путей“.

Так как все продавцы — рассуждает далее Бем-Баверк — оценивают настоящие и будущие блага приблизительно одинаково, а покупатели — переоценивают настоящие блага, то равнодействующая будет зависеть от того, на какой стороне будет численный перевес (das numerische Uebergewicht).

Необходимо, таким образом, доказать, что спрос на настоящие блага постоянно превышает их предложение „dass das Angebot an Gegenwartsgüter durch die Nachfrage numerisch überboten werden muss“⁴⁾.

¹⁾ S. 538.

²⁾ Как нам известно уже из отдела о ценности, с точки зрения австрийской школы важно знать не только количество предлагаемых и спрашиваемых благ (объем спроса и предложения), но и субъективные оценки единицы с той и с другой стороны (интенсивность). Только в результате соотношения этих обеих величин мы получаем определенные цены.

³⁾ Ibid., 538. Für die Kapitalisten der subjektive Gebrauchswert der gegenwärtigen Güter nicht grösser ist als der der künftigen Güter. Sie würden daher aussersten Falles bereit sein, für zehn in zwei Jahre verfügbare Gulden, oder, was dasselbe ist, für Arbeitswoche, die ihnen zehn Gulden in zwei Jahren einbringt, nahezu gegenwärtige Gulden zu geben. Здесь таким образом, Бем-Баверк признает что капиталисты не ценят настоящих благ выше будущих.

⁴⁾ Ibid., s. 541.

Это доказывается Бем-Баверком следующим образом.

„Предложение“—говорит он,—„ограничено даже у самой богатой нации состоянием народного имущества в данный момент. Напротив того, спрос есть практически безграничная величина: она увеличивается по крайней мере до тех пор, пока результаты производства могут повышаться в силу удлинения производственного процесса; а эта граница даже у самых богатых наций лежит еще далеко за пределами состояния имущества в каждый данный момент“¹⁾. Перевес, следовательно, имеется на стороне спроса. И так как рыночная цена должна быть выше цены, предложенной исключенным в конкурентной борьбе покупателем, и так как эта последняя уже содержит некоторый лаг на настоящие блага (переоценка настоящих благ покупателями), то и рыночная цена должна содержать некоторый лаг на настоящие блага²⁾. Таким образом *„Zins und Agio müssen sich einstellen“*³⁾.

Таковы заключительные теоретические штрихи бем-баверковской теории прибыли. Перейдем к их критическому разбору.

Прежде всего, бросается в глаза искусственность и противоречивость понятия «фонд существования». В этот «фонд существования», который должен был бы охватывать только настоящие блага, входит все решительно, за вычетом земли и предметов потребления капиталистов, т.е. сюда входят все средства производства. Бем-Баверк допускает такую возможность на том основании, что будущие блага «вызревают» в настоящие, что средства производства превращаются в предметы потребления. Но это последнее верно лишь отчасти, так как средства производства превращаются не только в средства потребления, но точно также и в средства производства. В процессе общественного воспроизводства *должны*

¹⁾ „Das Angebot ist auch in der reichsten Nation begrenzt durch den augenblicklichen Stand der Volksvermögen. Die Nachfrage dagegen ist eine praktisch grenzenlose Grösse: sie geht mindestens so weit, als durch Verlängerung der Produktionsprozesses sich das Produktionsertragnis noch steigern lässt; und diese Grenze liegt auch bei den reichsten Nationen noch weit jenseits des augenblicklichen Besitzstandes“ (Positive Theorie, s. 541). „Здесь, таким образом, в качестве основной причины прибыли приводится конкуренция между капиталистами из-за производительного кредита.“

²⁾ Ср. стр. 540.

³⁾ Ibid., 541.

воспроизводиться не только предметы потребления, но и средства производства. Более того, при расширенном воспроизводстве доля средств производства — по расчету на трудовые затраты — возрастает. Таким образом, исключать постоянный капитал из анализа абсолютно невозможно. Бем-Баверк повторяет здесь в сущности старую и выясненную Марксом во II томе «Капитала» ошибку Адама Смита, который разлагал стоимость товаров на v (перем. капитал) и m (приб. стоимость), совершенно позабывая о C (постоянном капитале). «Адаму Смиту (Бем-Баверку Н. Б.) тем более следовало бы уяснить себе, что часть стоимости ежегодно производимых средств производства, которая равна стоимости средств производства, функционирующей в этой сфере производства — т. е. стоимость средств производства, которыми делаются средства производства, — следовательно, часть стоимости, равная стоимости употребленного на это постоянного капитала, абсолютно не может служить составной частью дохода, — не может не только вследствие своей натуральной формы, но и вследствие своего функционирования в качестве капитала» ¹⁾.

Такое понятие «фонда существования» вдвойне нецелесообразно, раз идет дело о *противопоставлении* настоящих и будущих благ. Ведь, задача Бем-Баверка состоит в том, чтобы выяснить меновое отношение между настоящими благами с одной стороны и будущими (трудом) — с другой. Настоящие и будущие блага должны были бы фигурировать здесь в их полярной противоположности; фонд существования с этой точки зрения может быть только совокупностью предлагаемых на рынке настоящих благ (сам же Бем-Баверк назвал соответствующую главу: „Der allgemeine Subsistenzmittelmarkt“ — „Всеобщий рынок средств существования“). С этой точки зрения Бем-Баверк вполне правильно вычитает те потребительные блага, те „настоящие блага“, которые поступают в индивидуальное потребление капиталистов, ибо эти блага не фигурируют на рынке в качестве объекта спроса со стороны рабочих и т. д. Но, с другой стороны, он включает в этот фонд средства производства, т. е. заведомо *будущие* блага и противопоставляет их *будущему* же благу

¹⁾ К. Маркс: «Капитал», т. II, стр. 336. См. также § „Разложение меновой стоимости у Смита на $v+m$ “ на стр. 340 и сл.

„труд“, хотя эти две категории благ ни в каком отношении друг к другу не находятся. Параллельно с этим на стороне спроса у Бем-Баверка имеются лица, ищущие производительного кредита, т. е. предъявляющие спрос не на средства существования, а на средства производства (рабочий хочет *есть*, капиталист — „удлинять производственные процессы“). Все построение приобретает, таким образом, характер какой-то невероятной мешанины из разнородных элементов. С другой стороны, лиц, ищущих производительного кредита и рабочих можно ставить на одну доску лишь постольку, поскольку и те, и другие получают товарный эквивалент в виде *денег*. Только с этой точки зрения можно говорить, что „рынок ссуд и рынок труда — это два рынка, на которых... продается и покупается тот же самый товар, а именно, настоящие блага“... и что „наемный рабочий и ищущий кредита образуют, таким образом, две ветви одного и того же спроса, которые взаимно усиливают свое действие и сообща помогают образованию результирующей цен“¹⁾. Только поскольку мы имеем в виду *деньги*, мы можем рассматривать эти две категории совместно. Но раз мы рассматриваем спрос на *Genussgüter*, на средства существования, другими словами, раз мы рассматриваем *Existenzmittelmarkt*, всякое сходство между рабочим и лицом, ищущим производительного кредита, **исчезает**.

Перейдем теперь к анализу соотношения между спросом на настоящие блага и их предложением. Здесь у Бем-Баверка можно различить две ноты: с одной стороны, все теоретическое здание как будто покоится на факте покупки труда, и прибыль выводится из недооценки будущих благ *рабочими*; с другой стороны, в качестве последней инстанции, объясняющей прибыль, появляется спрос на настоящие блага со стороны лиц, ищущих производительного кредита.

В первом случае решающую роль имеет конкуренция между *рабочими*. во втором — конкуренция между *капитали-*

„Darlehensmarkt u. Arbeitsmarkt sind zwei Märkte, auf denen ... dieselbe Ware feilgeboten und nachgefragt wird: nämlich gegenwärtige Güter ... Lohnarbeiter und Kreditsuchende bilden so zwei Aeste derselben Nachfrage, die ihre Wirkung gegenseitig unterstützen und gemeinsam die Preisresultante bilden.“ (524).

стами. Последняя точка зрения ¹⁾ не выдерживает никакой критики уже по одному тому, что она не в состоянии объяснить, откуда же получается прибыль *класса* капиталистов; рынок ссуд, уплата процентов по займам—это лишь перераспределение ценностей между двумя видами *класса* капиталистов; и это *перераспределение* не в состоянии объяснить происхождения излишка ценностей. Можно представить себе теоретически общество, где «рынок ссуд» совсем не будет, и тем не менее прибыль будет существовать. Мы принуждены, таким образом, перейти к конкуренции между *рабочими*, как к основной причине прибыли.

Здесь дело представляется Бем-Баверку, как мы знаем, в таком виде. Капиталисты авансируют рабочим средства существования (покупка труда), при чем рабочие оценивают свой труд ниже ценности продукта в будущем; отсюда—лаж на настоящие блага. Числовой перевес рабочих формирует и *цены*, таким образом, что лаж на настоящие блага образуется *на рынке*. Из этого можно было бы заключить, что именно социально слабая позиция рабочего класса служит причиной образования прибыли. Но так как даже намек на такую мысль страшит нашего профессора, то он—в противоречии с очень существенными элементами своей же теории—не устает утверждать, что *все* рабочие постоянно находят работу, что спрос на рабочие руки несколько не меньше их предложения, и что таким образом, из конкуренции между рабочими нельзя выводить прибыли. Вот, напр., образец подобных рассуждений: „Nur können allerdings die den Käufern ungünstigen Umstände durch einen regen Wettbewerb der Verkäufer wieder wett gemacht werden. Sind die Verkäufer auch wenige, so haben sie dafür desto grössere Gegenwartsgüter zu fruktifizieren... Glücklicherweise bilden diese Fälle im Leben die Regel ²⁾“.

Оставим, однако, в стороне эти, впрочем, весьма и весьма

¹⁾ См. напр., стр. 541, 542, 543, 544 der „Positiven Theorie“. Мы не рассматриваем аргумента отосит. лиц ищущих *потребительного* кредита. Этому аргументу сам В.-Б. не придает почти никакого значения. Ср. примеч. 296.

²⁾ *Ibid.*, 575. Курсив наш. Н. Б. «Конечно, неблагоприятные для покупателей условия могут быть снова сведены на нет оживленным соревнованием продавцов. Если и продавцов мало, то зато тем больше массы настоящих благ им приходится реализовать... По счастью, такие случаи в жизни являются правилом“.

существенные, теоретические прорехи. Примем, что прибыль все же возникает из покупки будущего блага, *труда*, и рассмотрим сделку капиталистов и рабочих так, как она происходит в действительности, и так, как это представляется Бем-Бавергу. И вот здесь мы наталкиваемся на одно соображение, которое делает излишними все вообще рассуждения Бема. А именно, вся его теория покоится на той предпосылке, что капиталист выдает *аванс* рабочему. Ведь, все основные идеи базируются на том, что труд постепенно созревает и лишь достигнув этой зрелости приносит прибыль; разница же в ценности затраты и получки получается потому, что оплата труда происходит *до начала трудового процесса*, т.-е. в соответствии с той ценностью, которую имеет труд, как «будущее благо». Но как раз эта предпосылка ничем не обоснована и противоречит действительности. В действительности, не капиталист авансирует заработную плату рабочему, а рабочий авансирует свою рабочую силу (свой труд—по Бему) капиталисту. Расплата происходит не до трудового процесса, а после него. Это особенно ясно при поштучной системе расплаты, когда в зависимости от числа *сработанных* штук продукта выдается та или другая сумма заработной платы. «Деньги, получаемые рабочим от капиталиста, он получает лишь после того, как капиталист уже использовал его рабочую силу, после того, как она уже реализована в стоимости продукта труда. Капиталист владеет этой стоимостью, прежде чем оплатить ее... Она (рабочая сила. Н. Б.) доставляет в товарной форме тот капитал, который придется выплатить рабочему,—доставляет этот эквивалент раньше, чем капиталист выплатит его в денежной форме рабочему. Таким образом, рабочий сам создает платежный фонд, из которого капиталист оплачивает его» ¹⁾. Правда, бывают случаи уплаты вперед; но, во-1, это совершенно не типично для современной хозяйственной жизни; а, во-2, это нисколько не опровергает нашего утверждения. Ибо, если прибыль получается и в тех случаях, где заработная плата выдается после процесса труда, то ясно, что она имеет своей причиной какое-то иное явление, а не разницу в ценности настоящих и будущих благ. Это явление

¹⁾ К. Маркс. „Капитал“, т. II, стр. 351.

есть социальная мощь капитала, которая основана на монополизации капиталистами, как классом, средств производства, монополизации, которая вынуждает рабочего отдавать часть продукта своего труда. Социальное неравенство, наличие антагонистических социальных образований—это есть основной факт современной хозяйственной жизни; именно эти междуклассовые отношения в экономической области, т.-е. производственные отношения, образуют ту характерную для капиталистического общества «экономическую структуру», без анализа которой всякая теория обречена на полное бесплодие. Но стремление затушевывать классовые антагонизмы так велико, что современная буржуазная наука предпочитает измышлять тысячи совершенно пустых «объяснений», накручивать один пустой аргумент на другой, создавать целые «системы», воскрешать давно забытые «теории» и писать груды томов, с единственной целью доказать, что „im Wesen des Zinses liegt... nichts, was ihn an sich unbillig oder ungerecht erscheinen liesse“ („в существе процента не лежит ничего, что делало бы его самого по себе заслуживающим порицания или несправедливым“).

Заключение.

Если мы будем рассматривать всю теоретическую «систему» Бем-Баверка в ее целом и затем постараемся определить удельный вес частей этой системы, то увидим, что теория *ценности* является основой теории *прибыли*: теория ценности играет, таким образом, служебную роль. И это не у одного Бем-Баверка. Теория «вменения» Визера служит у последнего для выведения доли капитала, труда и земли, откуда путем подмена понятий выводятся доли капиталистов, рабочих и поземельных собственников, как «естественные», независимые от *социального* угнетения пролетариата величины. То же мы видим и у Кларка, самого крупного представителя американской школы. Всюду мы натываемся на один и тот же мотив: теория ценности есть теоретический подход к оправданию современного общественного строя, и в этом «общественная ценность» теории предельной полезности для тех классов, которые заинтересованы в сохранении этого общественного строя. И чем менее состоятельна эта теория логически, тем сильнее привязываются к ней психологически, ибо не хотят выходить из рамок того ограниченного кругозора, пределы которому поставлены *статикой* капитализма. Наоборот, для марксизма характерен, прежде всего, широкий кругозор, который лежит в основе всех построений, динамическая точка зрения, которая рассматривает капитализм, как одну из фаз общественного развития. Для марксистской политической экономии даже закон ценности служит познавательным орудием раскрытия законов движения всего капиталистического механизма. То обстоятельство, что категория цены, для объяснения которой в первую голову нужна теория ценности, является всеобщей категорией товарного мира, отнюдь не превращает политической экономии в «хрематистику»:

наоборот, анализ обмена всегда выводит—при правильной постановке вопроса—за пределы обмена. С точки зрения марксизма сам обмен есть одна из исторически преходящих форм распределения продукта. А так как всякая форма распределения занимает определенное место в процессе воспроизводства соответствующих ей производственных отношений, то совершенно понятно, что только при ограниченной точке зрения, которая свойственна всем направлениям буржуазной теоретической мысли, можно останавливаться на рыночных соотношениях или принимать за основу наличный запас «благ». Ни те, кто ограничивается анализом движущихся на рынке „richesses venales“, ни те, кто останавливает свое внимание на соотношении между потребляемой, заранее данной, вещью, «благом», и хозяйствующим индивидуумом, не могут познать функциональной роли обмена, как необходимого закономерного явления, имманентно присущего обществу товаро-производителей. А между тем, совершенно ясно, какова должна быть правильная постановка вопроса:

„В совершении всех меновых актов, возможных в этом (товаропроизводящем Н. Б.) обществе, должно найти себе выражение то, что в коммунистическом сознательно регулируемом обществе сознательно определяется центральным органом общества: что и в каком количестве следует производить, где и кто должен производить. Словом, обмен должен довести до сведения товаропроизводителей то же самое, что членам социалистического общества сообщают его органы, которые сознательно регулируют производство, определяют распорядок работ и т. д. Задача теоретической экономики заключается в том, чтобы найти закон обмена, определяемый указанным образом. Из этого закона должно вытекать регулирование производства в обществе товаропроизводителей точно так же, как из законов, распоряжений и предписаний социалистического управления вытекает ненарушаемый ход социалистического хозяйства. Разница лишь в том, что закон этот не прямо сознательно предписывает людям то или иное поведение в производстве, а действует с „социальной естественной необходимостью“, подобно законам природы“¹⁾.

¹⁾ Рудольф Гильфердинг: „Финансовый Капитал“, изд. „Книга“, 1913, стр. 19

Другими словами: нам дано, как объект исследования, анархически построенное общество товаропроизводителей, растущее и развивающееся, т.-е. давая определенная бессубъектная система, находящаяся в условиях динамического равновесия. Спрашивается, как возможно при таких условиях это равновесие? Ответ дается теорией трудовой ценности.

Развитие человеческого общества возможно лишь при росте его производительных сил, то-есть производительности общественного труда ¹⁾. В товарном хозяйстве этот основной факт должен найти—и находит—свое выражение также и „на поверхности явлений“, т.-е. на *товарном рынке*. Эмпирический факт, лежащий в основе „трудовой теории“, это тот факт, что с ростом производительности труда падают цены. С другой стороны именно колебания цен вызывают в товарном общественном хозяйстве *перераспределение производительных сил*. Таким образом, явления рынка связаны с явлениями воспроизводства, то-есть движения всего капиталистического механизма в его общественном масштабе.

Если дана связь между основным явлением, развитием производительных сил, и объективно слагающимися ценами, то появляется вопрос о *характеристике* этой связи. При ближайшем анализе оказывается, что это—очень сложная связь. Третий том Марксова „Капитала“ посвящен как раз выяснению вопроса о типе этой связи.

Таким образом, закон ценности выступает здесь как объективный закон, выражающий связь между различными рядами общественных явлений. Нет поэтому ничего более нелепого, как обвинять марксистскую теорию, как теорию „этическую“. Никакой другой закономерности, кроме закономерности причинной, марксистская теория не знает и знать не может. Теория ценности раскрывает эти причинные соотношения,

¹⁾ Один старый и почти совсем неизвестный экономист Н. Ф. Канар (N. F. Canard) прекрасно формулировал эту марксистскую мысль, и притом несколько не хуже хваленного Робертуса. См. его „Principes d'économie politique“, Paris, an X (1801). В этой работе, премияванной Национальным Институтом, Канар пишет: „Ainsi ce n'est qu'à son activité et à son travail qu'il doit cette grande différence qui sépare l'homme civilisé de l'homme naturel ou du sauvage“ (p. 3). „Il faut donc distinguer dans l'homme le travail nécessaire à sa conservation, et le travail superflu“ (p. 4). „Ce n'est qu'en amassant une quantité de travail superflu, que l'homme a pu sortir de l'état sauvage, et se créer successivement tous les arts, toutes les machines et tous les moyens de multiplier le produit du travail en le simplifiant“ (p. 5).

которые выражают не только закономерности рынка, но и всей движущейся системы в ее целокупности.

Точно так же стоит и вопрос о распределении. Процесс распределения проходит в ценностных формулировках. „Социальное“ отношение между капиталистом и рабочим имеет „экономическую“ формулировку, потому что рабочая сила становится товаром и, раз ставши товаром, понав в орбиту товарного обращения, тем самым подчиняется стихийному закону цены и ценности. Точно так же, как в сфере товарного обращения вообще, без регулирующего действия закона ценности не могла бы существовать капиталистическая система, точно так же капитал не мог бы постоянно воспроизводить своего собственного господства, если бы не было законов, имманентных воспроизводству рабочей силы, как таковой. Но поскольку потребляемая рабочая сила развивает больше общественно-трудовой энергии, чем необходимо для ее общественного воспроизводства, постольку дана возможность прибавочной ценности, законами товарного обращения непрерывно проталкиваемой к покупателям рабочей силы, т.е. собственникам средств производства. Развитие производительных сил, осуществляемое в капиталистическом обществе при посредстве механизма конкуренции, принимает здесь форму накопления капитала, в зависимости от которого стоит и движение рабочей силы, при чем развитие производительных сил постоянно сопровождается вытеснением и вымиранием целых производственных групп, где индивидуальная трудовая ценность товаров превышает их общественно-трудовую ценность.

Таким образом, закон ценности является основным законом движущейся капиталистической системы. Само собою разумеется, что, вытекая из противоречивой природы капиталистического общества, он реализуется путем постоянных „нарушений“. Само собою разумеется, что противоречивая структура капиталистического общества, ведущая его к неизбежному краху, приведет, в конце концов, и к крушению „нормального“ закона капитализма — закона ценности ¹⁾. В новом

¹⁾ Крах капитализма, наступивший в России и наступающий во всей Европе, заставляет теперь выпячиваться материально-вещественную форму продукта, отодвигая на задний план продукт, как ценность. Но это и есть выражение всей «ненормальности» положения с точки зрения капитализма.

же обществе ценность потеряет свою фетишистическую оболочку, она перестанет быть слепым законом бесстубъектного общества, то-есть перестанет быть ценностью.

Таковы общие контуры марксистской теории, политической экономии пролетариата. Она выводит „законы движения“ специфической общественной структуры, но она их, действительно, выводит.

Но как раз потому, что марксизм идет дальше ограниченных рамок буржуазного кругозора, он все более и более становится ненавистен буржуазии. Общественное сотрудничество в области социальных наук — и в теории экономики в особенности — отнюдь не возрастает; наоборот, наблюдается все более резкая дифференциация. Буржуазная экономия может прогрессировать теперь лишь постольку, поскольку она не выходит из рамок чисто описательной работы. Тут она может делать и делает, так сказать, общественно полезное дело. Нельзя, конечно, принимать на веру всего, что сделано и в этой области. Ибо всякое описание, даже наиболее „чистое“ производится под известным углом зрения: выбор материала, выставление на первый план одного и оставление в тени другого и т. д., — все это определяется так называемыми „общими взглядами“ авторов. Но все же, при критическом отношении, здесь можно почерпнуть богатый материал для обобщений. Что же касается собственно теории — то она представляет, как мы убедились на примере Бем-Баверка, пустыню. Следует ли из этого, что марксисты должны абсолютно игнорировать эту область? Ничуть. Ибо процесс развития пролетарской идеологии есть пронес *борьбы*. Точно так же, как в области экономической и политической пролетариат идет вперед, непрерывно, борясь с враждебными ему элементами, так точно обстоит дело и на более высоких ступенях идеологии. Эта последняя не сваливается с неба в виде законченной, готовой во всех своих частях системы она вырабатывается в трудном и мучительном процессе развития. Путем критики враждебных взглядов мы не только непосредственно отражаем нападение врага, но и оттачиваем свое собственное оружие: прокритиковать противоположную систему — это значит, прежде всего, продумать свою. Внимательное изучение буржуазной экономики необходимо и с другой стороны. В идеологической борьбе годится то же правило, что и в непосредственной

практической борьбе. Необходимо использовать все противоречия противников, все несогласия между ними. Дело в том, что несмотря на единство цели—оправдать капитализм—среди буржуазных ученых до сих пор господствует большая разногласия. И в то время, как в области теории ценности достигнуто некоторое единство на основах, выработанных австрийской школой, в области теории распределения почти каждый теоретик строит свою собственную теорию, апеллируя при этом к „общепринятой“ теории ценности. Это лишний раз показывает, насколько трудна—с чисто логической стороны—поставленная задача, и каких „усилий мысли“ требует она от современных схоластиков. Но это же обстоятельство в высокой степени облегчает задачу критики и позволяет быстрее найти общие логические промахи и слабые места противника. Критика буржуазной экономики способствует, таким образом, развитию собственной экономической науки пролетариата. Буржуазная наука перестала уже ставить себе цели познания социальных отношений. Она занимается лишь их оправданием. Поле научной битвы остается за марксизмом, который не боится анализировать законы общественного развития, даже если они и ведут современное общество к неизбежной гибели. В этом смысле марксизм был и остается теоретическим красным флагом, знаменем, под которым собираются все, кто имеет смелость смотреть в лицо надвигающейся грозе.

Теоретическое примиренчество¹⁾.

(Теория ценности г. Тугана-Барановского).

„Люди, которые претендовали еще на научное значение и хотели быть чем-либо большим, чем простыми софистами и сикофантами господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капитала с требованиями пролетариата, которые уже нельзя было игнорировать. Отсюда бездарный синкретизм“.

К. Маркс.

Та быстрая эволюция, которую проделали бывшие «легальные марксисты» 90 г.г., выражает собою весьма определенную тенденцию: образование либерально-буржуазной идеологии в ее противоположности не только к враждебной капитализму идеологии народничества, но и в противоположности к идеологии революционного пролетариата, т.-е. к марксизму. Эта единая тенденция, как и всякое общественное явление, была, однако, явлением сложным. Не все носители «новой» буржуазной идеологии развивались с одинаковой быстротой «от марксизма к идеализму». В бешеной скачке к

¹⁾ Настоящая статья была написана в свое время для марксистского журнала «Просвещение». Она является разбором эклектической теории «коалиционного начала» в теории ценности. В качестве таковой мы и прилагаем ее к нашей работе. Само собой разумеется, что некоторые места статьи, не имеющие прямого отношения к логической стороне теории Тугана, устарели. События их в значительной степени опередили. Мы оставляем, однако, все в первоначальном виде, тем более что кое-что из предсказанного оправдалось буквально (напр., постижение г-на С. Булгакова), а сам г. Туган успел побывать министром контр-революционного правительства. Любопытно, что упражнениям в г-на Тугана занимается и П. П. Маслов.

«новым векам» одни из них уже давно достигли призового столба и с гордым видом поглядывают на отставших; другие уже совсем близко к цели; третьиковылают далеко позади. С этой точки зрения очень любопытно посмотреть на *отдельных* участников этого состязания. Вот перед вами «бывший марксист» С. Булгаков, профессор политической экономии. которому стоит лишь надеть рясу, чтобы превратиться в типичного «ученого батюшку», верующего в чертей и все «тайнственное». Рядом с ним другой бывший марксист и тоже христианин, любящий поговорить (у всякого своя склонность!) об «Афродите земной» и «Афродите небесной» — г. Н. Бердяев. Несколько в стороне — несравненный Петр Струве, тяжелая артиллерия кадетско-октябристской учености. Все эти почтенные личности порвали со своим прошлым раз навсегда; они плотно уселись на новых местах и не хотят иметь ничего общего со своими «грехами молодости»; они идут вперед без всяких компромиссных сделок, — эти рыцари российского капитализма. И вот далеко позади, но с явным намерением догнать своих коллег, мелкими шажками бежит еще один бывший марксист, а теперешний советчик фабрикантов, профессор Туган-Барановский; он позже других стал бормотать о христианстве; он не подмигивает еще нововременскому ябеднику В. Розанову; он продолжает еще кокетничать с марксизмом, за что некоторые наивные люди считают его почти «красным». Одним словом, это «примиренец». Он не решается целиком и откровенно записаться во враги пролетариата и его теории; он предпочитает лишь «очищать» марксизм от ненаучных элементов», как он сам же выражается. И именно этим он может ввести в обман, именно в этом вреднейшая сторона его теоритической деятельности. Он не хочет просто «отвергнуть» трудовую теорию, он старается «примирить» ее с теорией Бем-Баверка, этого классического выразителя буржуазных воззрений. Читатель увидит сейчас, каковы результаты стараний Тугана-Барановского в области центральной проблемы всей политической экономии — в области *теории ценности*.

1. „Формула“ г. Тугана.

Г. Туган-Барановский воздает, прежде всего, хвалу г. Бем-Баверку. «Великая заслуга новой теории (т.-е. теории австрийских экономистов. Н. Б.) заключается в том, что она обещает навсегда покончить споры о ценности, дав полное (!) и исчерпывающее (!) объяснение *всем* явлениям процесса оценки, исходя из *одного* основного принципа» ¹⁾ — такова «оценка» новой школы г. Туганом.

И в другом месте: «Теория предельной полезности навсегда останется основанием учения о ценности, — она может быть дополнена и изменена в частностях в будущем, но основные идеи ее составляют *κτῆμα ἐκ ἀεί* (вечное приобретение) экономической науки» ²⁾.

«Вечное приобретение науки» — это звучит гордо! Правда, в действительности это «приобретение» выглядит довольно жалко, но мы пока не будем возражать г. Тугану и постараемся сначала передать его «объединительную платформу».

По учению сторонников австрийской школы ценность вещи определяется ее предельной полезностью. Эта предельная полезность зависит, в свою очередь, от *количества* благ данного рода. Чем больше их, тем более «насыщен» спрос, тем менее настоятельна потребность, тем ниже падает предельная полезность блага. Итак, австрийская школа оканчивает свой анализ, принимая за данное определенную массу, определенное количество оцениваемых благ. Г. Туган-Барановский вполне резонно ставит дальнейший вопрос: чем же определяется это *количество* благ? По мнению Тугана-Барановского, количество благ зависит от «хозяйственного плана», то-есть от того или иного распределения человеческого труда между различными отраслями производства. А в составлении этого хозяйственного плана «решающую роль» играет *трудова стоимость*.

«Предельная полезность — полезность последних единиц каждого рода продуктов» — гов. наш автор — «изменяется в зависимости от размеров производства. Мы можем понижать или повышать предельную полезность путем расширения или сокращения

¹⁾ Туган-Барановский: «Основы политической экономии». 2-е изд. Спб. 1911, стр. 40.

²⁾ Ibid., стр. 55.

вия производства. Напротив, трудовая стоимость единицы продукта есть нечто объективно данное, не зависящее от нашей воли. Отсюда следует, что при составлении хозяйственного плана определяющим моментом должна быть трудовая стоимость, определяемая — предельная полезность. Говоря математическим языком, предельная полезность должна быть функцией трудовой стоимости¹⁾

Какова же зависимость между предельной полезностью благ и их трудовой стоимостью? Г. Туган рассуждает следующим образом: Пусть у нас две отрасли производства А и В. Рациональный хозяйственный план требует тогда такого распределения труда между двумя этими отраслями, чтобы польза, получаемая в трудовом процессе в последнюю единицу времени, стояла в обеих отраслях на одинаковом уровне²⁾. Без этого равновесия рациональный план, т. е. получение наибольшей суммы пользы, невозможен, ибо, если, напр., в последний час в производстве А можно получить сумму полезности, выражаемую цифрой 10, а в производстве В — эта полезность будет выражаться лишь цифрой 5, то, очевидно, благо В выгоднее не производить и время следует затрачивать на производство А. А если трудовая стоимость продуктов различна, но польза, получаемая в последнюю единицу времени одинакова, то отсюда следует, «что полезность последних единиц свободно воспроизводимых продуктов каждого рода — их предельная полезность — должна быть обратно-пропорциональна относительному количеству этих продуктов, производимому в единицу рабочего времени, иначе говоря, должна быть прямо пропорциональна трудовой стоимости тех же продуктов»³⁾.

Такова, по Тугану-Барановскому, зависимость между предельной полезностью и абсолютной трудовой стоимостью продукта. Здесь нет места никакому противоречию; наоборот, господствует полнейшая идиллия:

«обе теории» — пишет г. Туган — «по общему мнению взаимно исключающие друг друга, находятся в действительности в полной гармонии друг с другом. Обе теории исследуют различные стороны одного и того же хозяйственного процесса оценки. Теория предельной полезности выяснила субъективные, трудовая теория — объективные факторы хозяйственной ценности»⁴⁾.

¹⁾ Л. с., 47.

²⁾ Точнее выражаясь, она должна быть одинаковой в пределе.

³⁾ Л. с., 47, курсив автора.

⁴⁾ Ibid., стр. 49.

Таким образом, нет никакой речи о противоположности двух теорий, и сторонники теории предельной полезности должны подать руку сторонникам «трудовой» теории. Так, по крайней мере, утверждает Туган-Барановский. Мы надеемся, однако, показать, что признание этих добрососедских отношений покоится на весьма наивном понимании (то-есть на непонимании) обеих теорий: и теории трудовой стоимости, и теории предельной полезности. Но прежде чем перейти к «основной ошибке» г. Тугана, нам следует сделать несколько критических замечаний о теории трудовой стоимости «в свете учения» нашего миротворца. При этом обнаружатся некоторые любопытные особенности мышления Тугана, открытие которых, в свою очередь, проливает свет на примитивную позицию г-на профессора.

II. „Логика“ г. Тугана.

Из вышеизложенного для всякого разумного человека обязателен следующий вывод ¹⁾: так как ценности (субъективные ценности, определяемые предельной полезностью блага) пропорциональны трудовым стоимостям и так как эти ценности являются основой цен, то можно сказать, что основой цен является, именно, трудовая стоимость. В самом деле, если трудовая стоимость и предельная полезность связаны такой прочной и определенной связью, как прямая пропорциональность, то ясно, что при анализе мы можем свободно заменить одну величину другой. Эта точка зрения будет для нас прямо-таки обязательна, если мы, подобно Тугану, заявляем, что «определяющим моментом должна быть трудовая стоимость, а определяемым — предельная полезность» ²⁾. Ясно, что, рассуждая так, мы имеем ряд: цена—предельная полезность—трудовая стоимость. Трудовая стоимость связывается здесь с субъективной ценностью и, след., с ценой. Это обстоятельство позволяет г. Тугану-Барановскому написать даже, что:

¹⁾ Во избежание недоразумений считаем нужным оговориться: пока мы оставляем без критики терминологию г. Тугана и вкладываем в слова «ценность» и «стоимость» то самое содержание, какое имеется у него.

²⁾ Ibid. 47.

«с известной точки зрения... трудовая теория оценки есть экономическая теория *ценности* по преимуществу, между тем, как теория предельной полезности есть обще-психологическая, а не специально-экономическая теория оценки» ¹⁾.

Итак, трудовая стоимость определяет предельную полезность, которая, в свою очередь, определяет цену; иными словами, трудовая стоимость есть *конечная основа* цены. Прекрасно. Перелистываем *шесть* страничек и натыкаемся на следующую «критику Маркса»:

«Вместо теории трудовой стоимости Маркс дал теорию абсолютной трудовой *ценности*»...

«В своей известной критике III тома «Капитала» Зомбарт ²⁾ попытался защитить трудовую теорию ценности Маркса, изложивши ее, как теорию трудовой стоимости. Под трудовой ценностью он понимает «степень общественной производительности труда». Но если это так, то зачем именовать трудовую затрату «ценностью» и этим возбуждать предположение, что трудовая затрата есть основа цены, меновых отношений продуктов (что заведомо неверно), а не признать самостоятельное право на существование двух различных категорий—ценности и стоимости?» ³⁾

Г-н Туган-Барановский спрашивает, верно ли, что трудовая *ценность* должна толковаться в смысле общественной трудовой *стоимости* ⁴⁾. Совершенно верно. Но неверно *все* то, что следует у Тугана дальше. Он так увлекся критикой, что начинает «критиковать» не только Маркса, но и самого себя. Как мы видели выше, из утверждений *Тугана* следует, что трудовая стоимость есть основа цены. Теперь же оказывается, что это «заведомо неверный» взгляд. Нечего сказать, хороша «критика»! Чему же верить? Тому, что написано раньше, или тому, что написано шестью страницами позже? Во всяком случае, необыкновенная ясность мысли! Этакая, что называется, железная логика! Быть может, читатель сомневается в прочности последней из приведенных «мыслей» г. Тугана Барановского? Тогда мы приведем еще одну цитату:

«Трудовая ценность Маркса, в сущности, есть не что иное, как трудовая стоимость. Но ошибка Маркса не терминологического свойства. Маркс не только называл общественно-необходимый труд производства *ценностью* товара, но и постоянно стремился свести меновые отношения товаров к труду... Только

¹⁾ Ibid., 50. Курсив наш. Н. Б.

²⁾ Г. Туган-Барановский имеет в виду статью Зомбарта: «Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx» в Archiv'e Брауна (B. VII).

³⁾ «Основы», стр. 58.

⁴⁾ Мы говорим: «общественной». Сейчас это добавление для нас неважно. Но, как мы увидим ниже, оно крайне существенно.

совершенно разорвавши понятия ценности и стоимости, мы можем построить логически правильную и согласующуюся с фактами теорию ценности и стоимости»¹⁾.

Или вот еще одно место:

«Ошибка Маркса заключалась... в том, что он не понял самостоятельного значения этой категории (т.е. категории стоимости, Н. Б.) и пытался связать ее с теорией цены, почему и назвал трудовую затрату ценностью, а не стоимостью»²⁾.

Никаких сомнений быть не может. Туган-Барановский позабыл, как он сам «связывал» трудовую стоимость с ценностью и ценой, и хлопочет теперь над расторжением этой преступной связи. Логика, действительно, удивительная.

А теперь один вопрос. Если категория стоимости так уж самостоятельна, что смертный грех (По Тугану «второй манеры») ставить ее в вышеозначенную связь, то где экономическое значение этой категории? Г-н Туган говорит, правда, что оно «огромно» (см. стр. 55), но кроме «этической болтовни», которую всерьез принимать абсолютно невозможно, мы не находим ровно ничего.

Теперь мы можем перейти к «основной ошибке» Тугана. Немудрено, что при его способности спутывать и «мирить» самые противоречивые положения, нам придется узреть в его «формуле» опять-таки не что иное, как сугубую путаницу.

III. Основная ошибка г. Тугана.

До сих пор мы принимали без критики формулу Тугана-Барановского о пропорциональности трудовых стоимостей и предельных полезностей. Здесь мы постараемся вскрыть теоретическую бесполезность этой знаменитой формулы. Для этого мы должны сперва сообщить читателю взгляд Тугана-Барановского на политическую экономию вообще, а, следовательно, и на всяческие «формулы», взгляд, к которому и мы вполне

¹⁾ Ibid., 69. Последний курсив наш. Н. Б.

²⁾ Ibid., 70. Кстати, отметим один пункт, не имеющий прямого отношения к делу. Г-н Т.-В. не понимает (см. стр. 68 и 69) значения меновой ценности (Tauschwert) Маркса. Охотно поясним. В ходе анализа Марксу необходимо иногда принимать, что товары продаются по стоимостям (ценностям). В таком случае отношение стоимостей и будет меновой ценностью. Познавательное значение этого понятия заключается в том, что оно говорит нам не об абсолютной, а об относительной величине.

присоединяемся. Мы питаем очень большое уважение к господину профессору, а потому попросим его самого изложить этот, как было замечено выше, совершенно правильный взгляд.

«То, что отличает экономическую науку от других общественных наук—установление ею системы причинных законов экономических явлений—вызывается, именно, характерными особенностями ее современного предмета изучения—свободного менового хозяйства.... Есть полное основание признавать судьбу политической экономии, как своеобразной науки о причинных соотношениях хозяйственных явлений, тесно связанной с современным народным хозяйством. Вместе с ним она возникла и развилась и вместе с ним должна сойти со сцены»¹⁾.

Здесь ясно сказано, что политическая экономия изучает меновое хозяйство и, в частности, хозяйство капиталистическое. С этой точки зрения мы и подойдем к формуле Тугана. Как мы знаем, он устанавливает пропорциональность между предельными полезностями и трудовыми стоимостями. Начнем разбор с последней части формулы, с трудовых стоимостей. По мнению г. Тугана - Барановского, трудовая стоимость определяет собою хозяйственный план. Но тот «хозяйственный план», о котором говорит наш автор, есть категория индивидуального хозяйства и притом хозяйства *натурального*, которое производит для себя самые разнообразные «блага». В самом деле, если мы возьмем современное индивидуальное хозяйство, то-есть капиталистическое предприятие, то мы не найдем там, прежде всего, никакого «хозяйственного плана» в смысле Тугана по той простой причине, что фабричное производство есть производство *специализированное*, где нечего распределять время между несколькими «отраслями»: каждое хозяйство производит только один продукт. Кроме того, категория трудовой стоимости вообще не интересуется субъекта капиталистического предприятия, ибо он не «трудится» сам, а «работает» при помощи нанятых рабочих рук и купленных на рынке средств производства. Таким образом, если и может идти речь о трудовой стоимости, то последняя может мыслиться для современного способа производства (а именно его и изучает политическая экономия) исключительно как общественная категория, то-есть нечто такое, что приложимо лишь ко всему общественному целому, а не к отдельным хозяйствам, составляющим это обществен-

¹⁾ «Основы», стр. 17.

ное целое. Именно, так строил свое понятие трудовой стоимости Маркс. Верна или неверна его теория—это вопрос, который сюда не относится. Мы думаем, что она верна, г. Туган-Барановский думает, что она не верна. Но во всяком случае Маркс отчетливо понимал, что категория трудовой стоимости, как категория индивидуального хозяйства — это нелепость, сапоги в смятку, и что только тогда она получает смысл, когда говорят о ней, как о некоторой общественной категории. Теперь возникает вопрос о предельной полезности, втором члене формулы г. Тугана-Барановского. Предельная полезность—это, по определению всех теоретиков, являющихся ее сторонниками, есть не что иное, как «значение» блага для благополучия «хозяйствующего субъекта»; это известная оценка, предполагающая сознательный расчет. Понятно, что категория предельной полезности имеет смысл лишь, как категория индивидуального хозяйства и, наоборот, она непосредственно не может играть никакой роли (даже с точки зрения ее сторонников), если мы имеем в виду все общественное хозяйство. Последнее отнюдь не «оценивает» подобно отдельному хозяину, ибо это есть стихийно развивающаяся система, закономерность которой обладает особой характеристикой. Таким образом, предельная полезность, если и имеет какой-нибудь смысл, то только как категория индивидуального хозяйства.

Как мы знаем, г. Туган-Барановский устанавливает пропорциональность между предельной полезностью и трудовой стоимостью блага. Трудовую же стоимость можно понимать двояко: как категорию общественную (такое понимание обязательно, если мы рассматриваем капиталистическое хозяйство) и как категорию индивидуальную. Совершенно понятно, что трудовую стоимость в первом смысле поставить в непосредственную связь с предельной полезностью нельзя: это две величины, которые принципиально не могут иметь между собой ничего общего, так как они лежат в совершенно различных плоскостях. Утверждать, что одна величина, которая, вообще, может встречаться лишь в сфере индивидуального хозяйства, пропорциональна другой, которая может иметься лишь в сфере общественного хозяйства,—это воистину все равно, что прививать оспу телеграфным столбам. Таким образом, правильное понимание теории тру-

довой стоимости приводит к выводу о полнейшем противоречии между нею и теорией предельной полезности. Остается «соединять» с предельной полезностью *нелепое* понятие трудовой стоимости, как категории *индивидуального* хозяйства, что и делает г. Туган. От этого его теория не становится, конечно, лучше: она терпит жесточайший крах, как только мы сопоставляем ее с капиталистической действительностью. Получается, в общем, та же история, что и с представителями австрийской школы. Дело идет сравнительно гладко, пока мы вращаемся в сфере интересов хозяйствующего Робинзона и — намеренно или ненамеренно — держимся в стороне от капиталистических отношений. Но лишь только мы приближаемся к тем отношениям, объяснить которые и призвана политическая экономия (это признает и сам Туган), — как вся теория разлетается в прах.

Мы подходим к концу. Но нам хочется сделать еще одно небольшое замечание. Вся «теория» г-на Тугана касается хозяйств, *производящих* продукты. Это выгодно отличает его от чистых Grenz-nützlich'er, которые как-будто забывают, что товары — не «дар небес», а продукты производства. Туган-Барановский и устанавливает свою «пропорциональность» как раз для *таких* хозяйств. Это весьма хорошо. Посмотрим еще, что говорит о них г. Туган в другой части своей книги.

«Мы должны» — советует сей ученый муж: «держаться тех реальных хозяйственных отношений, в которых строятся цены в современном капиталистическом хозяйстве. Мы не должны предполагать, как это делает, напр., Вем-Баверк, что продавец известного товара нуждается сам в своем товаре и готов сохранить его у себя для собственного потребления, если ему предложат слишком низкую цену за товар»¹⁾.

И это правильно. И здесь шаг вперед по сравнению с теоретиками предельной полезности, так сказать, чистой воды. Только... только как же будет чувствовать себя теория самого Тугана, если его производящие хозяйства не будут оценивать своих продуктов по полезности (т.-е. по предельной полезности)? Ведь, для того, чтобы была пресловутая пропорциональность, необходимо, чтобы были те величины, между которыми данная пропорциональность устанавливается. Выше мы видели, что с трудовой стоимостью дело обстоит из рук вон

¹⁾ «Основы», стр. 212—213.

плохо. А теперь сам г. Туган, во всем своем критическом великолепии, объявляет, что оценка по предельной полезности в условиях капитализма (или даже простого товарного хозяйства) для продавцов является полнейшей бессмыслицей.

Мы разобрали теорию г. Тугана, не касаясь правильности одной из ее составных частей—теории предельной полезности, взятой самой по себе. А между тем она отнюдь не защищена нашим теоретиком. Это весьма любопытный факт. В поисках новых путей российские буржуа удивительно «критически» настроены по отношению к Марксу; но к капиталистической научной идеологии Запада они относятся с почти религиозным преклонением. Это обстоятельство лишний раз показывает истинную природу тех «новых идей в экономике», проповедью которых занимаются г-да Туганы-Барановские, Булгаковы, фон-Струве *c tutti quanti*.

Указатель имен и цитированных сочинений.

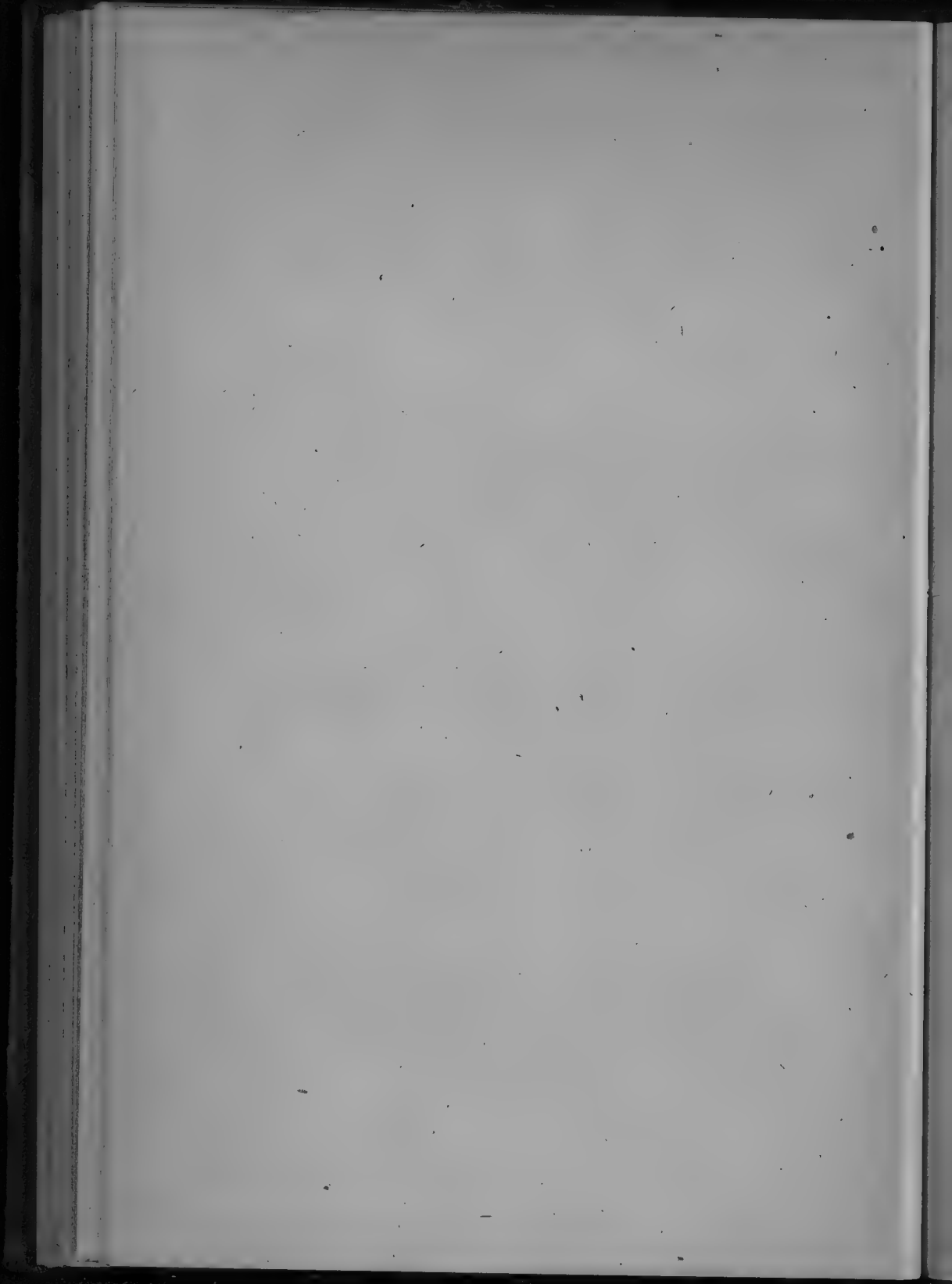
- Adler, K. Dr.* Kapitalzins und Preisbewegung. Munch. u. Leipzig. 1913. 112.
- Ammon, Alfr.* Objekt und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie. Wien u. Lpz. 1911. 30.
- Bastiat, Fr.* Harmonies économiques. Bruxelles. 1850. 39.
- Bernstein, E.* Theorie und Geschichte d. Socialismus. IV Aufl. 126.
- Böhm-Bawerk.* Капитал и прибыль 16, 66, 75, 77.
Positive Theorie d. Kapitals. III Aufl. 25, 72, 128, 129, 130, 131, 133, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 145, 148, 149, 150, 152, 153, 154, 156, 157, 158, 159, 160, 162, 163, 173, 174, 175, 177, 178.
Основы теории ценности хозяйственных благ. пер. А. Санина. СПб. 34, 38, 66, 67, 69, 71, 72, 74, 78, 79, 80, 81, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 94, 96, 98, 99, 100, 102, 103, 104, 105, 107, 109, 110, 113, 114, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123.
Статья в „Zeitschrift für Privat- und öffentl. Recht.“ Wien, 1884, B. XI. 38.
Теория Карла Маркса и ее критика, пер. проф. Георгиевского. СПб. 1897. 42, 43.
Kapital u. Kapitalzins. B. II. 1909. 52, 55, 70, 72, 80, 87, 90, 104, 107, 111.
Der letzte Maalzstab des Güterwertes etc. в Zeitschrift für Volksw. Soz. — pol. u. Verw. III. 69.
Капитал и прибыль пер. под ред. Туган-Варафова 141, 143.
- Bortkiewicz, L. v.* Der Kardinalfehler der Böhm-Bawerkschen Zinstheorie. Schmoller's Jahrb. B. 30. 151, 155, 168, 170.
- Boudin, E.* Das theoretische System v. K. Marx. Stuttg. 1909. 41*
- Bucharin, N.* Eine Oekonomie ohne Wert. N. Z., 1914, № 22 и 23, 46.
- Булгаков, С.* Философия хозяйства. 48, 64.
- Bücher, Karl.* 9.

- Canard, N. F.* Principes d'économie politique Paris, 1810.—188.
- Carver, Thomas Nixon*, The distribution of wealth. N. J. 1904. 89, 40. 77, 95, 132.
- Cassel*, Die Produktionskostentheorie Ricardò's etc. [Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. Bd. 57] 80.
- Charasoff, Georg*, Das System des Marxismus. Berlin. 1910. 33, 46, 59, 147.
- Clark, пред.*, 39.
The Distribution of Wealth N. J. 1908. 132.
- Condillac*, ср. 15.
Le Commerce et le Gouvernement, considérés relativement l'un à l'autre. Paris an III (1795). 27, 70.
- Cossa, Luigi*, Introduzione allo studio dell'economia politica. Milano. 1892. ср. 15.
- Dietzel, Heinrich*, Theoretische Sozialökonomik. 14, 16, 49, 68, 137.
Zur klassischen Wert und Preistheorie. Conrad's Jahrbücher, III Folge, I. B. 112.
- Eckstein, G.* Zur Methode d. polit. Öekon. N. Z. XXVIII B. I 85, 98. 116.
Die vierfache Wurzel des Satzes vom unzureichenden Grunde d. Grenznutzentheorie [N. Z. XXII, III]. 101.
- Engels, Friedrich*, 47.
Людв. Фейербах, пер. Плех. Женева. 1905. 35.
Анти-Дюринг, пер. Яковлева. Спб. 1906. 54.
- Франк, С.* 56.
Теория ценн. Маркса и ее знач. 59.
- Gatiani*, 15.
- Gossen, Hermann*, 28. Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs u. daraus fließender Regeln für menschliches Handeln. 1854. 27, 76, 78.
- Gresham*, 28.
- Hildebrand*, 9.
- Hilferding, R.*, 35.
Das Finanzkapital, 8, 25, 41, 182.
Böhm-Bawerks Marx-Kritik. 69, 74, 75, 95, 102.
- Jevons, Stanley*, 28, 29.
The theory of political economy. London F. N. Y. 1871. 28, 39, 57, 78.
- Мелезнов, В.* Очерки политической экономии. М. 1912. 95.
- Жид, Шарль*, Основы пол. эк. Изд. Павленко, Спб. 1896. 20.
- Кауфман, Илар.* 34, 46.
- Kaulla*, Die geschichtliche Entwicklung der modernen Werttheorien. Tübingen. 1906. ср. 24.
- Kautsky, K.* Vorwort zum Boudins „Theor. System v. K. Marx. 57.
- Кейнс, Джон*, Предмет и метод пол. эк., пер. под ред. Мануилова, М. 1899. 43. 53.

- Knies, Karl.* 9, 10. Die pol. Oekon. vom geschichtlichen Standpunkte, Neue Auflage. 1883, 10.
- Komorzinsky.* 16.
- Lassalle.* Kapital und Arbeit, 75.
- Lehr.* 68.
- Lewin.* Arbeitslohn und Soziale Entwicklung, 89, 163.
- Lexis, W.* Allgemeine Volkswirtschaftslehre. 1910. 74, 156.
- Liefmann, R.*, 5.
- Ueber Objekt, Wesen und Aufgabe der Wirtschaftswissenschaft. *Conr. Jahrb.*, 113. 31, 32, 43, 55.
- Lipschitz.* Zur Kritik der Böhm-Bawerkschen Werttheorie. *Lpz.* 1908. 44.
- Lisil, L.* Das nat. Syst. der pol. Oek. 11.
- Мануйлов.* Понятие ценности по учению экономистов классической школы. 101.
- Marx, Karl.* passim.
- Theorien über d. Mehrw. 5, 36, 46.
- Капит., т. I—34, 46, 49, 51, 59, 67, 68, 74, 75, 101.
- Капитал, т. II, 23, 56, 143, 176, 179.
- Кап. т. III, 51, 56, 58, 127, 128, 131.
- Misère de la phil. ed. G. et Brière 1908. 35, 95.
- Einleitung zu einer Kritik der pol. Oek. в Кр. d. p. Oek. Stuttg. 1907. 37, 50, 51, 58, 59.
- Menger, Karl.* 100.
- Die Irrtümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie. Wien. 1884, стр. 16.
- Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Wien 1871. 28, 70, 99, 38, 66, 67,
- Untersuchungen über die Methoden etc. 31, 38.
- Мюллер.* 141.
- Михайловский, А.* История политической экономии Юрьев. 1909. 11—12.
- Mill, J. S.* Grundsätze der pol. Oek. Übers. Soetbeer. III Aufl. 1869, II B. 63.
- Mises, Ludw. v.* Theorie d. Geldes und der Umlaufsmittel. 102.
- Mun, Thomas,* стр. 23.
- Neumann.* Naturgesetz und Wirtschaftsgesetz. Zeitsch. für gesamte Sozialwiss. Hg. v. Schäffle. 12, 49.
- Wirtschaftliche Grundbegriffe. Handb. der Pol. Oekon. H. v. Schönberg. 68.
- North, Dudley,* 23.
- Oncken.* Geschichte der Nationalökonomie. 23, 47.
- Oppenheimer, Fr.* Die soziale Frage u. Sozialismus. 53.
- Pareto, Viltredo.* Cours d'Econ. politique. Lausanne. 1896. 60, 70.
- Parnus.* Der Staat, die Industrie und der Sozialismus Verl. v. Kaden. Dresden, 20.
- Oekonomische Taschenspiellerei (N. Z., Jahrg. X, под ред. проф. J. H.). 106, 147, 156.

- Нурсон*. 151.
- Плеханов, Г. В.* 85.
- Pfibrn, Karl.* Die Idee des Gleichgewichtes in der älteren nationalökonomischen Theorie. Zeitschr. für Volksw. u. Sozialpolitik u. Verw. 17. Band. 23.
- Ricardo, D.* 10, 15, 23, 63.
Начала политической экономии, пер. Н. Рязанова. 125.
- Rickert, R.*, 15.
- Родбертус*. 52, 136, 183.
Капитал, пер. Давыдова. 128, 142.
- Засулич, В. И.* 41.
- Sax, Emil.* Das Wesen u. die Aufgaben der N.-Oek. Wien. 1884. 14, 42, 54.
4 ст. в Conrad's Jahrb. f. Nat.-Oek. und Staat. 1894. III Folge, 8. Band. 30.
- Шангиников, Н. Н.* Теория ценности и распред. М. 1912. 63, 77, 116, 126, 129, 163.
- Shurling, Will.* Grenznutzentheorie u. Grenznutzenlehre. Conrad's Jahrb. III Folge, 27. Band (1904). 81, 86, 89, 100, 113.
- Schatz, Albert.* L'individualisme économique et social. 1907, 24.
- Schmolter, Gustav.* 9, 11, 12.
Grundriss der Allgem. Volkswirtschaftslehre. Leipz. 1908. 13.
Ueber einige Grundfragen der Sozialpolitik u. d. Volkswirtschaftslehre. Leipz. 1898. 15, 16.
- Schor, Alex.* Kritik d. Grenznutzenlehre Conrad's. Jahrb. B. 23. 93.
- Schumpeter, Josef.* 59.
Die neuere Wirtschaftstheorie in den U. St. Jahrb. für Gesetzgeb., Verw. u. Volkswirt. hg. v. Schmolter. 34 Jahrg. H. 3. 26.
Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalök. Lpz. 1908. 60.
Bewerkungen über das Zurechnungsproblem. Zeitschrift für Volkswirt. Soc.-Pol. u. Verwalt. B. 18 (1903). 106, 107, 108.
- Smith, Adam*, ср. 23, 24.
„Wealth of nations“, Lnd. 1895. 33.
- Sombart, Werner.* 19.
Der Bourgeois. Münch. u. Leipz. 1913. 17, 18, 26, 72.
Luxus u. Kapitalismus. Verl. Duncker u. Humblot. 1913, 20.
Zur Kr. des ök. Syst. von K. M. Brauns Archiv. B. VII 32, 33, 34, 68, 142.
- Оменанов*. 8.
- Stolzmann, Rüd.* 5, 35.

- Der Zweck in der Volkswirtschaftslehre. 1909. 84, 41, 44, 53, 55, 56, 68, 86, 93, 130, 145, 153, 170.
Sociale Kategorie. 44.
- Старуве, П. В. „Хозяйство и цена“. М. 1918. 36, 37, 43, 49, 64, 104.
- К критике основ. понятий полит. экон. Ст. в журн. „Жизнь“. 126.
- Torrens. An Essay on the Production of Wealth. 53.*
- Гуган-Бар. Основы пол. экон. 9, 60, 63, 46, 69, 92, 98, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 196.
- Цурпов, А. А. Очерки по теории статист. Спб. 1909, 15, 40.
- Wagner, Ad. Grundlegung der polit. Ökonomie. II Aufl. 136.
- Walras, Auguste. De la nature de la richesse et de l'origine de la valeur. 1831, 27, 70.
- Walras, Léon. Etudes d'économie sociale. Théorie de la repartition de la richesses sociale. Lausanne—Paris, 1896. 14, 28, 39.
- Théorie mathématique de la richesse sociale. Lausanne. 1883. 28.
- Principo d'une théorie mathém. de l'échange. „Journ. des Econ“. 1874. 28, 57, 70, 75, 77, 78, 87.
- Wieser. Ursprung d. Wertes. 66, 87.
- Der natürliche Wert. 76, 78, 79, 100, 104, 104, 155.
- Wicksell. Zur Verteidigung der Grenznutzenlehre. 80.
- Windelband. 15.
- Verri, Comte de. Economie politique ou Considerations sur la valeur de l'argent et les moyens d'en faire baisser les intérêts sur les Banques, la balance de Commerce, l'Agriculture, la population, les Impôts et. Paris, An. III 27, 70.
- Bunner, проф. Очерки теории ист. позн. М. 1911, 35.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие . . . . .

Введение. Буржуазная политич. экономия после Маркса.

1. Историч. школа в Германии. Социологическая характеристика историч. школы. Ее логическая характеристика. 2. Австрийская школа. Социологическая характеристика австр. школы. Краткая логическая характеристика ее. 3. Англо-американская школа. 4. Предшественники „австрийцев“ . . . . .

Глава I. Методологические основы теории предельной полезности и марксизма.

1. Объективизм и субъективизм в политич. экономии. 2. Историческая и неисторическая точки зрения. 3. Точка зрения производства и точка зрения потребления. 4. Итоги 30

Глава II. Теория ценности.

1. Значение проблемы ценности. 2. Ценность субъективная и объективная; определения. 3. Полезность и ценность. 4. Величина ценности. Единица оценки. 62

Глава III. Теория ценности (продолжение).

1. Учение о субституционной пользе. 2. Величина предельной пользы и количество благ. 3. Величина ценности благ при различных способах употребления. Субъективная меновая ценность. Деньги. 4. Ценность комплементарных благ. 5. Ценность производительных благ. Издержки производства. 6. Итоги 84

Глава IV. Теория прибыли.

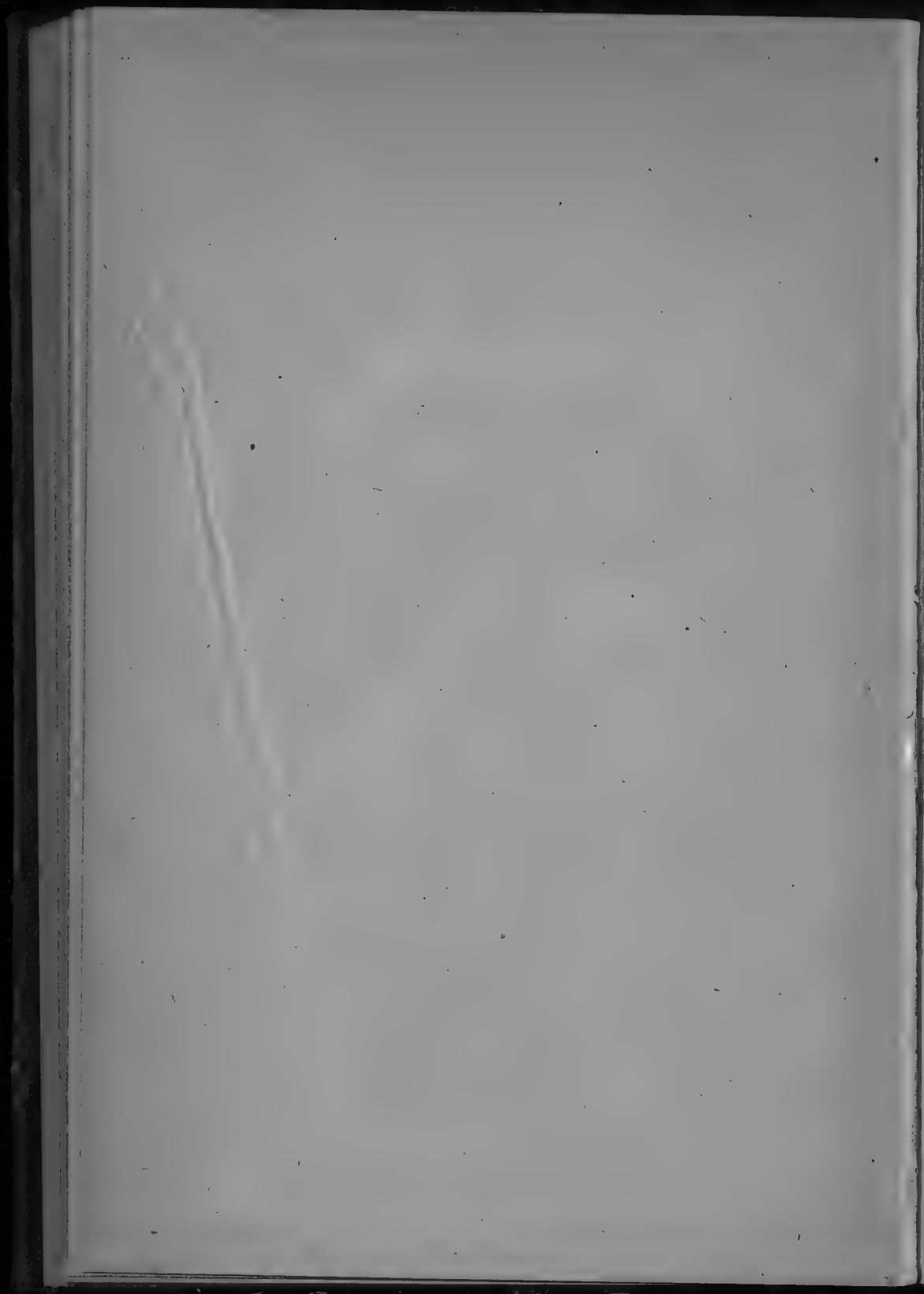
1. Значение проблемы распределения. Постановка вопроса.	
2. Понятие капитала. „Капитал“ и „прибыль“ в „социалистическом государстве“.	
3. Общая характеристика капиталистического производственного процесса; образование прибыли	125

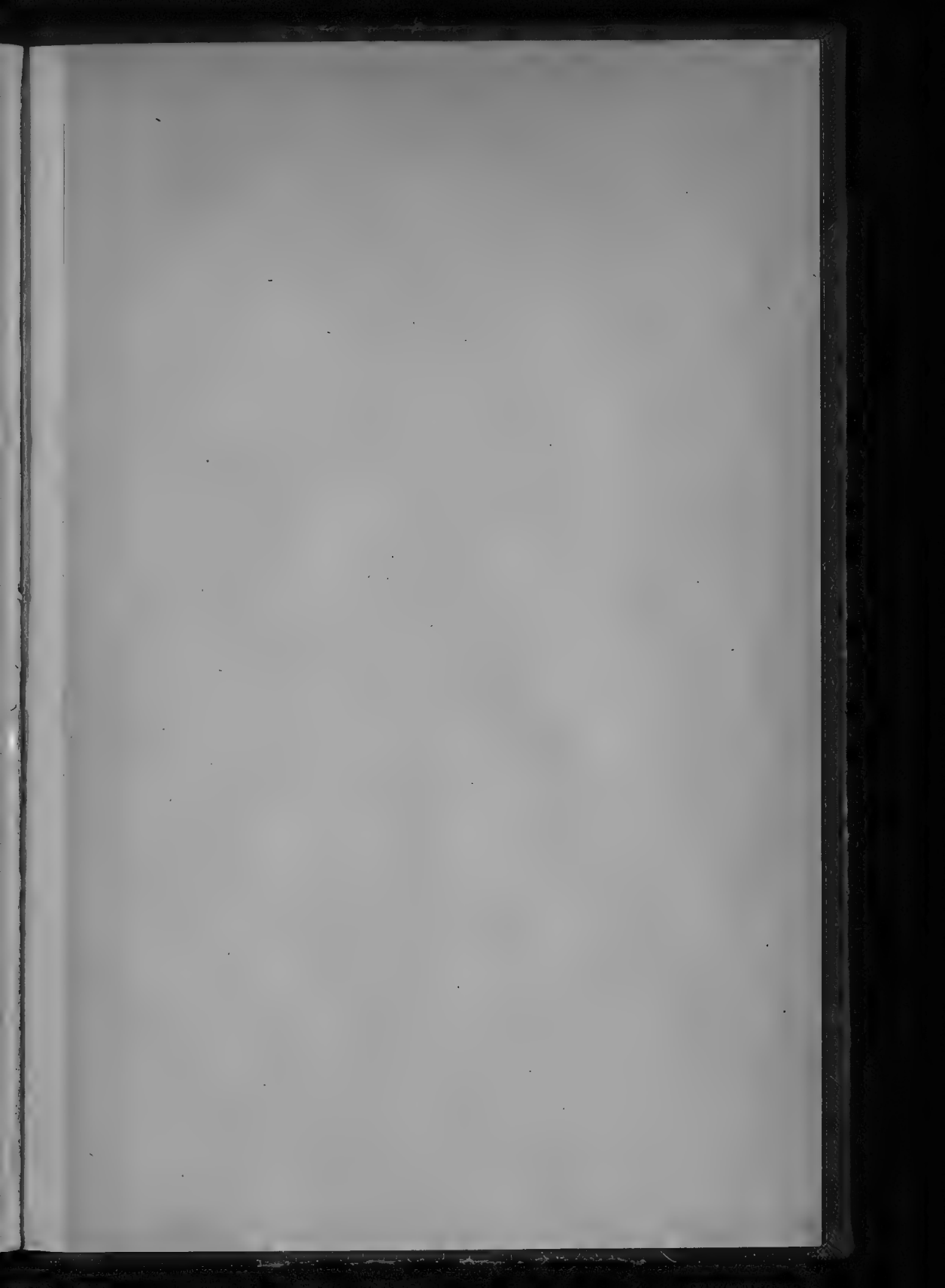
Глава V. Теория прибыли (продолжение).

1. Две причины переоценки настоящих благ: а) различное отношение между потребностями и средствами их удовлетворения в разное время; б) систематическая недооценка будущих благ.	
2. Третья причина переоценки настоящих благ: техническое их превосходство.	
„Фонд существования“ (der Subsistenzfonds). Спрос на настоящие блага и их предложение. Образование прибыли.	148
Заключение	181
Приложение. Теоретическое Примиренчество. (Теория ценности г. Тугана-Барановского)	187
Указатель имен и цитированных сочинений.	199

Наиболее важные опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Следует читать:
23	6 сверху	признали	признаки
23	примечания	в иностранном тексте пропущено много ударений.	
161	примечание	векселя	ведется
200	25 сверху	Яковлева	Яковенко
200	41 " "	Павленко	Павленкова
201	13 "	List	List
202	6 снизу	Flage	Frage

Цена 15 руб.

12

